

А.Х. ЭЛЕРТ

**НАРОДЫ СИБИРИ
В ТРУДАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

К 275-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Х. ЭЛЕРТ

**НАРОДЫ СИБИРИ
В ТРУДАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА**

Ответственный редактор
академик РАН *Н.Н. Покровский*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
1999

ББК 63.3(05)

345

Рецензенты

доктор исторических наук *Н.Д. Зольникова*
кандидат исторических наук *И.В. Октябрьская*

Утверждено к печати Институтом истории СО РАН

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты 96-01-00295, 99-01-00448

Элерт А.Х.

345 Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. - Новосибирск: Изд-во
Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 240 с.

В монографии анализируются неопубликованные и практически не известные даже специалистам работы "отца сибирской истории" Г.Ф. Миллера, посвященные этнической истории и этнографии сибирских народов. Особое внимание уделяется теоретическим разработкам Г.Ф. Миллера в области этнографии. В книге исследуются уникальные сведения Миллера по этническому составу, численности и расселению сибирских народов, особенностям их вхождения в состав России, материальной и духовной культуре.

Книга предназначена для историков, этнографов, лингвистов, краеведов.

ISBN 5-7803-0051-8

ББК 63.3(05)

© А.Х. Элерт, 1999

ВВЕДЕНИЕ

Личность выдающегося российского историка, знаменитого исследователя Сибири Герарда Фридриха Миллера трудно назвать обделенной вниманием как его современников, так и последующих поколений ученых. До сих пор это один из наиболее часто цитируемых авторов, без ссылок на труды и материалы "отца сибирской истории" не обходится почти ни одно серьезное исследование по истории Сибири XVI - XVIII вв., этнографии и языкам ее коренных народов, истории археологических, географических и картографических работ на востоке страны. Особый интерес к научному наследию Миллера в области сибиреведения объясняется актуальностью поднятых им проблем, насыщенностью его трудов и экспедиционных материалов фактическими данными, доверием к сообщаемым им свидетельствам. Научная добросовестность Миллера, его стремление "быть верным истине, беспристрастным и скромным" также в немалой степени определяют авторитет ученого.

Анализу рукописных материалов знаменитых "Портфелей Миллера" в РГАДА и личного фонда ученого в СПбО АРАН посвящены многие сотни страниц в трудах исследователей нескольких поколений. Тем не менее приходится констатировать, что архивное наследие Миллера остается менее изученным, чем других крупных историков прошлых веков. Не введены в научный оборот не только многие собранные им материалы, его статьи и заметки по различным проблемам, но и некоторые капитальные научные труды. Ярким тому примером может служить "История Сибири" Миллера, труд, который считается надежным фундаментом, на котором строилось здание сибирской исторической науки. Из 23 написанных ученым глав до сих пор опубликовано лишь 9. Неопубликованные главы, содержащие интереснейшие данные об освоении Сибири русскими во второй половине XVII в., о присоединении новых территорий в Забайкалье и Приамурье, в Якутии и на Северо-Востоке Сибири, о русско-китайских отношениях, истории церкви в Сибири, восстаниях казаков и коренных жителей и др., историками не используются, нет даже четкого представления об их содержании¹. Многие рукописные работы Миллера, посвященные истории и географии Сибири, ее промышленности, этнографии коренного населения, известны современным специалистам лишь по названиям, указанным в архивных описях (нередко ошибочным).

¹ В настоящее время группой ученых во главе с С.И. Вайнштейном начата работа по полному изданию "Истории Сибири" Миллера.

Хуже всего, пожалуй, обстоит дело с этнографическими трудами и материалами Миллера. До сих пор почти все оценки Миллера как этнографа основывались на тех данных, которые вошли в опубликованные главы "Истории Сибири". Хранящиеся же в архивах громадные комплексы этнографических материалов, собранных ученым во время десятилетнего путешествия по Сибири (1733 - 1743 гг.), а также написанные на их основе труды по этнографии почти всех коренных народов Сибири в значительной своей части даже не прочитаны никем из современных специалистов, не говоря уже о переводах на русский язык и публикациях. И это при том, что ученые признают крайне скучной источниковую базу по многим важнейшим проблемам этнической истории и этнографии коренных народов Сибири XVIII в.

Почему же невостребованными оказались архивные материалы Миллера? Однозначно на этот вопрос ответить невозможно. Предположение, что эти материалы утратили свое значение и не представляют для современной науки большого интереса, обнаруживает свою несостоятельность даже при беглом знакомстве с ними. Полевой дневник Миллера, его историко-географические описания сибирских уездов, путевые описания, статьи по истории и археологии, специальные этнографические труды, в числе которых фундаментальное "Описание сибирских народов", насыщены уникальными данными по истории коренных народов Сибири, их этническому составу, численности и расселению, материальной и духовной культуре, языкам, аборигенной топонимике. Миллер дает сведения о всех народах Урала и Сибири (от коми-зырян и башкир на западе до чукчей и ительменов на востоке, от тувинцев на юге до ненцев на севере) и практически по каждому из этих народов приводит данные, которых нет в других источниках XVIII в. Особое значение имеют его материалы о некоторых малочисленных народностях, полностью ассимилированных к концу XVIII в.; достоверно судить об их языке и особенностях культуры мы можем только по экспедиционным записям Миллера.

Одна из реальных причин слабой изученности архивного наследия Миллера достаточно очевидна - это колоссальный объем фондов ученого, насчитывающих сотни тысяч страниц рукописей. Описи к делам основного комплекса этих материалов, хранящегося в РГАДА, составлены еще в XIX в., и по ним зачастую невозможно определить реальное содержание того или иного дела. К тому же некоторые рукописи этого фонда во второй половине XIX в. попали в другие фонды и даже в другие архивохранилища и их местонахождение подчас трудно установить. Здесь уместно вспомнить, что рукопись "Описания сибирских народов" была обнаружена лишь в 1939 г. в РГАДА, в фонде Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел¹.

¹ См.: Андресов А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 98 - 99.

Другая причина - это трудности палеографического характера. Подавляющее большинство этнографических рукописей Миллера написано на немецком языке крайне неразборчивым почерком, с многочисленными исправлениями, сокращениями слов и элементами стенографии. Особенно трудны для прочтения черновые заметки, сделанные в полевых условиях. Поэтому в отношении немецкоязычного рукописного наследия Миллера действует правило, которого вынуждено придерживаться большинство исследователей: что не переведено на русский язык или не опубликовано на языке оригинала, то как бы и не существует.

На протяжении последних десятилетий указанные трудности в изучении архивных материалов Миллера лишь усугублялись, что связано с общим упадком в отечественной науке так называемых вспомогательных исторических дисциплин, занимающихся изучением источников и техникой извлечения из них фактов. И все же не они, по нашему мнению, являлись в данном случае определяющими. Основную причину следует искать в сфере идеологии, жестко определившей приоритеты в советской исторической науке и навязывавшей ей свои методологические установки.

Прямое подтверждение указанным выше причинам мы можем найти, обратившись к истории изучения и публикации архивного наследия Миллера.

Ученые XIX в. обращались, как правило, лишь к тем трудам и материалам Миллера, которые были опубликованы еще в XVIII в. при жизни их автора. Исключение составляют многочисленные издания документальных источников, скопированных под руководством Миллера в архивах сибирских городов¹. Этнографические труды долгое время оставались вне поля зрения специалистов, и ситуация не изменилась даже после выхода в свет обстоятельных справочных изданий, подготовленных М.П. Пущило и Н.В. Голицыным². В этих изданиях дается детальное описание большого числа архивных рукописей Миллера, указывается их местонахождение. Среди них отмечены и многие работы, имеющие отношение к этнической истории, этнографии и языкам народов Сибири.

Из дореволюционных изданий архивных материалов Миллера, помимо документальных, необходимо отметить лишь два. В 1894 г. В.В. Радловым были впервые опубликованы довольно обширные извлечения из описания сибирского путешествия Миллера, а также его "Исторических примечаний" ("Observationes historicae"); в качестве приложения здесь приведена археологическая часть инструкции, написанной Миллером для

¹ Об этих изданиях см.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI - XVII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993. Т. I. С. 225 - 250; Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 238 - 254.

² Пущило М.П. Указатель делам к рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву Министерства иностранных дел. М., 1879; Голицын Н.В. Портфели Миллера. М., 1889.

И.Э. Фишера ("Об описании древностей")¹. В указанных извлечениях содержатся сведения преимущественно о сибирских археологических памятниках, однако в связи с некоторыми из них Миллер высказывает свои соображения относительно шаманизма, приводит исторические легенды и предания. Все материалы в данном издании опубликованы в переводе на русский язык.

Этнографическая часть инструкции Фишеру была опубликована несколько лет спустя на немецком языке². В предисловии к изданию Д.А. Клеменц очень высоко оценил этот документ и поставил вопрос о его влиянии на известных исследователей Сибири и ее народов XVIII в. (И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, И.Г. Георги). Отдавая должное способностям и основательной подготовке этих ученых, он все же приходит к выводу, что "взгляды их на этнографию находят полное выражение именно в печатаемом ныне документе"³. Сопоставив, в частности, вопросы инструкции антропологического характера и соответствующие описания Палласа, Д.А. Клеменц заключает: "Мы не хотим сказать, чтобы такая крупная личность, как Паллас, был только послушным исполнителем идей Миллера, но влияние последнего на Палласа кажется нам несомненным"⁴. Публикацию этнографической части инструкции предваряют объяснения некоторых встречающихся в ней русских слов, не знакомых широкому читателю (в основном из сибирских говоров). Следует признать, что отдельные объяснения Д.А. Клеменца ошибочны или не совсем точны.

Перелом в судьбе архивного наследия Миллера наступил лишь в 30-е гг. XX в., когда известными историками и крупными специалистами в области археографии и источниковедения феодальной России С.В. Бахрушиным и А.И. Андреевым была начата работа по изданию наиболее важных трудов Миллера по истории, географии, археологии и этнографии Сибири. Всего предполагалось опубликовать несколько десятков работ, в том числе этнографическую часть инструкции И.Э. Фишеру (переиздание на русском языке), инструкции С.П. Крашенинникову и Г.В. Стеллеру, статью "О китовой ловле около Камчатки" (переиздание), работу "Описание живущих в Казанской губернии языческих народов..." (переиздание) и "Описание сибирских народов", местонахождение которого тогда еще не было установлено и в распоряжении ученых было лишь предисловие к этому труду⁵. Из запланированного, однако, удалось осуществить лишь издание в 1937 и 1941 гг. двух томов "Истории Сибири".

¹ Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. I. Вып. 3 / Матер. по археологии России, изданные Императорской археологической комиссией. № 15.

² Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. I.

³ Там же. С. VIII.

⁴ Там же.

⁵ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. V.

В первом томе опубликованы вводные статьи С.В. Бахрушина и А.И. Андреева. В статье С.В. Бахрушина "Г.Ф. Миллер как историк Сибири"¹ развернуты основные положения о месте Миллера в сибирской историографии, которые были высказаны им еще в 1925 г.². Автор высоко оценил новаторские методы Миллера в области источниковедения, его отказ от средневековых приемов исторического исследования. По мнению С.В. Бахрушина, Миллер "далеко опередил свой век" в понимании тесной взаимосвязи истории с археологией и этнографией, в использовании данных фольклора и лингвистики при решении исторических проблем. "Самой замечательной стороной "Истории Сибири", - пишет С.В. Бахрушин, - является последовательное стремление автора научным путем разрешить этногенетические вопросы"³.

Этим высоким и вполне обоснованным оценкам противоречат выводы С.В. Бахрушина об отставании Миллера от западноевропейской науки и отсутствии у него "широкого исторического мировоззрения". Несправедливо, на наш взгляд, и обвинение историка в том, что он рассматривал народы Сибири как низшую расу и выступал в "Истории Сибири" "горячим апологетом тех методов эксплуатации коренного населения, какие применялись в Сибири в XVI - XVIII вв."⁴. Следует отметить, что именно критические оценки С.В. Бахрушина были приняты и развиты в большинстве историографических трудов последующих десятилетий.

В статье А.И. Андреева "Труды Г.Ф. Миллера о Сибири"⁵ на основе большого количества впервые вводимых в научный оборот архивных источников характеризуется работа Миллера по сбору исторических источников, археологических, этнографических и лингвистических материалов, даются сведения о времени и обстоятельствах написания им различных работ, в том числе и оставшихся неопубликованными. Не ставя перед собой задачу специального анализа этнографических трудов и материалов Миллера, А.И. Андреев все же дал некоторые общие сведения об их составе и содержании. Эта статья, а также некоторые другие работы А.И. Андреева, опубликованные позднее, являются незаменимым пособием для всякого исследователя, обращающегося к архивным фондам Г.Ф. Миллера⁶.

¹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 3 - 55.

² Бахрушин С.В. Основные течения сибирской историографии XVIII века // Северная Азия. М., 1925. Кн. 1, 2. См. также: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 53 - 71.

³ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 31.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 57 - 144.

⁶ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции // Изв. ВГО. 1959. Т. 91, вып. 1; Он же. Очерк по источниковедению Сибири; и др.

Наиболее информативны сведения А.И. Андреева о рукописных материалах Миллера, хранящихся в СПбО АРАН. Рукописи "Портфель Г.Ф. Миллера" в РГАДА ученый вынужден был характеризовать преимущественно по опубликованным данным и сведениям, полученным от московских и ленинградских коллег. Этим можно объяснить ошибки историка в атрибуции некоторых рукописей, определении их структуры и содержания. Так, давая краткие сведения об "Описании сибирских народов" (а эти сведения долгое время были единственными в литературе), А.И. Андреев отмечает в числе глав "более законченного характера" главу "Von der Kriegeszucht der Völker" (л. 31 - 83)¹. На самом деле эта глава о военном деле у сибирских народов одна из наиболее кратких и незавершенных, занимающая лишь 4 листа рукописи. В то же время многие действительно большие по объему и вполне законченные главы (например, о браке) историком вообще не отмечены. На основе анализа архивных материалов А.И. Андреева можно предположить, что сведения об "Описании сибирских народов" были получены им от В.Ф. Гиучсовой².

В опубликованных работах А.И. Андреева нет развернутого анализа историографических взглядов Миллера и оценок его роли в развитии русской исторической науки. Мы полагаем, что это объясняется цензурными условиями того времени: ученый не имел возможности печатно сказать то, в чем он был убежден, а "отдавать дань времени" не хотел в силу своей порядочности и профессиональной ответственности. В рукописных же записях А.И. Андреева обнаруживаются очень важные для нас высказывания историка о большом значении исследований Миллера для развития русской исторической науки и этнографии, самостоятельном характере его научных программ, влиянии его трудов и методологических принципов на творчество многих крупнейших ученых XVIII в. (И.Г. Гмелин, Г.В. Степлер, С.П. Крашенинников и др.).

Все попытки А.И. Андреева и С.В. Бахрушина опубликовать в 1940-х гг. хотя бы уже подготовленный к печати 3-й том "Истории Сибири" оказались безуспешными. Это связано, в первую очередь, с пересмотром роли немецких ученых в становлении и развитии российской науки.

Поводом к радикальной переоценке научного наследия Миллера послужила выпущенная в 1941 г. книга Н.Л. Рубинштейна³, в которой были отмечены громадные заслуги историка в становлении и развитии многих научных дисциплин, в особенности источниковедения, археографии, этнографии. С именем Миллера автор связывал появление в отечественной исторической науке практически всех новых направлений. Среди важнейших

¹ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. С. 99.

² СПбО АРАН, ф. 934, д. 65, л. 20.

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

профессиональных принципов Миллера Н.Л. Рубинштейн называет его стремление к истине, какой бы неудобной она ни была.

Обсуждение (и, естественно, осуждение) этой книги стало важнейшей составной частью развернувшейся во второй половине 1940-х гг. кампании борьбы с космополитизмом. С этого времени Миллер в советской историографии превращается в фигуру не столько реальную, сколько символическую и даже мифологическую. Поскольку этот ученый, будучи немцем, сделал для отечественной науки и культуры неприлично много, он становится олицетворением тех качеств, которыми отныне наделяют "настоящих" немцев-ученых. Старателейный, но без воображения, усердный собиратель фактов, которые он был не в состоянии правильно интерпретировать и обобщить, реакционер по политическим взглядам, убежденный крепостник, защитник правящего класса, верный слуга царизма и, наконец, сознательный фальсификатор русской истории - таким предстает Миллер во многих трудах советских историков 1940 - 1980-х гг.

Фигура Миллера прочно заняла свое место в историографических работах в разделах, посвященных дворянскому направлению в отечественной исторической науке. Миллеру можно было приписывать все, что угодно, даже не обращаясь к его трудам или совершенно искажая их смысл, - опровержений можно было не опасаться. И еще одно немаловажное обстоятельство в значительной мере объясняет прекращение издания трудов Миллера как "неактуальных". Эти труды (как исторические, так и этнографические) насыщены фактами, которые не вписывались в признанные единственно правильными жесткие схемы развития России и ее восточных окраин. Если научные концепции Миллера можно было объявить ошибочными, обслуживающими интересы правящего класса, то гораздо сложнее в случае публикации его работ было бы бороться с "упрямой вещью" - фактами.

Лишь в середине 1950-х гг. А.И. Андреев возобновил попытки издать работы Миллера. К этой работе ему удалось подключить таких известных историков и этнографов, как Л.П. Потапов, М.О. Косвен, С.А. Токарев и др. В фонде А.И. Андреева в СПбО АРАН¹ сохранилось немало документов, в которых можно найти подтверждение тому, что и во второй половине 1950-х гг. А.И. Андреев не отказался от планов издания наиболее важных этнографических трудов Миллера. И хотя этим планам не суждено было сбыться, работа А.И. Андреева и его единомышленников принесла определенные результаты.

В 1961 г. М.О. Косвен в обширной и очень информативной статье² дал характеристику большинства этнографических трудов и материалов Миллера и на основе этого сделал вывод о том, что по своему уровню они

¹ СПбО АРАН. ф. 934.

² Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733 - 1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 166 - 212.

"намного опережают все, что тогда существовало в зарубежной этнографической литературе"¹. По вполне понятным причинам М.О. Косвен оставил открытым вопрос о том, какое место занимает Миллер в становлении русской этнографии. Наиболее детально М.О. Косвен проанализировал этнографическую программу Миллера, назвав ее "замечательным этнографическим документом" и выразив уверенность, что "она и сейчас может быть плодотворным образом использована в современной полевой этнографической практике"². Убедительно показал М.О. Косвен и несостоительность утверждений о зависимости программных разработок Миллера от анкет В.Н. Татищева. Однако и в этой статье не был использован главный труд ученого - его "Описание сибирских народов" и черновые наброски к нему ("Известия о якутах и их шаманах..."). М.О. Косвен привел лишь названия этих сочинений и указал архивные шифры. Впрочем, и другие немецкоязычные рукописные материалы Миллера (полевой дневник, "Известия о шаманах..." и др.) охарактеризованы автором лишь в самом общем виде и не всегда верно.

Несмотря на чрезвычайно высокую оценку, которую М.О. Косвен дал этнографическим работам Миллера, они так и не привлекли внимания ученых. Так, например, никто из них неставил записей в листе использования архивного дела с "Описанием сибирских народов" Миллера, и до конца 1980-х гг. последней в этом листе была запись, сделанная М.О. Косвеном в 1959 г. Во многих историографических обзорах последних десятилетий указывается (вслед за М.О. Косвеном) на то, что работа Миллера "Известия о якутах..." является ценным источником по этнографии народов Сибири, однако дальше пожеланий скорейшего введения в научный оборот этого труда дело так и не пошло.

Единственный, кто на практике и очень результативно использовал ряд этнографических и историко-географических экспедиционных работ Миллера, был известный этнограф Л.П. Потапов. В его труды вошли данные по этническому составу, численности, расселению и этнографии тюркоязычного населения Южной Сибири, позаимствованные из "Описания Кузнецкого уезда...", "Описания Красноярского уезда..." и "Описания сибирских народов"³. Л.П. Потапов признал указанные работы одним из важнейших источников XVIII в., не имеющим себе равных по полноте и достоверности сообщаемых сведений. Он отмечает, в частности, что лишь по материалам Миллера, вошедшем в описания Кузнецкого и Красноярского уездов, мы можем определенно судить об этническом составе ряда ясачных волостей Южной Сибири в XVII - XVIII вв.

¹ Там же. С. 194.

² Там же. С. 182.

³ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 169 - 170, 176 - 179, 198 - 200 и др.; ОН же. Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969.

Am 10.12.1914 werden Räderen und gesuchten auf dem
 Briefzettel geschrieben ohne Etikette und fügt hinzu
 "Gern, bis morgen". Sie müssen nicht
 Offiziell sein. Ich schreibe Ihnen auf den Briefzettel
 was ich in die Post legt damit es wird nicht
 die Post zu tun haben, die sie auf jeden Fall von mir
 abweichen möge.
 Offiziell werden gebüffelt in einer besonderen Weise
 Ich erkläre bei einem solchen Verfahren, dass ich
 jetzt auf dem Briefzettel schreibe, dass ich
 Ihnen eine unbedeutende Menge Geld gebe und das
 Sie den Brief an sich aufheben mögen.
 Richtig
 Bei dem Sammeln der Postkarten ist man nicht ob-
 schenkend, dass die werden in einem Gitter
 geladen. Verschriftl. prophezeite ich mir bei dem
 Verschicken:
 "Nur ein Postkarte gefür die werden aufzubringen
 die hier aufgestellt sind müssen, ist mit keinen
 Geld."
 Auf dem weiteren Postkarten schreibe ich Ihnen auf dem
 einen Postkarten auf dem Briefzettel und auf
 im Briefkasten selbst für mich auf, dass ich kein Geld
 auf dem Postkarten benötige.
 Die Sammelposten werden schriftlich bestätigt und dann
 werden diese an mich weiter auf dem Briefzettel und auf
 an den Briefkasten, so falls dem großen Briefe ist
 dieser und wenn möglich soll dies Tagst auf dem

Менее плодотворным было обращение Б.О. Долгих к миллеровским описаниям сибирских уездов из-за неточностей в прочтении и переводе рукописей¹. В то же время Б.О. Долгих впервые ввел в научный оборот большое количество данных об этническом составе, численности и расселении сибирских народов, почерпнутых из документов, скопированных под руководством Миллера в сибирских архивах, а также из ответов сибирских канцелярий на анкеты Миллера и В.Н. Татищева, хранящихся в фонде Миллера в РГАДА. Правда, из сопровождающих эти данные высказываний Б.О. Долгих нередко создается впечатление, что речь идет не об официальных сведениях, а о сочинениях самого Миллера. Например, Б.О. Долгих пишет: "Миллер для 1735 г. называет в Очеульской волости следующие роды" - и далее приводит данные из ответов на анкету В.Н. Татищева по ведомству Верхоленского острога (РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 1)².

Почти во всех историографических работах по истории изучения Сибири в XVIII в., написанных в 1960 - 1980-х гг., содержатся пространные очерки о Г.Ф. Миллере и его исследованиях по этнической истории и этнографии сибирских народов. Вряд ли есть необходимость анализировать все эти труды, поскольку в них, как правило, лишь повторяются главные положения работы В.Г. Мирзоева, опубликованной в 1963 г.³. Основные выводы, к которым пришел В.Г. Мирзоев на основе анализа опубликованных глав "Истории Сибири", следующие. Миллер считал сибирские народы неисторическими и полагал, что только включение в состав Русского государства придало им существование смысл. Собственной истории и культуры в Сибири до русских не было. Историю присоединения Сибири к России ученый видел только с русской стороны, не интересуясь, что происходило в это время в среде коренного населения. Миллер целиком и полностью одобрял политику царских властей, каждое действие русских считал благом, оправдывая даже грабительский характер карательных акций против восставших аборигенов. Критикуя отдельные негативные явления, он тем самым стремился оправдать царскую систему в целом и усовершенствовать методы эксплуатации народов. Важную роль в закреплении власти над нерусскими народами Миллер отводил деятельности православной церкви. Доказательства этих положений изобилуют натяжками и домыслами, а многие из оценок В.Г. Мирзоева находятся в явном противоречии с фактами, обнародованными до того в работах А.И. Андреева, М.О. Косвена и других исследователей (об этих работах в книге даже не упоминается). Более объективен В.Г. Мирзоев при характеристике нова-

¹ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 228, 253 и др. См.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 115.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 282.

³ Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963.

торских методов работы Миллера в области источниковедения, археологии, этнографии, лингвистики и фольклористики, а его работу по сбору источников он оценивает как "образец неутомимой деятельности в пользу науки".

В отличие от этнографов, лингвисты уже давно и плодотворно используют богатейшие материалы Миллера по языкам и диалектам народов Сибири¹. Эти материалы признаны самым важным источником XVIII в., без которого было бы невозможно решение многих кардинальных задач, связанных с определением языковой принадлежности ряда этнических групп, реконструкцией этногенетических, миграционных и ассимиляционных процессов в XVII - XVIII вв. Однако до сих пор лингвисты обращались почти исключительно к словарям Миллера, а колоссальные по объему лингвистические материалы в этнографических трудах ученого еще ждут своего исследователя.

В настоящее время восстанавливается доброе имя Миллера, его снова признают великим российским ученым, патриотом России, гуманистом и просветителем. Начало процессу "реабилитации" Миллера, как и ряда других немецких ученых, работавших в России, положили исследования историков ГДР в 1970-х гг. (Э. Винтер, К. Грау, Э. Доннерт, У. Леман, П. Гофман и др.). С середины 1980-х гг. и в СССР вновь выходят статьи и книги, посвященные Миллеру и его научному наследию, а также издаются его труды. Здесь необходимо прежде всего отметить капитальные исследования Л.П. Белковец². Рассмотрев историографические взгляды Миллера, Л.П. Белковец пришла к выводам, явно противоречащим тем оценкам, которые долгое время господствовали в отечественной историографии. Ею убедительно доказано, что ученый, которого нередко характеризовали как "убежденного крепостника", придерживался либерально-просветительских взглядов. Используя новые источники, Л.П. Белковец сумела показать выдающуюся роль Миллера в пропаганде идей Просвещения в России, в формировании национального самосознания русского народа и становлении исторической науки в России.

¹ Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1961. Т. XIX. Вып. 2; Хедимский Е.А. Лексикографические материалы XVIII - начала XIX в. по славянско-самодийским языкам // Языки и топонимия. Томск, 1978. Вып. VI; Он же. Two шагоң-шайғ-көрәнис Vocalizatrices баштың 18-шы Секция // Шынчалай-үгүйләшеш зәңгәр. Aikakauskirja Journal. Helsinki, 1987. № 81; Старостин С.А. Правмысейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. Вып. 3; и др.

² Белковец Л.П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154 - 166; Она же. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшиг. Томск, 1988; Она же. Г.Ф. Миллер и публикации источников в первом историческом журнале Петербургской Академии наук // Источники по истории общественной мысли в культуре эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 62 - 77; и др.

В работах А.Б. Каменского¹ освещается многогранная и плодотворная деятельность Миллера на всех этапах его творческого пути, по достоинству оценивается его вклад в историческую науку, архивное дело, археографию, источниковедение, географию, краеведение. А.Б. Каменский справедливо указал на необходимость издания неопубликованных трудов Миллера, а также переиздания ряда его работ, опубликованных в XVIII в. Последнее пожелание автор сумел частично реализовать сам, издав и сделав тем самым доступными широкому кругу читателей некоторые работы Миллера, посвященные летописанию, истории дворянства, географическим открытиям и другим проблемам². Как уже отмечалось, в настоящее время группой ученых во главе с С.И. Вайнштейном начата работа по полному изданию "Истории Сибири" Миллера.

С начала 1980-х гг. в Новосибирске под руководством Н.Н. Покровского проводится масштабная работа по изучению и публикации архивного наследия Миллера, результаты которой получили отражение в ряде изданий³. Свою задачу мы видим в исследовании всего комплекса рукописных трудов и материалов Г.Ф. Миллера по этнической истории и этнографии народов Сибири. Только на этой основе можно, наконец, воздать должное деятельности Миллера как теоретика и организатора этнографических исследований на востоке России, этнографа-полевика и автора оригинальных сочинений, определить его место в отечественной этнографии. Хотя труды и материалы Миллера по данной тематике весьма многочисленны и разнообразны, решение ряда указанных задач невозможно без обращения к обширному корпусу документов, в которых отражена работа Второй Камчатской экспедиции, а также к трудам Миллера по истории, географии, археологии, лингвистике, истории дипломатии (как опубликованным, так и рукописным).

В задачу данного исследования входит не только источниковедческий анализ трудов и материалов Миллера по этнической истории и этнографии. Учитывая особую ценность этих источников для решения актуальных

¹ Каменский А.Б. Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 144 - 159; Он же. Г.Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII в. // Советские архивы. 1989. № 2. С. 25 - 32; Он же. Работы для венцов в глухии // Родина. 1990. № 3. С. 20 - 21; и др.

² Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избраниес / Сост. и статья А.Б. Каменского, примеч. А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. М., 1996.

³ Резун Д.Я. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 142 - 158; Элерт А.Х. Сибирские экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера и проблемы точности реалистической статистики // История СССР. 1989. № 6. С. 22 - 35; Он же. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера...; Актовые источники по истории России и Сибири XVI - XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи коллекций книг / Изд. подготовлены Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун; Новосибирск, 1993 - 1995. Т. 1 - 2; Сибирь XVII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Изд. подготовлено А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996; и др.

и дискуссионных проблем современной науки, мы предприняли попытку сделать их тематический анализ по ряду ключевых проблем, сопоставить данные Миллера с другими источниками и исследованиями ученых XVIII - XX вв. Этим определяются порядок изложения и структура нашей работы.

Выражая глубокую признательность академику РАН Н.Н. Покровскому, по инициативе которого в начале 1980-х гг. и была начата моя работа по изучению архивного наследия Г.Ф. Миллера: его поддержка и советы имели для меня неоценимое значение. Приношу искреннюю благодарность всем сотрудникам сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН за их постоянное внимание и дружескую помощь. Благодарю Н.А. Мухортову и Е.Н. Туманик за помощь в оформлении книги.

ГЛАВА I

СИБИРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Г.Ф. МИЛЛЕРА И ЕГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когда в августе 1733 г. Г.Ф. Миллер отправлялся в сибирскую экспедицию, ему было лишь 27 лет. По общему признанию, именно в Сибири он сформировался как выдающийся ученый с европейской славой. Можно согласиться с В.Г. Мирзоевым, который писал: "Сибирское путешествие было университетом Миллера, где он самостоятельно постигал науку и жизнь, в котором он научился гораздо большему, чем он мог получить в Лейпциге"¹. В то же время нельзя недооценивать и значение той научной подготовки, которую Миллер получил до экспедиции, в том числе и во время учебы в Германии. Без классического образования, включавшего знание ряда языков, полученного в гимназии г. Герфорда, без лекций по экономике, которые Миллер слушал в университете г. Ринтельна, и, наконец, без фундаментальных знаний по истории, философии, источниковедению, лингвистике и филологии, почерпнутых в ходе занятий под руководством известного ученого, профессора Лейпцигского университета И.Б. Менке², он вряд ли смог бы стать блестяще реализовать те возможности, которые открылись ему во время сибирской экспедиции.

В научной литературе можно встретить утверждение, что участие Миллера во Второй Камчатской экспедиции было случайностью, которую предопределили лишь проблемы во взаимоотношениях молодого ученого с академическим начальством в лице И.Д. Шумахера. С.В. Бахрушин, например, так объясняет причины, по которым Миллер отправился в Сибирь: "По-видимому, к этому времени он уже разочаровался в своих честолюбивых планах, и ему хотелось временно исчезнуть из Петербурга, чтобы выйти из того неловкого положения, в которое он себя поставил сначала своим заискиванием перед Шумахером, а потом скорой с ним... А главное - это было средство получить сразу известность и положение в научном мире России и Европы"³. Среди "возможных" причин Бахрушин называет также "интерес к малоизвестной в Европе части света, и страсть к новым и необычным впечатлениям, и расчеты на обещанное повышение

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963. С. 111.

² См.: Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 55 - 57.

³ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. 1. С. 15.

жалованья¹. Мы полагаем, что основные мотивы, которыми руководствовался Миллер, принимая решение отправиться в сибирское путешествие, были иными.

Интерес к Востоку Миллер проявлял еще будучи студентом Лейпцигского университета, а после приезда в Россию в 1725 г. этот интерес приобрел уже вполне конкретные очертания. Изучение Сибири и сопредельных с нею территорий постепенно становится одним из основных занятий молодого ученого. Уже вскоре после приезда в Россию он начинает изучать калмыков. В РГАДА сохранились его первые наброски по этой проблеме: "Современное состояние восточной и западной частей Калмыкии", "Теографическое описание Калмыкии" и ряд других вариантов задуманной работы, в которой предполагалось дать сведения по географии, истории и этнографии². Эти первые опыты ученого показывают его интерес не только собственно к калмыкам, но и к Китаю, Тибету, Монголии, Южной Сибири. Среди источников, которыми пользовался Миллер, были как опубликованные труды иностранных авторов (Н. Витзен, Плано Карпини и др.), так и русские источники (журнал И. Унковского), а также показания калмыцких посланников, приезжавших в Петербург. Результаты этих ранних исследований частично отражены в некоторых трудах Миллера, опубликованных позднее³.

В дозрительный период Миллером был написан еще ряд работ уже непосредственно о Сибири и населявших ее народах: статья "О самоедах", основанная на этнографических материалах, извлеченных из разных источников, главным образом из трудов иностранных писателей (Н. Витзен, Р. Джонсон, Д. Флетчер и др.); статья "Прибавление к примечаниям о самоедах. О редкой книге бюргомайстера Витсена "Noord- en Oost-Tartarye"; указатели к двум изданиям труда Витзена и др."⁴. Все это позволяет нам согласиться с мнением В.Г. Мирзоева, который писал в связи с дозрительными научными исследованиями Миллера: "Таким образом, сибирское путешествие Миллера не является чистой случайностью, а представляет собой поворотный пункт его жизни, к которому он был

¹ Там же.

² РГАДА, ф. 199, портф. 344, д. 9, 10 и др.

³ Neueste Historie der östlichen Chalmücken // Sammlung Russischer Geschichte. 1734. Bd. 1, 4.; Entwurf eines ausführlichen Werkes Chalmückischer Geschichte // Там же; Chalmückische Geschichte und Begebenheiten aus N. Witsens "Noord en Oost Tartarye" // Там же. 1734. Bd. 1, 5.; История о калмыках и делах их, взятая из Витзенова описания Северо-восточной Татарии // Новые склонные сочинения. 1793. Ч. 90, декабрь; и др. См.: Кослов М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733 - 1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 187 - 188; Андреев А.И. Материалы по этнографии Сибири XVIII века // Советский Север. 1939. № 3.

⁴ См.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 74.

подготовлен". Без сомнения, большую помощь, особенно на первых порах, Миллеру оказали богатейшие материалы, собранные в Сибири в 1719-1726 гг. Д.Г. Мессершмидтом. С этими материалами ученый детально ознакомился накануне сибирского путешествия.

На решение Миллера отправиться в Сибирь в составе Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, несомненно, повлияло его знакомство с ее организаторами - обер-секретарем Сената И.К. Кириловым, которого Миллер характеризует как "великого патриота и любителя географических и статистических сведений", и капитан-командором В. Берингом. Сам ученый так вспоминал об этом: "Капитан-командор Беринг, с которым я был хорошо знаком, возбудил во мне охоту к путешествию еще тогда, когда к тому не представлялось для меня никакой вероятности. Обер-секретарь Кирилов, которому Беринг передал о том, желал, чтобы я предложил себя в Академии вместо Гмелина. Там не встретилось этому никакого противоречия"¹.

И.Г. Гмелин, заболевший в разгар подготовки экспедиции и замененный Миллером, выздоровел и также отправился в Сибирь. Дружба этих двух ученых, их взаимная поддержка во многом предопределили результаты научной деятельности Академического отряда и характер отношений между всеми его участниками. В отряд вошли также профессор Делиль де ла Кройер, студенты С.П. Крашенинникова, Ф. Попов, В. Третьяков, Л. Иванов и А. Горланов, переводчик И. Яхонтов, живописцы И.Х. Беркан и И.В. Люрсениус, геодезисты А. Красильников, Н. Чекин, А. Иванов и М. Ушаков. Позднее в составе отряда работали также адъюнкты И.Э. Фишер и Г.В. Стеллер, переводчик Я.И. Линденау, художник И.К. Деккер. Руководителем Академического отряда, хотя и неофициальным, являлся Миллер.

Сибирское путешествие Миллера длилось почти 10 лет: из Петербурга он выехал 8 августа 1733 г. и вернулся сюда 15 февраля 1743 г. По его собственным подсчетам, за это время он проехал более 33 тыс. верст. В силу ряда причин не состоялась планировавшаяся поездка всего Академического отряда на Камчатку и там довелось работать лишь С.П. Крашенинникову и Г.В. Стеллеру. Однако и без Камчатки перечень мест, где побывал Миллер, не может не впечатлять: из всех научных сотрудников Второй Камчатской экспедиции он был единственным, кто посетил все уральские и сибирские уезды, побывал во всех более или менее значительных населенных пунктах Урала и Сибири, исключая лишь Охотский порт².

¹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 108.

² Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 320 - 321.

³ О маршруте сибирского путешествия Миллера и детях его пребывания в населенных пунктах см.: Элпарт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 149 - 153.

Несмотря на все трудности, которые пришлось пережить ученому во время путешествия, он так вспоминал о нем: "Никогда потом не имел я повода раскаиваться в своей решимости даже и во время тяжкой моей болезни, которую выдержал в Сибири. Скорее видел я в том как бы предопределение, потому что этим путешествием впервые сделался полезным Российской государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания..."¹.

1. Программа изучения народов Сибири и организация этнографических исследований

Задачи Миллера в области изучения сибирских народов в ходе Второй Камчатской экспедиции были определены в специальной инструкции "О истории народов", одобренной на заседании конференции Академии наук 5 апреля 1733 г.². По мнению В.Г. Мирзоева, эта инструкция "свидетельствовала о слабых представлениях в области этнографии и истории Сибири, характерных для того времени"³. Впрочем, говоря далее о первом этапе деятельности Миллера в Сибири, В.Г. Мирзоев признает, что "несколько легче" ему было начать именно этнографическую работу, поскольку его ориентировала в этом инструкция Академии наук⁴. Для В.Г. Мирзоева, видимо, остались неизвестными результаты архивных разысканий А.И. Андреева, который установил, что автором инструкции был сам Миллер⁵. Таким образом, этот документ характеризует представления Миллера о том, что ему следовало сделать в области изучения сибирских народов в ходе предстоящей экспедиции. Насколько же "слабыми" были эти представления?

Инструкция "О истории народов" находится в ряду нескольких подобных документов, в которых определялись научные задачи общего порядка для отдельных участников экспедиции⁶. Естественно поэтому, что здесь нет постановки частных проблем. Исключение составляет последний, 11-й пункт, в котором особое внимание обращается на изучение народов север-

¹ Цит. во: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 321.

² Текст инструкции опубликован: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 460-461; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборный документ. М., 1984. С. 155.

³ Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 109.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 60.

⁶ См.: Ширшина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725-1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 41 - 43.

ного Приамурья, "потому что слухносится, что и Российский народ имел там древние свои жилища"¹. Этот пункт, скорее всего, единственный, исходивший не от Миллера, поскольку в первоначальном варианте инструкции, представленном на рассмотрение конференции Академии наук, он отсутствовал². В этом пункте нетрудно заметить как связь научных изысканий с политическими задачами, так и действительную слабость представлений об истории Сибири и населявших ее народах.

В остальных 10 пунктах инструкции поставлены следующие научные задачи. Следовало определить границы расселения отдельных народов; узнать, "разных родов народы между собою смешаны или нет"; выяснить, "по их же повествованию", происхождение, древние места обитания и миграции народов; изучить верования и религиозные обряды каждого народа, их гражданские обычаи и обряды, в том числе "домашние и брачные", "произведения земли", ремесла, военное дело, общественный строй и управление. Отдельным пунктом предусматривался сбор материалов по языкам всех народов. Предписывалось также фиксировать "точно по настоящему того народа и соседних народов произношению" этнонимы и топонимы, выясняя, насколько это окажется возможным, их происхождение. Далее речь шла о необходимости описания истории каждого народа, причем особое внимание уделялось выяснению обстоятельств покорения одних народов другими. Определенное отношение к археологии имело предписание точно срисовывать или отсылать в Петербург "все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идолы". Ставилась также задача сбора коллекций одежды каждого народа и изображения нескольких человек обоего пола из всех племен с тем, чтобы были явны их антропологические особенности.

По сути дела здесь намечены все те основные направления, которых Миллер и придерживался в экспедиции при изучении этнической истории и этнографии сибирских народов. Трудно согласиться с мнением, что этот документ свидетельствует о "слабости представлений" его составителя.

В научной литературе 1960 - 1980-х гг. прочно утвердилось мнение, что автором первой подлинно научной программы изучения сибирских народов является В.Н. Татищев. В заслугу же Миллеру ставится то, что он руководствовался этой программой в своей работе и развил отдельные ее положения³. Нисколько не умалая значения работ В.Н. Татищева, действительно сделавшего очень много для организации этнографических исследований, следует все же признать, что все утверждения о громадном влия-

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 461.

² Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. С. 60.

³ См.: Милюков В.Г. Историография Сибири... С. 112 - 113; Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский перевод). М., 1966. С. 82; Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII - середине XIX в. о народах северо-востока Азии. М., 1989. С. 47 - 48, 51.

них его программы на работу Миллера не подкреплены ни одним достоверным фактом. Нам уже приходилось писать об этом при характеристике анкет Миллера 1734 - 1742 гг., идею и суть которых учёный якобы целиком заимствовал у Татищева: выяснилось, что он не мог этого сделать по очень простой причине - свои первые анкеты он составил раньше Татищева¹. О других работах Татищева Миллер в сибирский период своей жизни просто не знал.

Если говорить о взглядах Миллера на задачи в области изучения сибирских народов, то их эволюцию и детализацию мы можем проследить по целому ряду его работ, написанных как в Сибири, так и после возвращения в Петербург. Наиболее отчетливо эти взгляды выражены учёным в его инструкциях, предназначенных для сотрудников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, а также для ясачных сборщиков, приказчиков острогов и других лиц. Самые важные среди этих инструкций следующие.

В 1737 г. Миллер и Гмелев, отправляя "наперед себя" на Камчатку Крашенинникова, снабдили его обширной инструкцией из 89 пунктов². Значительная часть этих пунктов посвящена проблемам этнографическим. По сравнению с инструкцией "О истории народов" здесь ставятся более конкретные, детально расписанные задачи. В качестве примера можно привести пункт 78-й инструкции: "До каких лет тамошние народы обыкновенно доживают и какая их самая глубокая старость, и не бывает ли из мужского полу больше старых, нежели из женского, плодовиты ли тамошние народы в деторождении, не бывает ли у них мужеложства и скотоложства, часто ли у них женщины выкидывают, легко ли они рожают, рождаются ли у них временем двойни и тройни и рождаются ли часто уроды, пупки у младенцев завязывают ли, какие способы употребляют женщины для облегчения родов, есть ли у них повивальные бабки, сколь долго женщины после родов в обыкновенных домашних трудах не упражняются, сколь долго они кормят грудью детей, как рано у младенцев выходят зубы, когда начинают они ходить и говорить, и сколько лет мужчины у тамошних народов женятся, а женщины выходят замуж"³.

Вскоре после отъезда Крашенинникова Миллер отправил ему и специальную этнографическую инструкцию под заголовком "Допросы при описании народов и их нравов и обычаев"⁴. В ней охватывается уже гораздо больший круг проблем, которые должен был решать этнограф в своей полевой работе. Общее число пунктов здесь достигает 230, а составляющие их вопросы максимально приближены к реалиям Камчатки и населяющих

¹ См.: Эзарт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера.. С. 16 - 17.

² РГАДА, ф. 199, портф. 527, д. 7, л. 1 - 19.

³ Там же, л. 16 - 16 об.

⁴ Там же, порт. 509, д. 10, л. 1 - 16 об. (автограф Миллера на нем. языке); л. 17 - 22 (перевод на рус. язык И. Яхонтова).

щих ее народов. Вопрос о том, насколько данная инструкция повлияла на работу Крашенинникова по изучению камчатских народов, требует еще дальнейшего изучения. В литературе отмечается, что Крашенинников получил этот документ лишь в январе 1740 г., когда им уже была проделана основная работа по описанию Камчатки, поэтому он не мог воспользоваться этим документом.

Иной точки зрения придерживается А.И. Андреев. Сопоставив различные варианты работы Крашенинникова и использовав большое количество документов, в которых отразились взаимоотношения Миллера и Крашенинникова, он установил, что после получения инструкции Крашенинников, "положив в основу ее требования, значительно переработал свой первый этнографический труд о Камчатке и в конце 1740 г. выслал его в измененном и дополненном виде"¹.

Неопубликованные записи А.И. Андреева показывают, что ученый видел значение данной инструкции не только в том, что она повлияла на работу Крашенинникова. По его мнению, "именно на основе этой инструкции 1737 г. написаны те страницы труда Гмелина "Reise durch Sibirien", которые посвящены этнографии различных сибирских народов"². Влияние ее обнаруживается и в работах других участников экспедиции (Г.В. Стеллер, А.П. Горланов, Я.И. Линденгау). Имея в виду известные утверждения о влиянии на Миллера работ В.Н. Татищева и касаясь данной инструкции, А.И. Андреев пишет: "Миллер писал ее во второй половине 1737 г. и, насколько можно судить, не имел еще в своем распоряжении в качестве образца какую-нибудь подобную же этнографическую инструкцию. Во всяком случае можно утверждать, что известная инструкция Татищева стала известна Миллеру после того, как он составил свои "Допросы..."³.

Более определенно говорит А.И. Андреев в неопубликованных записях о влиянии инструкции Миллера на труд Крашенинникова, определяя его первый вариант как "явно неудовлетворительный с точки зрения инструкции 1737 г."⁴. Последующие два труда Крашенинникова по этнографии, в том числе "О коряках оленных", написаны, согласно А.И. Андрееву, "целиком в том плане этнографических исследований, которые требовали "Допросы при описании народов и их нравов и обычаяев"⁵. Примечательно, что эти записи А.И. Андреева относятся ко времени, когда в литературе утверждалось, что Миллер не только не повлиял сколько-нибудь значительно на научный рост Крашенинникова, но даже запрещал (!) Гмелину читать лек-

¹ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. С. 175.

² СПбО АРАН, ф. 934, оп. 1, д. 65, л. 35.

³ Там же, л. 34.

⁴ Там же, л. 37.

⁵ Там же.

ции студентам, в том числе и Крашенинникову, поэтому Гмелин был вынужден делать это, "таясь от Миллера".

Инструкциями, составленными для Крашенинникова, активно пользовался и Г.В. Стеллер, который присоединился к Крашенинникову в 1740 г. Собственно, это и предусматривалось наставлениями, полученными Стеллером от Миллера и Гмелина во время их встречи в Енисейске в 1739 г. Наряду с этими для Стеллера профессора составили и специальную инструкцию, в которой проблемам этнографии также уделялось большое внимание².

Наиболее полно взгляды Миллера на задачи этнографической науки отразились в его грандиозной программе, составленной в 1740 г. Поводом к ее написанию явилось давно ожидаемое решение Академии наук о замене заболевшего Миллера, который просил разрешения вернуться в Петербург, адъюнктом И.Э. Фишером. Этой программой Фишер должен был руководствоваться в своей полевой географической, исторической, археологической и этнографической работе. Мы, однако, согласны с мнением М.О. Коссена, который писал: "Судя по ее содержанию, в частности ее тематической широте, по ее объему, эта программа явилась результатом большой и длительной работы, причем Миллер, по всей видимости, предназначал ее не только для Фишера, но для гораздо более широкого использования"³. Подтверждением этого мнения может служить то, что этнографическую часть программы Миллер после экспедиции намеревался опубликовать в качестве приложения к "Описанию сибирских народов", чтобы ею могли руководствоваться и другие исследователи.

Программа состоит из шести разделов, которые, в свою очередь, делятся на пункты (статьи): 1. "О ведении журнала" (20 пунктов); 2. "О географическом описании" (75 пунктов); 3. О теперешнем состоянии городов и подасдоместенных им земель" (38 пунктов); 4. "О просмотре архивов и описании сибирской истории" (22 пункта); 5. "Об описании древностей" (100 пунктов); 6. "Об описании нравов и обычаях народов" (923 пункта). Наряду с указанными разделами в программе имеются еще и приложения: 1. "О ландкартах" (63 пункта); 2. О рисунках (30 пунктов); 3. "О собирании различных предметов для Кунсткамеры" (16 пунктов); 4. "Словарь, по которому надлежит собирать материалы для языков и диалектов народов"⁴. В целом программа включает 1287 пунктов.

¹ См.: Степанов Н.Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд "Описание земли Камчатки" // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 23 - 24.

² РГАДА, ф. 199, портф. 527, д. 6, ч. 1 - 17 об.

³ Коссен М.О. Этнографические результаты... С. 180 - 181.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 1 (на нем. языке, автограф Миллера); портф. 509 (этнографическая часть программы в переводе на русский язык). Как отмечалось во введении, 5-я часть программы опубликована В.В. Радловым в 1894 г. на русском языке, а часть 6-я - Д.А. Клеменцом в 1900 г. на немецком языке (наряду с 4 приложениями к программе).

Нетрудно заметить, что основное внимание в программе Миллер уделил этнографии, и это лишний раз свидетельствует о значении, которое он придавал именно этому направлению в своей работе. Программа не только отражает взгляды ученого на задачи этнографической науки, но и, в определенной мере, показывает глубину и разносторонность его знаний по конкретным вопросам сибирской этнографии.

Структура и основное содержание этнографической части программы таковы. В пункте I Миллер говорит об общих задачах этнографической науки: "Как из описания народов большая часть в свете людей великую приятность получают, сколько им путешествующие о незнакомых землях объявить могут, толь не менше оное описание имеет свою пользу и в истории для показания между народами по их общим языкам и нравам сходства. Чего ради в предприятии описания народов обое наблюдать надлежит, писать о веселительных и важных материалах, притом же всяких мелочей и самых малейших обстоятельств пропускать не должно, потому что каждой вещи пользу не всегда наперед видеть можно!".

Начинать Миллер рекомендует с определения этнического состава сибирских народов и их расселения (пункт 2), разделив затем народы, исходя из общности "нравов и поведения", в "главные разделения" (пункт 3). Принципы разделения изложены им в последующих пунктах 4 - 7: по признаку оседлости, по среде обитания, по преобладающей производственной деятельности и по религиозным верованиям. В пунктах 8 - 9 речь идет о сборе разнообразных данных по этнографии сибирских народов.

Принципиально важны и новы для того времени соображения Миллера о том, каким образом на строго научной основе следует устанавливать происхождение и родство народов между собой (пункты 10 - 16): опираться необходимо в первую очередь на данные языков и диалектов, для чего требуется собирать словари языков, сопоставлять их между собой, обращая внимание на заимствования из языков соседних народов. В качестве образца для составления словарей Миллер предлагает свой "словесник", прилагаемый к инструкции. Он советует также фиксировать фонетические особенности языков.

Тематика последующих пунктов: антропологические данные, включая и те, внимание к которым могло показаться "неблагопристойным" (пункты 17 - 49); личная гигиена (50 - 51); украшение тела татуировками, красление ногтей и т.п. (52 - 55); уход за волосами (56 - 64); мужские и женские украшения, а также их различия по возрастному принципу (65 - 71); "платья" (одежда и обувь, головные уборы, покрой, материалы, различия между зимней и летней, мужской, женской и детской одеждой, свадебная одежда и т.д.) (72 - 95); типы жилищ, их конструкция, внутреннее убранство, хозяй-

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 508, д. 1, л. 1 - 1 об.

ственными постройки (96 - 112); домашняя утварь (113 - 117); "внутренние свойства" народов - "разум", письменность, знания, представления об окружающем мире, природных явлениях, календарь (118 - 147); вопросы, связанные с болезнями и методами их лечения (148 - 166); искусство (167 - 169); характер и темперамент (170 - 171); общественные отношения (172 - 185); меры к вес (186 - 187); обычаи, связанные с гостеприимством, нормы вежливости (188 - 196); военные конфликты и способы их разрешения (197 - 217); земледелие и скотоводство (218 - 290); способы передвижения и транспорт (291 - 336); охота и рыболовство (337 - 433); ремесла (434 - 451); питание (452 - 532); табак, вино, растительные наркотики (533 - 549); игры и развлечения (550 - 559); брак, рождение и воспитание детей (560 - 656); болезни, смерть и похоронные обряды (657 - 701); языческая религия и шаманизм (702 - 778); мусульманство (779 - 829); буддизм (830 - 905); христианство (906 - 914).

В последних (915 - 923) пунктах Миллер говорит в основном о методах полевой этнографической работы. Он советует собирать сведения, не упуская ни малейшего случая: не только в пути и во время остановок в городах и острогах, но и совершая специальные поездки к аборигенам, посещая их жилища, присутствуя при проведении различных обрядов, на свадьбах, похоронах и т.п. Непременным условием плодотворной работы ученый считает установление доверительных отношений с информаторами: "Ласковым и дружелюбным обхождением, подчыванием вином и табаком, при том же и небольшим подарками надлежит стараться знатнейших и учитивых людей онаго народа приводить в дружбу и тем возбудить в них искренность, чтоб они все, что потребно видеть и знать, тем безболезненнее показать и расказать могли"¹. При выборе информаторов предпочтение следует отдавать "старым, искусным, постоянным и простосердечным" людям, а для ознакомления с языческими верованиями и обрядами - новокрещенным, которые охотнее об этом говорят. Правда, добавляет Миллер, "на сем не всегда утверждаться надобно, потому что у некоторых из них сердце еще непрестанно лежит к прежнему языческому закону и того ради много утасывают"². Общаться с коренными жителями ученый советует, по возможности, без служилых, при которых они менее откровенны и "для чинимых от них народу обид весьма боязливы бывают".

Собранные сведения о сибирских народах предлагается сопоставлять с данными о других азиатских, а также африканских и американских народах, для чего нужно иметь при себе соответствующие книги. Установление сходства и различий между народами - одна из основных, по мнению ученого, задач этнографии.

¹ Там же, л. 97 - 97 об.

² Там же, л. 98.

Во многих пунктах программы содержатся конкретные сведения по сибирской этнографии, что делает этот документ еще и важным источником, а не просто памятником исторической мысли XVIII в. Так, в пункте 309 Миллер предлагает написать "о обычье между русскими в некоторых северных местах в Сибири, которые на варгах парусы подымают и по ветру ездят или, по крайней мере, тем собакам делают помочь"¹. В пункте 905 сообщается о религиозном синкретизме у бурят на р. Уде в Селенгинском уезде (существование шаманистских и буддийских верований и обрядов). В пункте 912 Миллер говорит "о бывшем от простых попов поташе" новокрещенным, которые фактически оставались язычниками, и т. д.

Значительная часть пунктов в других разделах программы, а также в приложениях к ней также посвящена проблемам этнографическим. В разделе "О географическом описании" предписывается собирать точные данные о расселении сибирских народов, местоположении ясачных волостей и населенных пунктов; в разделе "Об описании древностей" большая часть пунктов ориентирует на выявление связи между археологическими находками и древнейшими этапами в этнической истории сибирских народов. В приложении "О рисунках" 21 из 30 пунктов прямо говорит о фиксации этнографических реалий, а приложение "О собирании разных вещей в императорскую Кунсткамеру" целиком посвящено сбору этнографических коллекций.

М. О. Косвен характеризует программу Миллера как "замечательный этнографический документ", не утративший практического значения до сих пор². Он не согласен с предположением А. И. Андреева, который в одной из ранних своих работ писал: "В составленной Миллером в 1740 г. инструкции Фишеру для собирания географических, этнографических и исторических сведений о Сибири можно установить несомненные заимствования из инструкции Татищева"³. Сопоставив содержание программы Миллера и анкеты Татищева, М. О. Косвен пришел к справедливому, на наш взгляд, выводу: "Конечно, будучи программами историко-этнографическими, обе программы имеют общие темы и вопросы, что, однако, не дает никакого основания для предположения о заимствованиях. Каковы бы ни были относительные достоинства и научно-историческая роль обеих анкет, надлежит признать, что анкета Миллера, состоящая из 1287 пунктов, не только неизмеримо шире по объему, но и неизмеримо совершеннее по содержанию, чем татищевская анкета из 198 пунктов"⁴.

К сказанному М. О. Косвенному можно добавить, что, сравнивая два документа, следует иметь в виду, что работа Миллера - это все же не анкет-

¹ Там же, с. 40 об.

² Косвен М. О. Этнографические результаты... С. 182.

³ Андреев А. И. Труды и материалы Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6.

⁴ Косвен М. О. Этнографические результаты... С. 183.

та, а именно программа научного исследования, рассчитанная на определенную научную подготовку исполнителя, тогда как анкетой Татищева предполагался сбор сведений официальным путем, через рассылку вопросов представителям местной администрации. Данный метод использовал в своей экспедиционной работе и Миллер.

Вопросы, связанные с происхождением, структурой и основным содержанием анкет Миллера 1734 - 1742 гг., уже детально проанализированы нами в предыдущих работах¹, поэтому здесь мы отметим лишь, что ряд вопросов этих анкет касался коренного населения Сибири. Несмотря на большую вариативность анкет, в каждой из них неизменно содержалось требование назвать все ясачные волости уезда, указать родовое деление народов, отметить места кочевий, местоположение волостей, сообщить количество ясачных в каждой волости, размеры ясака и приобщить особую ведомость о последнем сборе ясака. В отличие от анкет Татищева, в миллеровских анкетах нет вопросов о материальной и духовной культуре сибирских народов, так как ученый, вероятно, считал бесперспективным требовать такие данные от канцелярских служителей.

Программа этнографического изучения Сибири, составленная Миллером в 1740 г., - это уникальный документ, равного ему по широте охвата проблем в отечественной науке так и не появилось даже два с половиной века спустя. Значительно опередил время Миллер и в своих общих взглядах на этнографию, изложенных в предисловии к "Описанию сибирских народов", написанном в середине 1740-х гг., после возвращения из экспедиции². Само "Описание..." проанализировано нами ниже, здесь же остановимся на характеристике лишь введения к этому труду.

По мнению большинства ученых, современников Миллера (М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и др.), описание народов - это составная часть географии. Миллер первым констатировал, что этнография (всеобщее описание народов) - это подлинная, "настоящая" наука, тесно связанная с исторической наукой. "Немалая часть истории, - пишет Миллер, - и примерами учащего, притом же и увеселительного нравоучения, состоит во всеобщем описании народов земного круга (подчеркнуто автором. - А.Э.), которое по сие время от большей части в худых руках было и к числу настоящих наук ни от кого еще не причленено". Далее автор обращает внимание на те недостатки, которые присущи описаниям народов, составленным, как правило, людьми случайными, "которые никаким наукам не обучались" (купцы, художники, ремесленники, мореплаватели), "в суеверии воспитаны

¹ Элерт А.Х. Анкеты Г.Ф. Миллера 1734 - 1742 гг. как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988; Он же. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера... .

² СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 6.

³ Там же, л. 2.

и к лехковерию весьма склонны". Таким людям, считает он, трудно отдельить истину от лжи, да и сами они охотнее всего повествуют о чем-нибудь чудесном, необычном, давая волю своей фантазии.

Ненамного выше ставит Миллер описания ученых, объясняя это непониманием важности этнографических исследований для науки: "Да когда и из ученых осторожные и искусные люди за таким делом отправлялись в свои путешествия, то кажется, что и их описания по большой части служат им самим ко увеселению и тому, кто оных читать будет, а не к произведению пользы, которой бы от таковых описаний в разных частях изук ожидало надлежало"¹.

Переходя к методам этнографической науки, Миллер обращает внимание на сравнительно-исторический метод как плодотворный прием этнографического исследования: "Необходимо надлежит делать сравнение не только между ныне пребывающими народами, но и между теми, которые в древнейшие времена жили или из которых зделались уже другие народы, и по учинении сего должно производить следствия, которые ко изъяснению наук служить могут"². В качестве примера Миллер приводит сочинение Ж.Ф. Лрафто, который первым использовал сравнительно-исторический метод при описании народов Северной Америки. Заключения о народах, их происхождении, миграциях, родстве между собой должны основываться, по мнению историка, "не по чему иному, как по сходству их языков, обычьев и законов".

Далее Миллер излагает свой план создания грандиозного описания народов мира, для чего ученые разных стран должны объединить свои усилия: "Многократное мое желание было, чтоб какой искусствой человек из всех по нынешнее время бывших путешественных описаний, також и из описаний одиех народов, по сообщенному здесь показанию предпринял намерение к сочинению всеобщаго описания народов, чем бы сия материя училилась некоторою новою наукой, от которой бы потомство вечной пользы себе ожидать могло. Но как сие возможно зделать, ибо описания народов еще не достигли прямаго совершенства, а паче когда о многих народах нет еще никаких описаний? Ко отвращению сей трудности лучшаго способу не находится, как ежели бы ученые люди во всех государствах о тех народах, о которых они известия собрать в состоянии, свои мнения к тому присовокупить ... могли"³.

Но и этого для всеобщего описания народов было бы недостаточно, поэтому Миллер предлагает снабжать путешественников специально разработанными инструкциями, а написанные с их помощью описания издавать. "Весьма бы полезно было, ежели бы они (ученые разных стран. - А.Э.)

¹ Там же, л. 4 об. -5.

² Там же, л. 5 об. -6.

³ Там же, л. 6 - 6 об.

сочинения свои соединяли с будущим всеобщим описанием народов и каждой бы во своем месте сколько возможно учинил сравнение между разными народами нынешних и прошедших времен”¹.

Особую роль отводит Миллер ученым России, ибо “трудно сыскать такое государство, которое бы столь великое множество да к тому же разного рода народов, которые в прочих европейских государствах и по имени не известны, под свою державою имело, как Российской империя”². Опубликованные к тому времени описания народов России (“Бранда о лифляндцах и эстляндцах, Шаффера о лопарях, Олеария о разных народах по Волге, Брунина о самоди, Миллера об остяках и безымянного сочинителя примечаний на родословную книгу Абулгазову о многих сибирских народах, и Страленберга”) Миллер считает несовершенными.

По мнению Миллера, начало большой работы по описанию всех народов России уже положено участниками Второй Камчатской экспедиции. Основное внимание он уделяет собственному опыту в этнографической работе, и это дает нам возможность понять, как сам учёный оценивал ее результаты. “При воспоследовавшем в 1733 году моем отправлении в Сибирь, яко в таковую часть Российской империи, где между народами находится различие весьма велико, по высочайшему императорскому указу мне повелено было описать нравы и обычья всех народов, которые мне на пути попадутся. Хотя сей труд наложен на меня излишней, однако могу сказать, что я во время всей десятилетней езды трудился в том с великою охотою, что мне, упражнявшемуся в других важнейших делах, вместо отдохновения служило”³.

Ученый называет следующие факторы, способствовавшие успеху его этнографической деятельности в Сибири. Поскольку он был снабжен “полномочными указами”, сибирское начальство оказывало путешественникам всяческое содействие, выделяло хороших толмачей и т.п. Однако основной упор Миллер делает на правильную постановку общения с коренными жителями: “Ласковым же обхождением со многими народами, где мне несколько пробыть можно было, снискал я себе к тому наибольшую помощь, ибо я поступал с ними яко бы с друзьями, чemu они весьма рады были и допускали меня смотреть все и при том рассказывали. А без сего средства мне неможно бы было всех обрядов и прочих обстоятельств их языческого суеверия ни видеть и ниже о том уведомиться. И таким образом проежжал я всю Сибирь до Нерчинска и до Якутска вдоль и поперек”⁴. Отромную помощь в работе, особенно в тех местах, где сам Миллер не побывал, оказали ему “почтенный господин товарищ мой доктор и профессор Иоанн

¹ Там же, л. 6 об. -7.

² Там же, л. 7 об. -8.

³ Там же, л. 8 об. -9.

⁴ Там же, л. 9 об.

Георг Гмелин", "искусной и прелестной человек, истории натуральной альянкт Иоанн Георг Штедлер" и "студент Стефан Крашениников".

Миллер признает, что предлагаемое к публикации "Описание сибирских народов" не исчерпывает всех проблем сибирской этнографии, и выражает надежду, что упущенное будет восполнено его последователями, в особенности же Фишером, для которого он в 1740 г. подготовил обстоятельное руководство, которого сам в начале своей работы был лишен и "искусством учиться принужден был". Этнографическую инструкцию Фишеру Миллер намерен был опубликовать в качестве приложения к "Описанию сибирских народов" и выразил уверенность, что она "и у чужестраных народов в таковых делах не без пользы быть имеет". Желающим он предложил по примеру этой инструкции сочинить универсальную программу изучения всех народов мира.

В другом варианте предисловия к "Описанию сибирских народов", незавершенном и гораздо более лаконичном¹, мы можем все же обнаружить ряд интересных мыслей, которых нет в рассмотренном выше предисловии. Прежде всего Миллер предполагает здесь дополнить "Описание сибирских народов" не только его работой 1733 г. с описанием трех народов Казанской губернии (это предусматривает и указанное выше предисловие), но и сведениями о других народах той же Казанской, а также Астраханской и Архангельской губерний, которые имеют много общего с сибирскими народами, ибо рассматривать последние изолированно от родственных соседних народов, по его мнению, неправильно с научной точки зрения.

В предисловии ученый назвал (с указанием мест расселения и этнографических данных) следующие народы пограничных с Сибирью губерний, которые необходимо сравнить с сибирскими народами, - это так называемые юртовские татары Казанской и Астраханской губерний, касимовские татары "в России", тюлькинские татары в Кунгурском уезде в Пермии, степные татары (ногайцы) Астраханской губернии, башкиры Уфимского уезда, царинские и саратовские калмыки, мордва, черемисы, чуваши, вотяки, пермяки, самоеды Архангельской губернии. Помимо них предполагалось дать сведения и о лопарях России и Швеции, поскольку они имеют много общего с самоедами. Однако предисловие осталось незавершенным, поэтому судить о том, полный ли это список, невозможно.

В еще одном, даже более кратком, нежели упомянутое, предисловии² Миллер более отчетливо, чем где-либо, формулирует обоснование необходимости превратить описание народов в подлинную науку: "Важная составная часть исторической науки, окончательная разработка которой, правда, скорее желательна, нежели действительна, состоит во всеобщем

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 6, л. 1 - 3 об.

² Там же, д. 4 - 4 об.

описании, или в систематическом рассказе, о нравах и обычаях всех народов нашей Земли, как древних, так и новых времен. При этом условия жизни людей должны быть разделены на определенные классы и в каждом из них должно быть приведено все, что можно сказать о каждом народе; эти сведения необходимо сопоставить между собой и сделать нужные выводы для исправления нравов¹. Требование систематизации и классификации при описании народов - новое для того времени. По мысли Миллера, такой подход является непременным условием для любой науки, а значит и для этнографии.

Задачи, которые поставил Миллер в области изучения сибирских народов, нельзя не признать грандиозными. Столь же масштабной была и его деятельность, направленная на решение этих задач. Прежде всего обращает на себя внимание четкость и продуманность работы по сбору этнографических материалов и данных по этнической истории сибирских народов. В ходе экспедиций Миллер посетил все уральские и сибирские уезды, и почти везде эта работа протекала по единообразной схеме.

Материалы по этнической истории сибирских народов Миллер получал главным образом путем архивных разысканий. Его деятельность по изучению архивов сибирских городов и острогов и копированию хранившихся в них документов изучена достаточно полно и оценивается как архивный подвиг ученого, сохранившего для потомков огромное количество ценнейших источников. Здесь мы отметим лишь, что большая часть документов 35 копийных книг Миллера², содержащих около 8 тыс. копий, имеет прямое отношение к истории включения народов Сибири в состав России и к проблемам взаимоотношений русских и коренных народов Сибири³. Анализ экспедиционных рукописей ученого, и в первую очередь его полевого дневника, показывает, что еще в Сибири он тщательно изучал эти документы, делал из них выписки, сопоставляя их данные с летописными известиями, устными преданиями, рассказами старожилов. Немало документов (в подлинниках и копиях) было получено историком и от представителей знатнейших аборигенных кланов (жалованные грамоты, членобитные и др.).

Еще до прибытия в очередной уездный город путешественник стремился составить общее представление о народах соответствующего уезда (по письменным источникам и путем расспросов "знающих" людей) и, исходя из этого, формулировал "вопросные пункты" анкеты, адресованной уездной канцелярии. Методом анкетирования он получал, наряду с другими сведениями, официальные данные о составе ясачных волостей, их на-

¹ Там же, д. 4.

² СПБО АРАН, ф. 21, од. 4, д. 1 - 34; РГАДА, ф. 199, портф. 515, ч. 2.

³ См.: Актуальные источники по истории России и Сибири XVI - XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993 - 1995. Т. 1 - 2.

званиях, местоположении, количестве ясачных в каждой волости, размерах ясака в последние годы, численности и этнической принадлежности служилых из числа коренных жителей (если таковые были). За время анкетирования (1734 - 1742 гг.) путешественнику удалось получить ответы из всех провинциальных и уездных канцелярий Сибири, а также из целого ряда других ведомств, которые составили семь громадных томов¹.

Официальные данные проверялись, уточнялись и дополнялись в ходе расспросов ясачных сборщиков и приказчиков ясачных зимовьев и острогов. Присыпки к нему этих людей Миллер требовал во всех городах и, как правило, добивался максимально полного представительства такого рода информаторов. Динамику изменения состава ясачных волостей, численности ясачных, размеров окладного и неокладного ясака он выявил путем сопоставления данных всех сохранившихся в уездных канцеляриях окладных ясачных книг. В некоторых случаях Миллер не ограничивался опросом ясачных сборщиков и приказчиков в городах и составлял для этой категории служилых специальные инструкции. Эти инструкции вручались служилым при отправлении в отдаленные ясачные зимовья и остроги, а по возвращении они должны были представить письменные ответы на вопросы, касающиеся этнического состава, численности и хозяйственных занятий коренных жителей соответствующих районов.

Среди служилых ученому встретилось немало подлинных знатоков аборигенной культуры, нередко владевших сразу несколькими языками и диалектами коренных народов. Их рассказами об обычаях народов, хозяйственных занятиях, религиозных представлениях и обрядах заполнено немало страниц полевого дневника Миллера. Но, конечно же, основные и наиболее ценные материалы по этнографии были получены непосредственно от информаторов из числа коренных жителей.

Миллер не полагался лишь на случайные встречи в пути, хотя и таких встреч за 10 лет путешествий было множество. Он поставил перед собой цель получить необходимые сведения от представителей каждой этнической группы, каждой ясачной волости, даже если эта волость была значительно удалена от маршрута путешествия и насчитывала лишь 10 - 15 плаательщиков ясака. Для этого он требовал от уездных канцелярий (обычно заблаговременно), чтобы от каждой волости или от каждой этнической группы, входящей в отдельную волость, были доставлены для расспросов по два - три представителя. Уже в самом начале сибирского путешествия историк убедился в том, что далеко не все коренные жители могут быть ценными информаторами, и поэтому в своих промемориях он обычно просил прислать "лучших и знающих" или "старых и разумных" людей. Типично в документах такого рода предупреждение, адресованное властям,

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. 1 - 7.

в данном случае якутским: "И чтоб они, прикащики, лучших и знающих людей для своей корысти не укрывали и не таили так, как учинил олекминской прикащик сын боярской Семен Лыткин, которой по нашему требованию выслал сюда двух человек тунгусов самых глупых и несмысленых людей, а не лучших и знающих, знатно, что от высылки откупились". Доставлять коренных жителей в город или в ближайший населенный пункт по маршруту предстоящего путешествия обычно должны были ясачные сборщики (если близилось время ясачного сбора) или специально отправленные для этого нарочные.

Иногда Миллер добивался присылки к нему для расспросов конкретных людей, о которых он узнавал от других информаторов. Это могли быть старики, помнившие старинные обряды и язык, уже утраченные большинством сородичей, князцы, хранившие память о своих далеких реальных и легендарных предках, охотники, бывавшие "за ясачным промыслом" в отдаленных местностях, шаманы "в славе", о которых ходили самые невероятные слухи, и т.п. Нередко приглашенные в город или острог шаманы не только давали подробную информацию о верованиях и обрядах своего народа, но и устраивали по просьбе ученого сеансы камланий.

При всей загруженности работой в городах, Миллер все же выкраивал время и для поездок в ясачные волости. Как правило, такие поездки не только давали возможность ознакомиться с жизнью коренных жителей, но и преследовали вполне определенную цель. Так, в Кузнецке Академический отряд пробыл лишь полмесяца, но за это время ученый совершил три поездки в волости, две из которых непосредственно связаны со сбором этнографических материалов. О целях этих поездок он пишет: "Первую - к телеутским, или так называемым белым, калмыкам, в 14 верстах от Кузнецка вниз по реке Томи близ села Ильинского живущим, дабы видеть их житейское поведение... Третью - вверх по реке Кондоме 40 верст к барсаятским татарам, чтоб очевидно засвидетельствовать, как они железо в маленьких печках плавят, а при том случай имели видеть у них отправление языческой церемонии".

Чаще всего такого рода поездки совершались по предварительной договоренности с представителями аборигенной знати или с шаманами. Добившись доверия у этих лиц, Миллер получал приглашения на свадьбы, религиозные обряды и праздники, рыбную ловлю и т.п. Однажды для любознательного путешественника буряты даже специально организовали грандиозную облавную охоту. "Ласковым обхождением", подарками, демонстрацией уважения к обычаям и религии своих собеседников Миллер добивался расположения и откровенности самых разных людей - от "улусных мужиков" до представителей знатнейших аборигенных кланов.

¹ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 25, л. 16 об.

² Там же, оп. 5, д. 63, л. 68 об.

от простых шаманов до ученых мусульманских и буддийских священников. С некоторыми из священников у него даже завязались длительные дружеские отношения. Примером может служить переписка ученого с тибетским ламой Дзоржи (см. Приложение 4). Для знакомства с этим ламой Миллер в апреле 1735 г. совершил специальное путешествие из Селенгинска до р. Чикой; Дзоржи, в свою очередь, навестил его в Селенгинске. Благодаря дружбе с ламой Миллеру удалось получить ценнейшие сведения о ламаизме в Тибете и распространении этой религии в Монголии и Бурятии, а также получить в подарок коллекцию предметов буддийского культа.

Сбор этнографических коллекций (одежда, орудия труда, предметы религиозных культов) осуществлялся как непосредственно самим ученым во время встреч с коренными жителями, так и путем рассылки специальных инструкций в канцелярии уездных городов. От канцелярий Миллер обычно требовал приобрести комплекты летней и зимней одежды коренных народов соответствующего уезда (мужской, женской, детской, шаманской, иногда еще и свадебной), подчеркивая каждый раз, чтобы оплата производилась "по вольной настоящей цене безобидно". Сам он довольно щедро оплачивал приобретаемые вещи, что, конечно же, способствовало установлению атмосферы доверия в общении с коренными жителями. В "Росписи чрезвычайных расходов" Академического отряда за 1735 г. указывается, к примеру, что "за купленной Удинского дистрикту Корчунского улусу у шамана Козрге Дардаева ворожебной бубен с платьем и шапкою выдано ему из суммы чрезвычайных расходов денег три рубли семьдесят пять копеек... За купленную Нионкаго улусу у братского человека Сенкудина Заманова братской работы узду выдано в Балаганском остроге из суммы чрезвычайных расходов денег рубль пятьдесят копеек..."¹. Нередко Миллер получал от коренных жителей вещи в подарок, но и в этом случае считал нужным отблагодарить их.

Важнейшим инструментом познания древней истории сибирских народов Миллер считал археологию. По признанию современных археологов, он "стал по сути первым русским историком, который не только обратил внимание на археологические памятники, но и понял их значение"². Действительно, если ранее основной целью раскопок были золотые и серебряные вещи, а также разного рода "куриозы", то Миллер в своей программе археологического изучения Сибири провозгласил: "Главнейшая цель при исследовании древностей этого края должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его,

¹ Там же, оп. 2, д. 25, л. 24 - 24 об.

² Там же, л. 231.

³ Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований. XVIII - первая треть XX в. Новосибирск, 1986. С. 30.

чего и можно смело ожидать от различных древностей, встречающихся в Сибири”¹.

Ко времени Второй Камчатской экспедиции множество археологических памятников Южной Сибири было уже разграблено искателями “могильного золота”. В связи с этим историк писал: “Древние могилы в степях киргизских, красноярских и нерчинских могли бы дать больше всего материалов для разъяснения древней истории и быта прежних жителей этих местностей, если бы вещи и орудия, которых корысть побудила извлечь из них, не были непростительно растрочены, так что в настоящее время приходится довольствоваться почти одним только созерцанием этих, большую частью разоренных хранилищ стольких драгоценностей и редкостей, да воспоминанием о том, что в них было найдено”². Ученый прогнозирует, что со временем, когда южносибирские степи станут более безопасными от набегов кочевников, появится возможность археологических раскопок в новых местах, и предлагает организовать тщательный надзор за этим, “чтобы снова не погибло неоценимое сокровище столь многих замечательных исторических памятников”³.

О связи археологии с этнографией и историей сибирских народов, а также о принципах, которыми должен руководствоваться исследователь в полевой археологической работе, Миллер пишет не только в инструкции Фишеру, но и в ряде других работ, в том числе в инструкции, написанной им в самом начале сибирского путешествия для студента Алексея Горланова, посланного для археологических раскопок возле Нижнего городища в Нерчинском уезде⁴. Ученый призывает не увлекаться одними лишь величественными памятниками, поисками лишь драгоценностей. По его мнению, не меньшее значение для науки имеют и рядовые памятники и находки, в том числе керамика, орудия труда, кости животных, древесные остатки и т.п. Памятники необходимо классифицировать по набору общих признаков, а все находки тщательно описывать, отмечая их местоположение, ориентирование, глубину залегания, характер грунта и т.д. В этих требованиях учёный намного опередил свое время, и даже в начале XX в. многие из них не выполнялись при археологических раскопках⁵.

К наскальным рисункам как источнику по изучению мировоззрения древних обитателей Сибири Миллер относился довольно скептически, да и вообще сомневался в их большой древности, предполагая, что они созданы современными народами Сибири и являются продуктом шаманской

¹ Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. I. Вып. 3 / Матер. по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 15. С. 107.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ СПбО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 24, л. 180 - 181.

⁵ См.: Беломорильский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век... С. 30.

идеологии. Тем не менее он считал необходимым тщательно зарисовывать все обнаруженные наскальные изображения, поскольку научную значимость этого источника, как и многих других, "не всегда наперед знать можно" - это может пригодиться последующим поколениям исследователей.

Детальный анализ археологических исследований Миллера и его представлений о древнейших периодах истории Сибири не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в экспедиционных рукописях ученого, которые не были до сих пор в поле зрения специалистов-археологов, можно обнаружить очень ценные для современной науки описание давно утраченных археологических памятников, а также не известные ранее теоретические разработки в области археологии. Так, считается, что автором первой научной классификации погребальных памятников Южной Сибири является И.Г. Гмелин¹. Сам Гмелев предваряет свою классификацию сообщением, что основана она как на личных впечатлениях, так и на разъяснениях Миллера, который осматривал многие памятники без него, и рассказах бугровщиков². В полевом дневнике Миллера мы находим почти такую же классификацию, составленную во время осмотра археологических памятников Минусинской котловины осенью 1739 г.: "земляные курганы", "каменные маяки" (у Гмелина - "маяки"), "сланцы", "творильные могилы" (у Гмелина - "творильные курганы") и "кыргызские могилы"³. Тексты поясняющий к классификации у Миллера и Гмелина во многом не совпадают, поэтому нельзя говорить о простом заимствовании Гмелевым у Миллера, но, судя по всему, в основе классификации Гмелева все же лежат идеи Миллера.

Миллер был первым профессиональным историком, занимавшимся изучением коренных народов Сибири в полевых условиях, однако нельзя не признать, что во времена его путешествия уже существовала довольно обширная литература, посвященная Сибири и сибирским народам. Сам ученый не только тщательно изучил эти труды (многие из них он взял с собой в экспедицию), но и поставил перед собой цель проверить на месте содержащиеся в них сведения. Особенно тщательной проверке он подверг сообщения Н. Виттена, Ф.И. Страленберга и Д.Г. Мессершмидта (Миллер, судя по его записям, имел с собой в экспедиции выписки из рукописей Мессершмидта). Можно даже предположить, что маршруты некоторых путешествий по Южной Сибири он определял исходя именно из этих соображений.

Всякий раз, обнаружив несоответствия данных своих предшественников с реальными фактами, Миллер скрупулезно фиксировал их. Больше всего неточностей и "баснословий" ученый обнаружил в работах Стрален-

¹ Там же. С. 26 - 27.

² См.: Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Dritter Theil. Göttingen, 1752. S. 311.

³ РГАДА, ф. 199, пергф. 521, ч. 2, л. 21 - 22.

берга и Избрандта Идеса. В то же время он обычно оставлял без внимания нагромождения нелепостей и "басней", которыми были насыщены книги менее известных иностранных авторов, писавших о Сибири, ее истории и коренных народах. Объяснение этому можно найти в работе Миллера "Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве", опубликованной в 1757 г¹. Здесь он высказывает мнение, что читать, исправлять и дополнять следует лишь "знатнейших" иностранных авторов, "которые или сами в России бывали... или которые, будучи искуснее других и приложа лучшее рачение, всякия известия о Российском государстве собирали, между собою сносили и рассматривали, однако в некоторых погрешили"². Исправлять погрешности других авторов "был бы труд безконечной и отчасти излишней". Чем авторитетнее автор, тем больше доверия к сообщаемым им сведениям, и "общая польза" диктует исправлять ошибки именно таких авторов. Миллер считает, что такие исправления "не могут быть противны никому из ученых людей, кои еще и поныне живы"³. В своих собственных сочинениях он неоднократно подчеркивал, что будет благодарен всем, кто исправит его возможные ошибки.

Совершенно новый подход Миллера к целям и задачам изучения сибирских народов, разработка им строго научных принципов этнографии, использование всех доступных в то время письменных источников, проверка их достоверности непосредственно в ходе полевой работы, а также четкость, продуманность и широкий размах этой работы позволили ученому добиться выдающихся результатов, подлинное значение которых еще предстоит оценить.

¹ Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757. Т. I. С. 224 - 231.

² Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное / Сост. и статьи А.Б. Каменского, примеч. А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. М., 1996. С. 17.

³ Там же.

2. Труды и материалы по истории и этнографии сибирских народов

Результаты исследований в области истории и этнографии сибирских народов нашли отражение в первую очередь в полевом дневнике Миллера, который он вел на протяжении всех 10 лет сибирского путешествия. Нами выявлены пять частей этого дневника, насчитывающего в общей сложности около 2,5 тыс. страниц рукописного текста¹. Поскольку записи относятся ко всем этапам экспедиции, можно достаточно уверенно предполагать, что перед нами полевой дневник Миллера в его полном объеме.

Части дневника хранятся не только в разных портфелях, но и под разными архивными названиями (авторских названий не имеют ни дневник в целом, ни его отдельные части): портф. 507, ч. 2 - "Разные исторические и географические сведения, могущие служить материалом для описания Сибири"; портф. 521, ч. 1 - 2 - "Примечания, сделанные Миллером на пути по Сибири"; портф. 522, ч. 1 - "Разные исторические и географические выписки и примечания"; портф. 522, ч. 2 - "Описание пути от Соликамска до Санкт-Петербурга". А поскольку реальное содержание этих рукописей долгое время оставалось неизвестным, в литературе не было и их правильного классификационного определения. В "Обзоре рукописей Г.Ф. Миллера...", подготовленном Н.А. Баклановой и А.И. Андреевым, к примеру, названы лишь три части дневника (портф. 507, ч. 2, портф. 521, ч. 1 - 2) в разных местах раздела с перечнем географических трудов². Близкое к нашему определению данного источникадается лишь в статье М.О. Косвена, который сообщает о "рукописных полевых журналах, или записных книжках, Миллера"³. В числе журналов здесь названы портф. 521, ч. 1 - 2 и портф. 507, ч. 2, содержание которых, по определению М.О. Косвена, "составляют записи по истории Сибири и ее народов; затем идут записи по географии, археологии, лингвистике и, наконец, - этнографические"⁴. Наряду с указанными, к полевым журналам М.О. Косвен отнес, ошибочно по нашему мнению, еще ряд рукописей: "Исторические примечания во время камчатского путешествия" (портф. 529, ч. 1 - 2); "Известие о шаманах или колдунах сибирских" (портф. 509, д.2); "Разные статьи, в которых в разсуждении сибирских народов требуется изъяснение" (портф. 509, д.10);

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 1 - 358 об.; портф. 521, ч. 1, л. 1 - 342 об.; ч. 2, л. 1 - 357 об.; портф. 522, ч. 1, л. 1 - 86 об.; ч. 2, л. 1 - 96.

² Бакланова Н.А., Андреев А.И. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 547 - 548.

³ Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733 - 1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 183.

⁴ Там же. С. 184.

"Документы из архивов, к описанию народов служащие" (портф. 509, л. 4). Оценка этих рукописей дана нами ниже, здесь же отметим, что по своему характеру они резко отличаются как друг от друга, так и от рукописей, отнесенных нами к полевому дневнику Миллера.

В полевой дневник Миллер заносил сведения по всем интересовавшим его проблемам бессистемно (по мере получения материалов, независимо от их характера). Здесь можно встретить выписки из летописей и актовых источников, материалы по языкам и диалектам сибирских народов, черновики путевых описаний, результаты опросов местного населения об острогах, селах, деревнях, дорогах, ясачных волостях и родах, фрагменты этнографических и археологических описаний, исторические предания, рассказы старожилов и т.д. Текст, за незначительными исключениями, написан рукой Миллера на немецком языке. Лишь в первой части дневника имеются краткие заметки на немецком языке, написанные Гмелиным, и на русском - Яхонтовым и студентами отряда. Дневник отличают не только чрезвычайная пестрота информации и ее бессистемное расположение, но и многочисленные сокращения, условные обозначения терминов и понятий, недосказанность и фрагментарность. Всем этим отчасти объясняется тот факт, что данный источник до сих пор не использовался исследователями. Однако то обстоятельство, что записи делались для сугубо личного пользования, открывает большие возможности для понимания методов работы ученого, его взглядов и, может быть, пристрастий.

В полевом дневнике нет указаний на то, когда делались те или иные записи. Однако, исходя из содержания этих записей, можно установить их хронологическую последовательность. Первые записи в портф. 521, ч. 1 относятся к путешествию Миллера в августе - декабре 1733 г. еще по территории европейской части России через города Тверь, Казань, Кунгур и лишь с л. 41 начинаются заметки с информацией по Уралу и Сибири. С декабря 1733 до лета 1736 г. историк посетил города Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Илимск. В соответствии с этим маршрутом расположены и материалы в портф. 521, ч. 1 до л. 320 включительно. Далее эта последовательность нарушается. После Илимска Миллер прибыл в Якутск, но на л. 321 - 342 об. находятся записи под заголовком "Всякая всячина" (на латинском языке), сделанные, судя по их содержанию, во время пребывания ученого в Енисейске и в ходе путешествия по Енисею до г. Мангазеи (с августа 1738 по август 1739 г.).

Продолжение записей, обрывающихся на л. 320 портф. 521, ч. 1, мы находим во второй части дневника (портф. 507, ч. 2). Первые 256 листов этого тома были заполнены Миллером во время пребывания в Якутске и Якутском уезде с лета 1736 до лета 1737 г. Затем следуют записи, сделанные во время последующих путешествий до лета 1739 г. по территориям Илимского, Иркутского, Енисейского и Мангазейского уездов. Часть за-

меток этого времени, как мы отмечали, была помещена в конце первой части дневника.

Следующая, третья, часть находится в портф. 521, ч. 2. Сюда вошли заметки, составленные в период путешествий с лета 1739 до февраля 1742 г. (Енисейский, Красноярский, Томский, Нарымский, Сургутский, Березовский, Тобольский, Тюменский и Пепымский уезды, города, крепости, остроги, слободы, заводы и рудники Урала и Приуралья). Далее идет часть, находящаяся в портф. 522, ч. 1, куда вошли записи, сделанные преимущественно во время пребывания в Туринском и Верхотурском уездах с февраля по декабрь 1742 г. Заключительная часть (портф. 522, ч. 2) написана в ходе путешествия от Соликамска до Петербурга в январе и феврале 1743 г.

Характер дневниковых записей Миллера не оставался неизменным на протяжении десятилетнего путешествия, и невозможно дать им обобщающую оценку, которая была бы одинаково верна, скажем, в отношении записей и начала, и конца экспедиции, поскольку в них мало общего. Это относится и к дневниковым материалам по этнической истории и этнографии сибирских народов. Хотя к сбору этнографических материалов Миллер приступил еще в европейской части страны, эта его работа почти не отражена в дневниковых записях 1733 - первой половине 1734 г. Среди них имеется лишь несколько заметок по этнографии мордвы и вотяков. Начиная со времени пребывания в Тарском уезде в июне 1734 г. материалы по этнической истории и этнографии занимают в дневнике все большее место. В первое время значительная часть материалов была непосредственно связана с началом планомерного, последовательного историко-географического описания сибирских уездов (Тарский, Кузнецкий, Томский и Енисейский)¹. Характеризовались состав ясачных волостей в уездах, их местоположение, количество плательщиков ясака в каждой волости, размеры ясака, особенности его сбора и оценки мехов.

Хотя данные о ясачном населении в полевом дневнике рассматривались Миллером в это время лишь как подготовительный материал для составления описаний уездов, для современных исследователей они представляют не только историографический интерес. Дело в том, что в описания уездов учёный включал сведения по строго ограниченной тематике, отсе-

¹ Описания сибирских уездов, составленные Миллером, уже детально проанализированы нами в ряде работ. См.: Элер А.Х. Описания уездов Сибири Г.Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986; Он же. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источники по истории Сибири. Новосибирск, 1990. Описания Томского, Кузнецкого, Енисейского, Красноярского и Нерчинского уездов опубликованы нами в переводе на русский язык. См.: Элер А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988; Он же. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. С. 172 - 209; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.

кая все, что выходило за ее рамки. Дневниковые же материалы об ясачных волостях гораздо более разнообразны и информативны. В "Описании Томского уезда...", например, даются сведения о местоположении селькупских ясачных волостей, а в полевом дневнике сообщается и о количестве поселений в каждой волости. В других случаях эти различия еще более существенны. Сопоставим сведения об одной из волостей, содержащиеся в "Описании Кузнецкого уезда..." и в полевом дневнике 1734 г. "Описание Кузнецкого уезда...": "Барсаякская [волость], в 30 - 40 верстах от места владения Кондомы в Томь. В ней имеется 35 плательщиков ясака"¹. Дневник: "Барсаяк, примерно в 30 - 40 верстах от Кузнецка вверх по Кондоме. Они имеют земледелие на горах, но не пашут, а разбивают землю мотыгами. Они также плавят железо в маленькие крицы и вырубают для этого руду из земли теми же мотыгами. Эта плавка железа дала имя городу Кузнецку, так как тогда, когда была оккупирована тамошняя местность, там, где сейчас стоит город, не жил никто, кроме татарских кузнецов. С того времени они платили ясак своими крицами. Сейчас же они должны выменивать на них меха и их доставлять в казну, в соответствии с их возможностями, в количестве от 1 до 5 соболей или их эквивалентом. Калмыкам не платят"².

Что же касается чисто этнографических сведений (проблемы этногенеза, социальные отношения, материальная и духовная культура), то впервые они появляются в записях, относящихся к Кузнецкому уезду. Их отличает лаконичность, конспективность: "Охота на лыжах. Луки и стрелы, а также ружья. Мужская и женская одежда. Бань нет. На калмыцкой границе живут в шатрах из войлока. Скотоводство не везде. Хлебопашество на горах с работами вручную. Повы везде мягкая. Долины слишком холодны для хлебопашства. Женщины рожают очень легко"³. И т.п.

С 1735 г. материалы дневника по этнической истории и этнографии становятся все более разнообразными и обстоятельными. В первую очередь это относится к данным, характеризующим родовой и племенной состав сибирских народов. Основное внимание Миллер уделяет уже не административным единицам – волостям и землицам, а диалектным группам, родам, улусам, определяет их родственные связи, указывает места обитания всех этнических групп, даже если они насчитывали всего 2 - 3 плательщика ясака. Особый интерес для современных исследователей представляют материалы о небольших по численности народностях, которые находились ко времени путешествия Миллера на грани вымирания (аринцы, ассаны и др.).

Ни в одной другой рукописи Миллера (как и в любом другом источнике XVIII в.) нет такого обилия данных об этнонаимах сибирских народов.

¹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 29.

² РГАДА, ф. 199, портф. 521, ч. 1, л. 109.

³ Там же, л. 116.

В дневнике характеристика каждой этнической группы обычно включает в себя ее русское название, самоиздание, то, как эту группу именуют все соседние народы и как, в свою очередь, именуются эти народы на языке данной группы. Целый ряд этнонимов, зафиксированных в дневнике, до сих пор вообще не известен ученым, а относительно некоторых других существует мнение, что либо они впервые появились в XIX в., либо были впервые выявлены в это время.

Миллеру удалось записать немало легенд и преданий о происхождении и этнической истории различных народов. Некоторые из них (легенда, объясняющая причину почти полного исчезновения некогда многочисленного народа арианцев, предание о происхождении якутов и переселении их с прародины на Лену) опубликованы Миллером в его "Истории Сибири"¹, однако там все же отсутствуют весьма важные детали, содержащиеся в их первоначальных вариантах в дневнике.

Среди этнографических описаний дневника расселено большое количество лингвистического материала. Обычно это краткие (в несколько строк) сведения о том, как у соседних народов называются одни и те же природные объекты, предметы шаманского культа, животные, съедобные растения и т.п. Имеются здесь и небольшие словарики по языкам отдельных народов, насчитывающие до нескольких десятков слов. Самы этнографические описания также насыщены аборигенной лексикой. Анализ показывает, что многие словарные материалы дневника отсутствуют во всех известных словарях XVIII в., в том числе и в словарях, составленных в Сибири самим Миллером.

Если дневниковые записи Миллера 1734 - 1735 гг. лишь дополняют (хотя и весьма существенно) материалы его описаний уездов, то последующие записи имеют для современной науки гораздо большее значение. Составление описаний уездов Миллер прекратил (последним было описание Нерчинского уезда), и собранные в дневнике сведения по этнической истории и этнографии сибирских народов были использованы им в "Истории Сибири", "Описании сибирских народов" и некоторых других работах в незначительной степени.

Начиная с 1736 г. записи имеют и ряд важных отличий от записей предшествующих лет. Первое, что бросается в глаза, - это обилие выписок из архивных документов, довольно редких в предшествующий период. Выписки были сделаны большей частью из тех документов, которые копировались под руководством Миллера в архивах сибирских городов. Однако в дневнике имеется также информация, почерткнутая Миллером из документов, которые не были скопированы из-за очень большого объема. Особенностью много в дневнике "экстрактов" из ясачных окладных книг - по отдель-

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 183, 186 - 187.

ным уездам их насчитывается более 10. В "экстрактах", как правило, указывается состав ясачных волостей в тот или иной год, количество плательщиков ясака в каждой волости, размер окладного ясака и, изредка, имена князцов.

Сотни страниц дневника заполнены рассказами о разного рода маршрутах. Это сведения ясачных сборщиков и приказчиков о дорогах к тем или иным ясачным волостям, зимовьям и острогам, показания промышленных людей о путях к местам промысла, рассказы коренных жителей о сезонных перекочевках к местам охоты и рыбной ловли. Поражают подробности такой информации. Некоторые рассказчики не только давали сведения о тех реках, озерах, урочищах, аборигенных поселениях, которые непосредственно встречались им в пути, но и описывали огромные прилегающие к маршрутам их путешествий регионы. Многие районы, в особенности речные системы, описывались таким образом неоднократно, и особый интерес представляет сопоставление описаний, сделанных коренными и русскими жителями. В таких случаях расхождения в названиях географических объектов и в оценках расстояний между ними бывают довольно большими. Впрочем, сопоставлять сведения разных информаторов о расстояниях довольно сложно. Как правило, рассказчики оперируют такой привычной для них мерой, как день пути. Вариантов этой меры используется чрезвычайно много: день пути пешком, на лыжах, с нартами (гружеными и "налехке"), на оленах, верхом на лошади, с оленьей или собачьей упряжкой, на лодке (по течению и против) и т.п. В зависимости от способа и обстоятельств путешествия день пути мог означать от 10 до 80 верст. Основной целью расспросов Миллера о маршрутах был сбор сведений о географических объектах, их местоположении, названиях на русском языке и языках коренных народов, но в рассказах содержится и много дополнительных сведений. Это данные о различных этнических группах коренного населения, местах их обитания, отношениях между ними, межэтнических конфликтах, описания способов охоты на разных зверей и др.

Миллер путешествовал по Сибири в тот период, когда здесь происходили интенсивные миграционные процессы. Основные направления миграций якутов, эвенков, селькупов, чукчей и других народов и их этапы к настоящему времени изучены, но дневниковые материалы Миллера позволяют уточнить многие связанные с этим моменты, особенно в отношении межэтнических конфликтов. Среди записей есть и совершенно уникальные сведения. Портф. 507, ч. 2 содержит, к примеру, записи трех рассказов о миграциях "тундровых" чукчей на запад, вплоть до Енисея. Эти данные позволяют, наконец, разгадать загадку исчезновения колымо-алазейских чукчей в конце XVII - начале XVIII в.¹. Наибольшее число заметок Миллера о

¹ См.: Гуринч И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 47 - 50; История и культура чукчей. Л., 1987. С. 121 - 122.

миграциях посвящено переселениям якутов, что вполне естественно, так как в XVII - XVIII вв. этот народ заселил огромные пространства Восточной Сибири. Историком было установлено время появления первых якутских поселенцев на Индигирке, Хатанге, Нижней Тунгуске и в других местах. Описаны и сопутствовавшие этим переселениям столкновения с другими народами.

Опросный метод сбора информации Миллер активно использовал на всех этапах сибирского путешествия. Но если по записям начала экспедиции нередко трудно установить, кто именно давал ученому сведения - ясачный сборщик или представитель коренного населения, участник тех или иных событий или человек, лишь слышавший о них от других, то с 1735 г. (Иркутский уезд) записи в этом отношении выгодно отличаются. Большую часть заметок, составленных в результате опроса информаторов, предваряют краткие сведения о личности опрашиваемого. Приведем несколько примеров примечаний такого рода: "Князцы Борогонского улуса, которые были у меня и сообщили это известие, из следующих волостей: Наалтан Куреахов, Ойенок Тархани - Оспецкой волости, Сортю Курджагин - Чириктайской волости"; "Чингада и Салинга, два ламута из рода Тугусир, сказали..."; "Сын боярский Петр Колесов в 1734 г. и сын боярский Федот Амосов в 1736 г. были приказчиками в Верховилюйском остроге и сказали..."¹. Только в портф. 507, ч. 2 приводятся сведения о более чем 110 информаторах. Это рядовые казаки, сотники, приказчики, дети боярские, двоюродные, крестьяне, посадские, промышленные люди, представители коренного населения (в том числе и шаманы) - якуты, эвенки, эвенки, воряки, венцы и др.

История народов Северо-Востока Сибири в первой половине XVIII в. насыщена трагическими событиями: кровавые столкновения чукчей с юкагирами и коряками, военные походы казаков, восстания коренных жителей и их жестокое подавление, моровые поветрия - все это опустошало не только отдельные поселения, но и целые волости. Миллер попытался собрать как можно более полные сведения об этих событиях и, что очень важно, получить информацию из первых рук. Ему удалось опросить многих участников походов против "немирных" чукчей, коряков и юкагиров, служилых, бывших на Камчатке во время карательных акций против восставших камчадалов (ительменов) в 1731 - 1732 гг., и даже некоторых коренных жителей, участвовавших в выступлениях против русских и оставшихся в живых. Рассказы этих людей, зафиксированные в полевом дневнике, позволяют по-новому взглянуть на многие явления и события, известные историкам в основном по документам, авторы которых - представители уездных властей и руководители военных походов.

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 136, 169 об., 170.

Сведения о религиозных представлениях и обрядах сибирских народов (как языческих, так и мусульманских и буддийских) появляются в дневниковых записях с 1734 г. (Кузнецкий уезд). Как правило, они довольно краткие - от нескольких строк до нескольких страниц. Исключение составляют записи по этой теме, сделанные в 1736 - 1737 гг. в Якутском уезде, где ученому удалось установить особо тесные контакты и доверительные отношения со многими шаманами. Описывая религиозные обряды якутов, Миллер не только тщательно фиксирует все детали увиденного им самим, т. е. внешнюю сторону происходившего, но и сопровождает свои рассказы подробнейшими пояснениями самих шаманов.

Начиная с лета 1740 г. записи в полевом дневнике ученого становятся все более близкими по содержанию к его путевым описаниям¹. Академический отряд с этого времени почти постоянно находится в движении, делая краткие остановки лишь в городах, и большая часть материалов дневника характеризует географические объекты и населенные пункты, расположенные в прилегающих к маршруту путешествия районах. В дневнике по-прежнему очень много данных об этническом составе, численности и расселении коренных народов (в том числе и в виде "экстрактов" из окладных ясачных книг), однако сведения по материальной и духовной культуре становятся все более краткими и почти исчезают к 1741 г. Связано это, видимо, с обстоятельствами путешествий, а также с тем, что с 1741 г. маршруты ученого пролегают через районы, заселенные в основном русскими.

Особняком стоит последний том полевого дневника (портф. 522, ч. 2). По форме и содержанию он представляет собой синтез обычного путевого описания и полевого дневника. Записи в этом томе сделаны в европейской части страны и этнографических данных не содержат.

Результаты бесед Миллера с местными жителями и его личные наблюдения отражены, помимо полевого дневника, в ряде других экспедиционных рукописей. Показания информаторов, которым ученый придавал особое значение, в некоторых случаях оформлены в сибирских канцеляриях в виде заверенных сказок по единому стандарту. Немало таких сказок можно обнаружить, в частности, в деле под архивным называнием "Разный географический известия. Особливо о Сибири"². Дело представляет собой собрание разнородных документов (общим числом около 70), составленных или скопированных по распоряжению Миллера в ходе экспедиции в канцеляриях сибирских городов; наряду с этим, здесь имеются и небольшие заметки на немецком языке, составленные самим путешественником. Большинство материалов имеет отношение к географии Сибири - это раз-

¹ О путевых описаниях Г.Ф. Миллера см.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера... Путевые описания Миллера 1734, 1739 - 1740 гг. опубликованы нами в переводе на русский язык. См.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера.

² РГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2, я. 1 - 205 об.

ного рода "реэстры" поверстных расстояний между городами и острогами по сухопутным и водным путям, "описания" населенных пунктов, "каталоги" пограничных уроцищ и маяков, "сказки" русских и коренных жителей с описаниями рек и т.д. Другие документы имеют отношение к церковной истории, истории Сибири XVII - XVIII вв., международным делам. Среди "исторических" сказок можно выделить рассказы забайкальских стариков, участников обороны Албазина от китайцев.

Многие сказки имеют непосредственное отношение к истории и этнографии сибирских народов. Наибольший интерес представляют, на наш взгляд, следующие: повествование якутских князцов о своих легендарных праотителях и их потомках; показания дворянинаИ. Львова о военном походе против олюторских кораков в 1714 г.; "достоверные" сведения рудоплавного мастера Нерчинских серебряных заводов о якобы зарытых в пещере сокровищах "степного царя кочевного", о которых ему сообщил 40 лет назад перед смертью 120-летний гулящий человек; показания якутской шаманки "в славе", искусство которой дважды испытывал Миллер¹.

Помимо сказок, в деле имеются и другие историко-этнографические материалы. Среди них составленные по единой форме описания народов Нерчинского, Иркутского и Якутского уездов². Об их содержании можно судить по одному из стандартных заголовков: "Известие. Нерчинского города уезду и к нему принадлежащие остроги каких народов люди живут и каких законов, и какие промыслы имеют и чем питаются"³. Несмотря на небольшой объем, в описаниях все же можно обнаружить довольно интересные факты. Автором описаний является, судя по всему, геодезист П. Скобельцын. В доношении в Якутскую воеводскую канцелярию, составленном тодмачом Миллера служилым Федотом Климовским, сообщается о беглых якутах, обосновавшихся на Алдане, и предлагается организовать розыск беглых⁴.

Перу Миллера в данном деле принадлежат многочисленные указания на архивные документы, имеющие отношение преимущественно к ясачной политике. Среди других его заметок - сообщение об остатках бурятской крепости в Балаганском дистрикте и пересказ бурятской легенды о сокровищах, зарытых предками во время военных действий и так и не найденных впоследствии⁵.

С экспедиционными материалами Миллера, имеющими архивное название "Известие о шаманах или колдунах сибирских"⁶, связано немало не-

¹ Там же, л. 111 - 112; 120 - 120 об., 140 - 145.

² Там же, л. 53 об. - 54, 56 - 56 об., 59 - 60.

³ Там же, л. 53 об.

⁴ Там же, л. 201 - 201 об.

⁵ Там же, л. 179 - 179 об.

⁶ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 2, л. 1 - 32 об.

доразумеций. Само название позволяло предполагать, что это специальная работа Миллера, посвященная сибирскому шаманизму. Краткая информация об этом источнике, данная Н.А. Баклановой и А.И. Андреевым в "Обзоре рукописей Г.Ф. Миллера...", не внесла полной ясности в вопрос о его характере. Здесь сообщалось только, что это "различные сведения о шаманах и колдунах сибирских, частью на русск., частью на нем. языках; встречается почерк Миллера". В работе М.О. Косвена содержание "Известия..." определено следующим образом. Автор указал, что среди рукописей Миллера в ЦГАДА вообще нет специальных работ о шаманстве, а анализируемый источник "целиком посвящен шаманству и содержит разные относящиеся к данной теме, видимо собранные Миллером, свои и чужие, материалы и заметки". Таким образом, содержание "Известия..." отражено в статье М.О. Косвена лишь в самой общей форме, да и то в виде предположения. При этом непонятно, почему автор отнес данный источник к "полевым журналам" Миллера, так как вопрос о том, когда и кем (помимо Миллера) были написаны материалы и заметки, им даже не поставлен.

Вопрос о структуре "Известия...", содержании входящих в него записей, их авторах, времени и обстоятельствах написания имеет особую значимость в связи со следующим обстоятельством. В отличие от большинства других этнографических рукописей Миллера, данный источник давно привлек к себе внимание исследователей, давших ему самую высокую оценку. При этом они до сих пор обращаются лишь к отдельным небольшим фрагментам "Известия...", безоговорочно (и безосновательно) признавая их автором Миллера. Между тем тексты, написанные действительно Миллером, остаются невостребованными. Здесь мы сталкиваемся с весьма распространенным в отношении архивного наследия ученого примером - внимание исследователей привлекают в первую очередь рукописи либо на русском языке, либо на немецком, но написанные рукой не Миллера, а значит более легкие для прочтения. Установить же, что тот или иной текст не является писарской копией или переводом работы Миллера, а также определить подлинного автора бывает подчас очень сложно, поскольку это требует анализа большого количества других рукописных материалов, в том числе опять-таки немецкоязычных автографов Миллера.

Наш анализ показал следующее. Подавляющее большинство материалов "Известия..." - это описания религиозных обрядов сибирских народов, составленные в 1737 - 1741 гг. их непосредственными очевидцами - Миллером и другими участниками Академического отряда. Однако имеется несколько записей иного характера.

Начинается "Известие..." с текста (л. 1), казалось бы не имеющего отношения к шаманизму, - это воспроизведение наскальных надписей, сде-

¹ Бакланова Н.А., Андреев А.И. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера... С. 560.

² Косвена М.О. Этнографические результаты... С. 184.

ланых в период с 7191 (1692/1693) по 1721 г. в основном служилыми и торговыми людьми, желающими оставить о себе память. Тексты в целом довольно однообразны ("1707 году мая в 19 день ехал мимо сего места торговой Иван Иванов" и т.п.). Выделяется лишь одна надпись: "Человече, боися Бога, стоит смерть у порога, труба и юса смертного часа, здесь ко-лико не ликовать, а по смерти гроба не миновать"¹. Данные тексты предвра-ряются пояснениями на латинском языке, согласно которым надписи были сделаны на Шаманском камне недалеко от Верхоленского острога, на бе-регу Лены. Эта скала являлась объектом особого почитания у окрестных бурят, которые, помимо прочего, давали перед ней наиболее торжествен-ные клятвы. Почерк на л. 1 не установлен, но, видимо, именно этот "Ша-манский камень на р. Лене" был зарисован по поручению Миллера худож-ником Люрсениусом² и в это же время были скопированы и надписи.

На л. 4 – 5 об. находится текст на русском языке под заголовком "Эк-стракт из вопросов и ответов присланного из Иркуцкой провинциальной канцелярии в Балаганской острог при указе супплемента". Он представляет собой копию фрагментов ответов на известную анкету В.Н. Тагищева, ка-сающуюся верований бурят, их шаманских обрядов и других вопросов эт-нографического характера. Написан текст рукой переводчика И. Яхонтова, а завершает его краткий пересказ ответа на 17-й пункт анкеты (о наказании за прелюбодеяние), написанный рукой Миллера на немецком языке. Здесь же находится краткая заметка Гмелина на немецком языке о поверье ба-бинцев, согласно которому убивших скопу ожидает несчастье (л. 6), и вы-писка из книги Олеария, сделанная рукой Миллера на немецком и латин-ском языках (л. 11).

Перу Миллера принадлежат следующие описания религиозных обря-дов под авторским заголовком "О шаманстве", составленные на немецком языке (нумерация наша).

1. Описание бурятского обряда жертвоприношения, совершенного 26 мая 1738 г. у Капсал-камня на р. Уде (л. 14 - 14 об.). В "Краткой росписи сибирского путешествия..." Миллера можно обнаружить подтверждение того факта, что данное описание было составлено в результате личных впе-чатлений: здесь отмечена поездка ученого с 25 по 27 мая от Иркутска до "бравцких жилищ около камня Капсала и оттуда обратно" общей протяжен-ностью 120 верст³.

2. Описание церемонии освящения коня у бурят на р. Китой 27 июня 1738 г. (л. 15). Предваряет это описание краткое сообщение, что накануне,

¹ Датируется эта надпись зирлем 1706 г., поэтому допустимо предположение, что ее автором мог быть архимандрит Мартиниан, отправленный в 1705 г. митрополитом Филофеем на Камчатку.

² См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Рис. 33.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 530, д. 9, л. 33 об.

26 июня, состоялся обряд жертвоприношения. В "Краткой росписи сибирского путешествия..." Миллер сообщает, что его поездка из Иркутска к бурятам на р. Китой состоялась 25 - 28 июня 1738 г.¹, а в промемории в Иркутскую провинциальную канцелярию он пишет, что ездил специально для "смотрения братского праздника" и сопровождали его в этой поездке Гмелин и Яхонтов². В самом описании ученый говорит о том, что церемония освящения коня должна была состояться в первой половине дня 27 июня, но, вопреки традициям, из-за уважения к путешественникам, которые задержались при осмотре близлежащей Тельминской суконной фабрики, ее перенесли на послебеденное время.

3. Описание камланий двух бурятских шаманов в Иркутске 2 июля 1738 г. (л. 15 об.). История появления этих шаманов в Иркутске такова. От бурята Ивана Куртугеева Миллер узнал, что около Бельского острога живет "знатной шаман" Лазарь Дейбогоров, и в промемории от 5 июня 1738 г. потребовал от Иркутской канцелярии доставить его в Иркутск³. Требование это было выполнено, и в инструкции Ивану Куртугееву от 27 июня Миллер пишет: "Понеже братской шаман Лазарь Дейбогоров объявил мне, что имеется в Балаганском дистрикте на реке Убчсе шаман Махунай Дейбогоров, которой ему, Лазарю, брат родной, да другой шаман Гахунзя Байдаханов живет по Уде... и он, Лазарь, знает про них, обоих шаманов, подлинно, что они при шаманстве режутся и колются ножами... того ради ехать тебе к оным двум шаманам с поспешением... и велеть им, шаманам, ехать с тобою в Иркутск со всем шаманским прибором и с ножами, которыми они при шаманстве режутся"⁴.

4. Описание камланий пяти шаманов и двух шаманок в ночь с 6 на 7 августа 1738 г. на р. Унге (л. 16 - 16 об.). Здесь же Миллер дает краткие сведения об обряде жертвоприношения, происходившем утром 7 августа, с примечанием: "См. более полное Яхонтовское описание этой церемонии". Можно предположить, что две шаманки - это Халпон и Ханахан, об искусности которых ученый узнал от упомянутого выше шамана Байдаханова и в инструкции И. Куртугееву от 19 июля велел разыскать их на р. Оссе, доставить к Балаганскому острогу и там ожидать с ними его прибытия⁵.

5. Описание камланий бохтинского шамана и ястинской шаманки у качинцев на р. Енисее в ночь со 2 на 3 октября 1739 г. (л. 16 об. - 19 об.).

6. Описание камланий шамана и шаманки, живущих среди качинцев на р. Июсе, в Красноярске 13 ноября 1739 г. (л. 20 - 20 об.). О шамане ученый сообщает, что по происхождению он кыргыз и избежал увода в Джун-

¹ Там же, л. 34.

² СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 25, л. 266 об.

³ Там же, л. 236.

⁴ Там же, л. 247 - 247 об.

⁵ Там же, л. 274.

гарию благодаря тому, что во время акции по уводу кыргызов в 1703 г. находился в качестве аманата в Красноярске.

Все три описания религиозных обрядов на русском языке, входящие в "Известие...", принадлежат, по нашему мнению, И. Яхонтову. На первый взгляд, здесь прослеживаются как бы два почерка, имеющие очень мало общего. Однако в экспедиционных бумагах Яхонтова можно обнаружить эти варианты, а также их промежуточные формы, что зависело от характера документа, его типа (черновик, беловой экземпляр) и условий, в которых он писался.

Первое описание - якутский обряд жертвоприношения на празднике ысыах (л. 2 - 3 об.) - опубликовано. Этот текст был обнаружен студентом Казанской духовной академии В.В. Половым и опубликован в качестве приложения к посмертному изданию труда В.Ф. Троццанского под редакцией Э.К. Пекарского¹. В сопроводительной справке данное описание приписывается Миллеру. Никто из многочисленных ученых, анализировавших и цитировавших этот текст, также неставил под сомнение авторство Миллера². Мало того, когда выяснилось, что похожее описание имеется в "Reise durch Sibirien" Гмелина, Г.В. Ксенофонтов предположил, что Гмелин заимствовал его у Миллера. С этим решительно не согласен В.Ф. Иванов: "На основе совпадения деталей описания нельзя прийти к выводу, будто описание Гмелина заимствовано из дневниковых записей Миллера с "лирическими отступлениями, надуманными в кабинете". Свои наблюдения Гмелин вел вполне самостоятельно"³. Можно согласиться с мнением В.Ф. Иванова, с той лишь поправкой, что в данном случае сопоставляются записи Гмелина и Яхонтова. На празднике ысыах 31 мая 1737 г. присутствовали не только Гмелин и Яхонтов, но и Миллер, который также описал его в полевом дневнике⁴. Сопоставление описаний обряда ысыах у Миллера и Яхонтова, а также другие подобные примеры раскрывают некоторые особенности полевой работы ученого. Яхонтову поручалось фиксировать внешнюю сторону происходившего, последовательность действий шаманов и других лиц. Миллер же брал на себя выяснение сути обряда, значения всех действий как во время самого обряда (через толмачей или непосредственно представителей коренных народов, владевших русским языком), так и после, в том числе путем расспросов самих шаманов.

¹ Троццанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1902. С. 182 - 185.

² См.: Ксенофонтов Г.В. Урвангтай-саахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937. Т. I. С. 36 - 37; Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии в XVII - XVIII вв. М., 1974. С. 87; Он же. Русские письменные источники по истории Якутии XVII - начала XIX в. Новосибирск, 1991. С. 128; Иванов В.Н. Историческая мысль в России XVIII - середине XIX в. о народах северо-востока Азии. М., 1989. С. 59; и др.

³ Иванов В.Ф. Русские письменные источники... С. 135.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 208 об. -217 об.

Второе описание Яхонтова (л. 26 - 29) под заголовком "Описание братского праздника, Кырык называемого, которой был на реке Китгое в Кондогорском роду" представляет собой детальную характеристику обряда жертвоприношения, состоявшегося 26 июня 1738 г., о котором кратко сообщает Миллер.

Далее следует третье - "Описание братского праздника, называемого таилга, которой отправлялся на усть Унги реки в Муруеве и Кинатове роде" (л. 30 - 32 об.). Это то самое описание Яхонтова, к которому отсылает Миллер, сообщая об обряде жертвоприношения, совершенном 7 августа 1738 г.

Хотя все остальные тексты написаны на немецком языке неустановленным почерком, у нас нет сомнений в том, что это копии оригинальных записей Гмелина, изготовленные по распоряжению Миллера. На это указывает целый ряд обстоятельств, в том числе содержательные и стилистические особенности текстов. Тот факт, что некоторые церемонии, описанные в них, охарактеризовал и Миллер, тоже доказывает, что не он был их автором. Кроме того, все эти описания составлены после смерти И. Яхонтова, и весьма вероятно, что часть из них Гмелин написал по просьбе Миллера, взяв на себя обязанности, которые до него выполнил Яхонтов.

Описания Гмелина разбиты на три блока. Один из них (л. 21 - 25) содержит описания камланий шаманов в октябре и ноябре 1739 г., о которых шла речь при характеристике текстов Миллера. Во втором и третьем блоках (л. 7 - 10 и 12 - 13 об.) даются сведения о шаманских обрядах, которые Гмелин наблюдал в то время, когда путешествовал отдельно от Миллера, именно с этим связаны пояснительные надписи, сделанные рукой Миллера и предваряющие каждое описание. В таких пояснениях, конечно же, не было необходимости тогда, когда речь шла об обрядах, которым учёный сам был свидетелем. Согласно пояснениям Миллера, камлания состоялись: "Вечером 17 июня 1741 г. в Барабинской степи у озера Токтамыш в Теренинской волости" (л. 7 - 7 об.); "Вечером 18 июня 1741 г. у Убинского паса в Барабинской степи" (л. 8 - 9); "У Каинского паса в Барабинской степи" (л. 9 - 10). На данные описания ссылается в своей работе З.Д. Титова, по мнению которой они принадлежат Миллеру¹. Но этому противоречит, кроме указанных выше обстоятельств, тот факт, что именно Гмелин в июне 1741 г. совершил путешествие из Томска в Тару через Барабинскую степь, а Миллер в это время обследовал заводы и рудники Южного Урала. Последнее из описаний (л. 12 - 13 об.) не предваряется пояснением Миллера, так как в самом тексте говорится, что характеризуемые шаманские обряды происходили 14 июля в Шилошине улусе Красноярского уезда. Год не указан, но, видимо, это 1740-й, когда Гмелин после отъезда Миллера путешествовал по Красноярскому уезду без него.

¹ Титова З.Д. Барабинские татары. (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19: Западносибирский сборник. С. 141 - 142.

Несмотря на то, что "Известие о шаманах или колдунах сибирских" и не относится, по нашему мнению, к "полевым журналам" Миллера, как это предполагал М.О. Косвен, в этих источниках все же много общего. Иначе обстоит дело с "Историческими примечаниями...", также относимыми М.О. Косвеном к "полевым журналам". Указанные М.О. Косвеном работы хранятся в РГАДА в делах под следующими архивными названиями: "Исторические примечания во время путешествия по Камчатке"¹ и "Исторические примечания о Енисейске 1735 г."². В научной литературе хранящиеся в РГАДА "Исторические примечания..." не соотносятся с неоднократно упоминаемыми в тех же работах "Обсервациями историческими..." из СПБО АРАН³. Между тем это одни и те же работы с одинаковыми оригинальными названиями на латинском языке ("Observationes исторические..." и "Исторические примечания..." - разные варианты перевода авторского названия "Observationes historicæ").

"Исторические примечания..." представляют собой своего рода научные отчеты, которые Миллер в 1733 - 1736 гг. регулярно высыпал в Сенат и Академию наук. Такие отчеты, как об этом свидетельствует сам Миллер, высыпалось им 10 и 21 декабря 1733 г., 15 мая 1734 г., 2 января 1735 г. и 20 марта 1736 г.⁴. "Исторические примечания..." включают в себя в определенной мере обработанные и систематизированные материалы по истории, археологии, этнографии и лингвистике сибирских народов. Ученый этот источник известен главным образом благодаря публикации его фрагментов с археологическими описаниями 1735 и 1736 гг., осуществленной В.В. Радловым в 1894 г.⁵, а также некоторым работам лингвистов, обращавшихся к отдельным словарям в "Обсервациях исторических".

Материалы для отчетов Миллер брал, как показывает анализ, преимущественно из своего полевого дневника (исключение - словари языков сибирских народов). Отдельные фрагменты "Обсерваций..." почти дословно повторяют соответствующие фрагменты дневника, в особенности 1733 - 1734 гг. (но уже не на немецком, а на латинском языке). Содержание первых "Обсерваций..." столь же пестрое, как и в дневнике: здесь жития связанных соседствуют с копиями архивных документов, статистические данные - с мерами верст между городами и т.д. Однако уже с конца 1734 г. большая часть материалов касается лишь археологии, этнографии и лингвистики. В общей сложности в данном источнике представлены 10 слова-

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 529, ч. 1, л. 1 - 253. Как справедливо отмечает М.О. Косвен, архивное название представляет собой исправленный перевод оригинального латинского названия, где: "камчатского путешествия" (Косвен М.О. Этнографические результаты... С. 183).

² Там же, ч. 2, л. 1 - 119.

³ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 134, 143, 164, 168.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 249, д. 9, л. 2 - 7 об.; СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 24, л. 68, 119 и др.

⁵ Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. I. Вып. 3 / Матер. по археологии России, изданные Императорской археологической комиссией. № 15.

рой сибирских народов, причем часть из них - словари сразу нескольких языков (например, латинско-татарско-аринско-коттско-камасинско-бурятский). В археологических разделах содержатся описания памятников Южной Сибири, в том числе Аблайкита, Семи Палат.

Собственно этнографические материалы довольно скучны, и в них Миллер дает лишь представление об этническом составе народов того или иного уезда, их численности, расселении, русских и аборигенных этнонаимах. В последнем по времени составления отчете приводится система счета у китайцев, маньчжур и индийцев, а также представлены образцы тангутского (тибетского) письма с произношением по-монгольски¹. В целом следует признать вторичность большинства материалов "Обсерваций исторических..." и, за исключением словарей, их малую информативность по сравнению с материалами полевого дневника.

Вероятно, ко времени пребывания Миллера в Якутском уезде относится начало его работы над рукописью, имеющей архивное название "Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остыках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов"². Данная работа представляет собой этнографическое описание указанных в названии народов, а также бурят (не считая кратких сведений, относящихся к ногулам, калмыкам Джунгарии и бухарцам Средней Азии).

Сопоставление последовательности описаний отдельных народов с маршрутом путешествий Миллера в Сибири обнаруживает совпадения, которые и служат основанием для нашего предположения о начале работы над этим трудом в конце 1736 - начале 1737 г. Нельзя, однако, исключить и то, что работа над "Известиями..." началась еще до прибытия ученого в Якутский уезд, поскольку рукопись дошла до нас не в полном объеме - первая ее страница начинается с обрывка фразы, начало которой находилось на предыдущем листе.

Описания некоторых народов (якуты, тунгусы, остыки, буряты, самоеды) даются в "Известиях..." в виде 2 - 3 блоков, помещенных в разных частях рукописи. Это обстоятельство, казалось бы, противоречит нашему утверждению о совпадении маршрута путешествий Миллера с последовательностью описаний народов. Однако анализ содержания этих блоков показывает, что именно особенностями путешествия объясняется определенная мозаичность "Известий...".

Структура "Известий..." такова. На л. 1 - 73 даются сведения о народах Якутского уезда: л. 1 - 19 - якуты; л. 19 - 42 - тунгусы; л. 42 об. - 48 об. - якуты; л. 48 об. - 73 об. - юкагиры (с отдельными фрагментами, содержащими сопоставительные материалы по якутам, тунгусам и ламутам). Далее идут описания, сделанные в 1737 - 1738 гг. в Иркутском уезде: л. 73 об. -

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 529, ч. 2, л. 54 об. - 55 об., 58 - 60.

² Там же, портф. 509, д. 3, л. 1 - 178 об.

77 об. - буряты; л. 77 об. - 78 об. - калмыки и бухарцы; л. 79 - 87 об. - буряты. Сведения о калмыках и бухарцах были, видимо, получены Миллером в Иркутске от купцов, прибывших из Средней Азии. Здесь, кстати, имеется и единственная в рукописи датировка, подтверждающая наше предположение о времени написания различных частей "Известий...": Миллер сообщает о киргиз-кайсацком (казахском) посольстве к Галдан-Церину, правителью Джунгарии, "летом прошлого 1737 года".

Следующие части рукописи относятся ко времени пребывания Миллера в Енисейске и его путешествию летом 1739 г. вниз по Енисею до Мангазеи: л. 87 об. - 90 об. - енисейские остыки; л. 90 об. - 107 - якуты; л. 107 - 110 об. - самоеды; л. 110 об. - 111 - мангазейские тунгусы. Наличие здесь материалов по этнографии якутов мы связываем с тем фактом, что в начале 1739 г. Миллер вынужден был расстаться со своим tolмачом Федотом Клиновским, который отправился в Иркутск вместе с Г.В. Стеллером. Миллер чрезвычайно высоко ценил Клиновского как знаока якутской культуры и, видимо, постарался перед его отъездом дополнить собственные наблюдения показаниями этого служилого.

После Енисейска ученый посетил Красноярский уезд (август 1739 - февраль 1740 г.), однако этот период получил в "Известиях..." довольно слабое отражение: л. 111 об. - 114 - камасинцы и тайгинцы; л. 114 - 122 - качинцы. Следующий раздел посвящен описанию остыков (хантов) и самоедов (ненцев) низовьев Оби и Иртыша, где Миллер побывал летом 1740 г.; здесь же имеются краткие сопоставительные материалы по vogулам (манси). Завершается работа описаниями татар-мусульман Тобольского и Тюменского уездов (л. 157 - 161) и новокрещенных татар Туринского уезда (л. 161 - 178 об.), сделанными соответственно в 1740 - 1741 и 1742 гг.

Особенностью "Известий..." является то, что многие фрагменты этой рукописи, до л. 108 об. включительно, перечеркнуты автором (после л. 108 об. таких перечеркваний нет). В некоторых случаях перечеркнутые фрагменты занимают лишь несколько строк, иногда же они охватывают 10 страниц и более. В общей сложности Миллером перечеркнуто немногим менее трети рукописи (приблизительно 113 страниц из 356). Сопоставление текста "Известий..." с "Описанием сибирских народов", о котором речь пойдет ниже, показывает, что указанные фрагменты были зачеркнуты Миллером после того, как он отразил их содержание в главах "Описания...".

Таким образом, "Известия..." представляют собой первый, черновой, вариант задуманного Миллером фундаментального труда, посвященного сибирским народам. В соответствии со своей программой этнографических исследований Миллер, прежде чем давать сравнительно-историческое

¹ Там же, л. 78 об.

описание всех народов, обратился к изучению каждого народа в отдельности. Это и нашло отражение в "Известиях...". Однако, несмотря на то, что "Известия..." рассматривались ученым лишь как подготовительный вариант "Описания сибирских народов", труд этот имеет вполне самостоятельное значение и не только в силу того, что большая его часть не получила отражения в окончательном варианте. Многие фрагменты "Известий...", вошедшие и в "Описании...", имеют в черновом варианте несколько иную редакцию, дополнительные, весьма важные для современных исследователей сведения. К примеру, в "Описании..." нередко отсутствуют содержащиеся в "Известиях..." указания на то, к какой именно этнической группе относятся приводимые данные (зачастую говорится об "остяках" вообще, не уточняется, идет ли речь о хантах, селькупах или ветах, и т.п.).

Ко времени пребывания Миллера в Якутском уезде (не ранее конца 1736 и не позднее осени 1737 г.) следует, видимо, отнести начало его работы и над текстом фундаментального "Описания сибирских народов"¹. Рукопись "Описания..." имеет ряд особенностей, не характерных для других экспедиционных работ ученого. Как правило, тексты Миллера изобилиуют дополнениями между строк и на полях, многие фрагменты и отдельные фразы подвергались стилистической правке или переписывались заново с учетом вновь полученных данных. Иначе выглядит рукопись "Описания сибирских народов", и объяснение этому мы видим в следующем.

Начиная работу над этим трудом, Миллер осознавал, что по мере знакомства с народами тех уездов, в которых ему еще предстояло побывать, объем информации по каждой проблеме будет неуклонно возрастать, причем в больших размерах. Поэтому он сразу же разделил переплетенный первый том на главы, с таким расчетом, чтобы запаса чистых листов хватило на предполагаемый объем каждой главы. Но почти в каждой главе имелись свои тематические блоки, и для того, чтобы отоснить вновь полученные материалы к соответствующим блокам, Миллер разделил все страницы примерно пополам и заполнял первоначально лишь их левую половину: правая была оставлена для дополнений. Поскольку расчет ученого был приблизительным, предусмотреть реальный окончательный объем всех глав и дополнений к ним он не смог. В итоге в конце одних глав осталось значительное количество незаполненных страниц, в других же объем текста вопрос настолько, что автору пришлось максимально использовать правые половины страниц для дополнений. Найти свободное место именно там, куда следовало отнести новые данные в соответствии с их тематикой, удалось не всегда.

О времени работы Миллера над "Описанием сибирских народов" есть несколько прямых указаний в самом тексте рукописи. В главе "О науках у

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 1 - 170; ч. 2, л. 1 - 92 об.

народов" Миллер, характеризуя календарную систему у бурят, пишет, что первым месяцем в году они считают тот, который "стоит теперь, то есть когда я это пишу (в ноябре 1737 года)"¹. Здесь необходимо указать, что данный текст помещен в виде прибавления на правом поле 13-й страницы главы. Следовательно, работа над рукописью должна была начаться гораздо раньше. Скорее всего, данная запись сделана во время путешествия из Якутска в Иркутск в Верхоленском остроге, где путешественник остановился на 11 дней (он пробыл там с 15 по 26 ноября 1737 г.).

Второй том рукописи был начат Миллером, судя по всему, в 1738 г. либо в Иркутске, либо в Енисейске. Его открывает глава "Об охоте", в основном тексте которой на левом поле 2-й страницы указываются даты на порох "в истекшем 1737 г."².

Наше предположение о том, что работа над "Описанием сибирских народов" была начата не ранее конца 1736 г., подтверждается лишь косвенными доказательствами. Основное из них - последовательность изложения материалов, характеризующих разные народы в сравнительном плане. Как правило, основной текст в первых главах начинается с данных, относящихся к бурятам, монголам, якутам, тунгусам, юкагирам, чукчам и другим народам, сведения по этнографии которых были собраны во время пребывания ученого в Нерчинском, Селенгинском, Якутском, Илимском и Иркутском уездах. Некоторые из этих данных были получены Миллером лишь в конце 1736 - начале 1737 г. Затем обычно идут материалы по народам тех уездов, где ученый побывал в 1734 - 1735 гг., и только потом - данные о народах тех уездов, где он путешествовал после 1737 г. Почти все дополнения на полях основаны на материалах, полученных в 1738 - 1740 гг. Интенсивная работа над "Описанием..." продолжалась, видимо, лишь до 1740 г., поскольку подавляющая часть сведений, собранных во второй половине 1740 - 1742 гг., не была использована Миллером в данном труде. Да и в последующие годы ученый почти не возвращался к данной рукописи и внес туда только несколько отдельных записей. К написанию некоторых запланированных глав Миллер даже не приступил.

Среди архивных рукописей в фондах Миллера в РГАДА и СПБО АРАН нам не удалось обнаружить материалов, дающих однозначный ответ на вопрос о причинах прекращения работы над "Описанием сибирских народов". Конечно же, не недостаток источниковой базы был тому причиной. С большой долей уверенности можно утверждать, что отказ историка от продолжения работы над "Описанием...", как и над "Географическим описанием Сибири" и некоторыми другими капитальными трудами, связан с осознанием им того факта, что его работы оказались невостребованными и не было никакой надежды на то, что они когда-либо будут опубликованы.

¹ Там же, ч. 1, л. 29.

² Там же, ч. 2, л. 2 об.

Миллер вернулся из Сибири с сознанием исключительной важности проделанной им за 10 лет экспедиции работы и, естественно, ожидал, что его труды будут оценены по достоинству. Вскоре, однако, ему пришлось узнать от академического начальства и некоторых коллег-профессоров, что его работой в Сибири недовольны, что 10 лет он напрасно получал двойное профессорское жалование. Миллер не только не получил обещанного вознаграждения, но ему к тому же определили самый низкий для профессора оклад - 660 руб. в год. Мало того, в 1750 г. он был разжалован из академиков (профессоров) в адъюнкты с жалованием в 360 руб. в год. И хотя поводом к этому решению послужила "злосчастная", по выражению П.П. Пекарского, речь "Происхождение народа и имени Российского", одним из ключевых пунктов обвинений в адрес ученого была ссылка на его работу в Сибири: "Пользуясь напрасно через девять лет немалым изживением ся императорского величества, и оттуда ничего иного не привез, кроме собранных из сибирских архив по большой части копий с грамот, летописцев и других канцелярских дел, что все тамошними служителями учинено. А оные самым малым изживением можно получить через указы Правительствующего Сената, не посыпая его, Мюллера, на том великом жалование содержащегося...". Такова была оценка архивной части экспедиционной работы Миллера (которая современными исследователями характеризуется как "архивный подвиг ученого"); результаты его деятельности в других областях здесь даже не упомянуты - видимо, их посчитали не заслуживающими внимания.

Вскоре после возвращения из экспедиции Миллер представил в Академию "для апробации" первые части своих наиболее важных трудов, начатых в Сибири: "Истории Сибири", "Географического описания Сибири..." (по административным районам), "Особенной, или специальной, географии Сибири" (по рекам) и "Описания сибирских народов"¹, а также некоторые работы, уже готовые к публикации. Расчеты ученого на то, что его труды вызовут большой интерес у руководства Академии и ее профессоров, не оправдались. 12 октября 1746 г. Миллер писал президенту Академии наук графу К.Г. Разумовскому: "Велико мое побуждение будет к прилежанию, ежели я увижу, что мои описания ученому свету, а паче российскому государству в пользу, в печать изданы будут, дабы мне не остаться в сомнении, в котором я попыне нахожуся, что мои труды такмо червям на цицу или другим людям, которые оными после меня пользоваться будут, в поквалу служить имеют, так, как сделалось с описаниями покойного доктора Мессершмидта, которые и попыне лежат не печатаны...". Опасения Миллера

¹ Цит. по: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербург. СПб., 1870. Т. I. С. 364.

² РГАДА, ф. 199, картф. 349, д. 9, л. 16 об. - 17.

³ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 343.

оказались не напрасными - из всех указанных выше трудов ему удалось опубликовать лишь часть "Истории Сибири".

Можно предположить, что последние иллюзии относительно возможности издать "Описание сибирских народов" исчезли у Миллера именно после обсуждения глав "Истории Сибири" в Историческом собрании. В самом деле, многие фрагменты и отдельные фразы из этих глав, признанные критиками Миллера как "непристойные", "досадительные", "излишние", "неосторожные" и т.п.¹, на фоне "Описания сибирских народов" выглядят совершенно безобидными. Если, например, "неосторожным" посчитали выражение Миллера о строительстве церквей для "лучшего украшения города" ("ибо церкви строятся для приношения славословия Божия и молитвы"), то можно было представить реакцию критиков на рассуждения участника по поводу методов и результатов христианизации сибирских народов.

Рукопись "Описания сибирских народов" начинается с плана работы, в котором раскрываются структура и основное содержание 15 глав (л. 3 - 9). В главе "Темперамент" предполагалось, к примеру, осветить следующие проблемы: "Прилежность, лживость, воровство, убийства, самоубийства, похотливость, ругательства, содомия, храбрость, трусливость, мужество, хвастовство, споровка, трудолюбие, леность, неумеренность в еде и питье, бережливость, гостеприимство, жадность, отношения детей с родителями и почитание старших. Ярость, кротость, упрямство, стыдливость. Наказания и проклятия, бранные слова и их значение, проявления вежливости в словах и действиях, при чихании. Поклоны головой, преклонения колен, снимание шляп и шапок"².

В самом "Описании..." Миллер несколько изменил данный план, расширив число глав до 30 (не считая тех, к написанию которых он так и не приступил): он не только разбил некоторые главы на несколько самостоятельных, но и добавил новые, темы которых вообще отсутствуют в первоначальном плане.

В первом томе представлены следующие 24 главы (нумерация глав наша): 1. О происхождении народов (л. 10 - 15); 2. Об языке народов (л. 16 - 18); 3. Политическое устройство народов (л. 19 - 22); 4. О науках у народов (л. 23 - 37 об.); 5. О мерах расстояния у народов (л. 38 - 39 об.); 6. О строении тела у народов (л. 40 - 42 об.); 7. Об одежде у народов (л. 43 - 69); 8. О духовных свойствах народов (л. 70 - 82); 9. Об отправлении правосудия у народов (л. 83 - 85 об.); 10. О клятве у народов (л. 86 - 90 об.); 11. О жилищах у народов (л. 91 - 104 об.); 12. Домашняя утварь у народов (л. 105 - 109 об.); 13. Проявления дружбы и почитания у народов (л. 110 - 112); 14. О бранных словах у народов (л. 113 - 113 об.); 15. Торговля и

¹ См.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 113.

² РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 3 об. - 4.

обмен у народов (л. 114 - 115); 16. О земледелии у народов (л. 116 - 116 об.); 17. О скотоводстве у народов (л. 117 - 123); 18. Об оленях (л. 124 - 129); 19. О собаках (л. 130 - 130 об.); 20. О верблюдах (л. 131 - 131 об.); 21. О кочевках народов (л. 132 - 144); 22. О питании народов (л. 145 - 150 об.); 23. О приготовлении кушаний (л. 151 - 160 об.); 24. О ремеслах, искусствах и прочих работах у народов (л. 161 - 169). На л. 170 находится текст на арабском языке, не имеющий отношения к главе 24.

Во втором томе - лишь 6 глав: 1. Об охоте (л. 2 - 23 об.); 2. О рыбной ловле (л. 24 - 27 об.); 3. Об играх и упражнениях (л. 28 - 32); 4. О военном деле у народов (л. 33 - 36); 5. О браке (л. 37 - 72); 6. О рождении и воспитании детей (л. 73 - 86 об.). Судя по первоначальному плану и другим рукописям Миллера, в которых содержатся его высказывания о предмете этнографической науки, завершить данный труд должны были главы о болезнях и их лечении, о смерти и погребальных обрядах, языческой религии и шаманизме, о распространении христианства, мусульманства и буддизма у сибирских народов.

Помимо плана работы и текста глав в рукописи имеются также (на л. 1 - 2 первого тома и л. 87 - 92 об. второго тома) краткие выписки из книг иностранных авторов XVII - XVIII вв. на немецком, французском и латинском языках, сделанные рукой Миллера. В них сообщаются сведения по этнографии народов Америки, Африки, Азии и Вест-Индии, которые ученым, вероятно, предполагал использовать для сопоставления с материалами по этнографии сибирских народов. Много ссылок на исследования иностранных писателей и ученых имеется и в текстах глав, в основном на правых полях в виде дополнений и примечаний. Наиболее часто автор обращается к трудам Н. Витзена, Ф.И. Страленберга, Д.Г. Мессершмидта, Избрандта Идеса, Марко Поло, И. Шеффера, И.Б. Мюллера, реже - к работам немецких ученых и писателей античности (Геродот, Платон) и библейским текстам.

Некоторые описания (о разновидностях стрел, конструкции жилищ и др.) сопровождаются рисунками самого Миллера, признаться, весьма посредственного рисовальщика.

Из показанного выше объема отдельных глав "Описания..." видно, что разные проблемы этнографии сибирских народов рассмотрены ученым с неодинаковой степенью полноты. Если, к примеру, глава "О собаках" значительно уступает по объему главе "Об оленях" по вполне понятным объективным причинам, то этого нельзя сказать о первых главах труда, где рассматриваются вопросы происхождения народов, их языков и политического устройства. В этих главах Миллер в основном лишь констатирует факты, воздерживаясь от высказывания своих взглядов по наиболее важным проблемам. Скорее всего, это объясняется не тем, что у него вообще не было собственного мнения по данным проблемам (и это доказывается другими работами учченого), а нежеланием делать поспешные выводы, выдвигать

гипотезы, которые еще нуждались в проверке и подкреплении новыми материалами.

В рукописи "Описания..." отсутствуют какое-либо предисловие, а также вводные главы, в которых бы давались сведения об этническом составе, численности и расселении сибирских народов. Не предусмотрены они и планом работы, предваряющим главы. Однако данный пробел был частично восполнен Миллером в других рукописях, имеющих прямое отношение к "Описанию сибирских народов". В СПБО АРАН хранится рукопись "Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному особливым известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно. Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии наук профессором, сочиненное"¹. По нашему мнению, это именно та первая часть "Описания сибирских народов", которую, наряду с некоторыми указанными выше работами, Миллер передал вскоре после возвращения из экспедиции в Академию наук "для апробации".

Как следует из оглавления, в полном виде данный труд должен был состоять из "Описания сибирских народов", описания народов Казанской губернии (о нем пойдет речь ниже) и этнографической программы, составленной для Фишера. Однако в деле имеется лишь предисловие к "Описанию сибирских народов" и описание народов Казанской губернии. Весь текст на русском языке и представляет собой перевод с немецкого языка, осуществленный, судя по почерку, переводчиком Академии наук Иваном Голубцовым. Перевод черновой, с многочисленными поправками рукой Голубцова. Поправок рукой Миллера, который обычно правил переводы своих работ, не обнаружено. Описание народов Казанской губернии было составлено Миллером еще в 1733 г. О точном времени написания предисловия у нас данных нет, однако это произошло уже после возвращения ученого из экспедиции, но не позднее 1747 г.: Миллер сообщает здесь о скором возвращении из Сибири Фишера, а вернулся он в Петербург в 1747 г. Содержание предисловия охарактеризовано нами выше.

Немецкоязычный вариант данного предисловия пока не обнаружен, однако в РГАДА имеется другой вариант предисловия к "Описанию сибирских народов", написанный рукой Миллера на немецком языке: "Описание различных народов Российской империи, живущих в Сибири и граничащих с нею"². В архивной описи эта рукопись ошибочно охарактеризована как "Отрывок из описания манчжурских народов, населяющих Сибирь" (из-за неправильного прочтения немецкого слова *manchurley*). Текст представляется собой типичный черновик Миллера с многочисленными исправлениями и обширными дополнениями на полях. Рукопись состоит из двух вариантов начала первой главы под одним общим заголовком. В первом варианте

¹ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 6, л. 1 - 113.

² РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 6, л. 1 - 4 об.

(л. 1 - 3 об.) глава названа "О народах вообще и их местожительстве". Собственно предисловие занимает здесь лишь одну страницу (с дополнениями на поле), а далее речь идет о расселении народов, граничащих с Сибирью в Приуралье. Второй вариант первой главы (л. 4 - 4 об.) озаглавлен "О народах вообще". На этих двух страницах очень плотного текста, также со значительными дополнениями на полях, Миллер и высказывает те основные положения о задачах и методах этнографической науки, которые в более развернутом виде изложены им в указанном выше русскоязычном предисловии к "Описанию сибирских народов", хранящемся в СПБО АРАН.

Как отмечалось выше, вместе с "Описанием сибирских народов" Миллер предполагал опубликовать описание народов Казанской губернии: "Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи языках...". Работа эта была написана в самом начале экспедиции, в 1733 г., и неоднократно издавалась на русском и немецком языках как при жизни автора, так и после его смерти (в 1756, 1759, 1791 гг.)¹. Несмотря на то, что сам Миллер довольно критически оценивал эту свою первую экспедиционную работу, современные специалисты считают ее одним из наиболее важных источников по этнографии народов Поволжья в XVIII в.

К "Описанию сибирских народов" имеет отношение еще ряд рукописей Миллера в его "портфелях". Большая их часть находится в портф. 509, где сконцентрированы этнографические материалы ученого. Прежде всего следует отметить еще один вариант оглавления "Описания сибирских народов", написанный рукой Миллера на немецком языке, с его же исправлениями и дополнениями на поле². С учетом всех исправлений здесь названо 26 глав. Большинство названий совпадает с названиями глав в "Описании сибирских народов", однако их последовательность более продумана. Количество глав сокращено за счет объединения однотипных тем. Так, содержание глав "О скотоводстве у народов", "Об оленях", "О собаках" и "О верблюдах" предполагалось отразить в одной обобщающей главе "О скотоводстве"; вместо глав "Проявления дружбы и почитания у народов" и "О бранных словах у народов" предусматривалась одна глава "Об их общении между собой" и т.п. Судя по всему, мы имеем здесь дело с планом переработки "Описания сибирских народов", составленным уже после сибирского путешествия.

¹ См.: Косвен М. О. Этнографические результаты... С. 179 - 180.

² ГГАДА, ф. 199, портф. 509, л. 5, л. 25.

О том, что Миллер после экспедиции хотя и мало работал непосредственно над текстом "Описания сибирских народов", однако продолжал собирать материалы для этого труда, свидетельствуют его многочисленные выписки из трудов иностранных авторов, опубликованных преимущественно во второй половине 40-х и 50-х гг. XVIII в. 48 страниц таких выписок этнографического характера находится в деле под архивным называнием "Некоторые записки из иностранных писателей"¹ (в этом же деле хранятся и некоторые другие заметки Миллера, в том числе и указанное оглавление).

Дело под архивным называнием "Разные статьи, о которых в разсуждении сибирских народов требуется изъяснение"², относимое М.О. Косвеном к полевым журналам Миллера, представляет собой собрание разнотипных рукописей, имеющих прямое отношение к этнографии сибирских народов. Первая из них (л. 1 - 10 об.), которая и дала основание для названия всего дела, написана рукой Миллера на немецком языке явно до экспедиции или в самом ее начале. Здесь ставятся вопросы по этнографии народов Сибири, а также монголов, китайцев, маньчжуро-калмыков, которые учёный сформулировал на основе анализа материалов труда Н. Витзена. После экспедиции Миллер уже знал ответы на многие из этих вопросов (например, об особенностях облавной охоты у бурят - путешественник сам побывал на такой охоте).

Далее на л. 11 - 16 об. находится немецкоязычный автограф этнографической инструкции Миллера Краппенинникуму ("Допросы при описании народов и их нравов и обычаях") с поправками автора; за ним следует перевод этого документа на русский язык, написанный рукой "геодезического ученика" Алексея Макшеева (л. 17 - 22). Рукой Макшеева написаны и несколько следующих документов: копии доношений надсмотрщику по ручью К. Берху о розыске языческих "кумиров" у новокрещеных хантов (л. 26 - 30) и копия фрагментов этнографического содержания из ведомости Томской канцелярии, составленной, согласно примечанию Миллера на немецком языке, по анкете В.Н. Татищева в 1737 г. (л. 31 - 43). В деле имеется также копия инструкции, выданной Мангазейской воеводской канцелярией служилым при отправлении их для сбора ясака в Курейское зимовье (л. 23 - 26 об.).

В "портфелях" РГАДА находится еще большое количество списков документов, содержащих сведения этнографического характера, из копийных книг Миллера, хранящихся в СПбО АРАН³. В частности, в указанном

¹ Там же, л. 1 - 24 об.

² Там же, д. 10, л. 1 - 43 об.

³ СПбО АРАН, ф. 23, оп. 4, д. 1 - 34. Описи этих копийных книг опубликованы: Акторы источники по истории России к Сибири XVI - XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993 - 1996.

"этнографическом" 509-м портфеле имеется список с грамоты березовскому воеводе Черкасскому о выдаче князю Онже Юрьеву фамильного "богдана" князей Алачевых, а также список с челобитной карымских остяков с просьбой вернуть культовые предметы, украденные служилыми людьми с их святыни¹. Списки, согласно примечаниям Миллера, были изготовлены по копийным книгам Березовского и Кетского архивов. Наряду с этим, среди бумаг Миллера можно обнаружить указания на то, в каких документах копийных книг содержатся сведения по тем или иным конкретным этнографическим проблемам. В одном таком указателе² - 27 списка такого рода на немецком языке рукой Миллера, включающих название архива, номер копийной книги, порядковый номер документа и его содержание ("Томский архив, т. 1, № 19 - о ветряном камне" и т.п.).

Во время экспедиции Миллер составил словари языков почти всех аборигенных народов Сибири. На материалы словарей он опирался при решении этногенетических проблем. Большая часть этих словарей хранится в РГАДА³. Наряду со словарями отдельных народов, он создавал параллельные словари диалектов и языков родственных народов. Таков, к примеру, "Лексикон самодийский по 13 диалектам" (портф. 513, л.?). В литературе имеются достаточно полные сведения об этом собрании.

Отметим также некоторые другие рукописи Миллера, имеющие отношение к сибирским народам и этнографии.

Среди незавершенных проектов Миллера следует упомянуть "Географическое описание Сибири"⁴. В данном труде, начатом еще в экспедиции, ученый предполагал детально осветить географическое положение всех сибирских регионов от Урала до Камчатки, дать сведения о расселении русского и аборигенного населения, описать все более или менее значимые поселения. Однако описал он лишь Урал и часть Западной Сибири (Исетская провинция, Тобольский, Пелымский, Тюменский, Туринский, Верхноторский и Екатеринбургский уезды, Краснослободской и Ялуторовский дистрикты). Большая часть содержащихся в данном описании сведений о коренном населении не представляет большого интереса для исследователей, поскольку они основаны почти исключительно на данных, почерпнутых автором из его собственных путевых описаний 1740 - 1742 гг. Наиболее важна для нас обобщающая характеристика коренных народов Сибири, данная Миллером в главе "О сибирских жителях" (часть 1, глава XI, разделы 1 - 11).

Не закончил Миллер и специальное исследование, посвященное буддизму у монголов и калмыков ("История и описание тангутской или тах-

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 9, л. 1 - 2.

² Там же, д. 4, л. 1 - 2.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 513, д. 1 - 27.

⁴ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 1 (автограф на немецком языке); РГАДА, ф. 181, д. 273, л. 1 - 331 об. (перевод на русский язык И. Голубцова).

зваемой далай-ламской религии...”¹). Написана работа на немецком языке с фрагментами на русском и латинском языках. Данный труд до сих пор не привлек внимание специалистов, хотя это один из первых в России опытов серьезного научного изучения буддизма.

Рассматривая деятельность Миллера в области изучения сибирских народов в целом, можно выделить в ней три основных направления. Прежде всего им была разработана оригинальная, не имеющая аналогов по широте охвата проблем грандиозная программа изучения этнической истории и этнографии коренного населения Сибири. Хотя в законченном виде эта программа была оформлена лишь к концу экспедиции (1740 г.), ее основные положения можно обнаружить в разного рода инструкциях и других работах Миллера, написанных уже в самом начале сибирского путешествия. Методы решения поставленных в программе задач, основные принципы этнографической науки наиболее отчетливо изложены историком как в этом документе, так и в предисловии к “Описанию сибирских народов”.

Второе направление составила организация сбора материалов по истории и этнографии аборигенов Сибири. Эта деятельность Миллера коснулась всех сибирских регионов и всех населяющих ее народов; ее отличительные черты – методичность, продуманность и последовательность. Миллер впервые привлек в качестве важнейших практических все те этнографические источники, которые составляют базу современной этнографии: архивные данные, материалы текущего делопроизводства местных органов власти, официальную статистику, анкеты, результаты опросов местных жителей (как коренных, так и русских), фольклор, лингвистические материалы, данные топонимики, личные наблюдения, этнографические коллекции предметов материальной и духовной культуры, результаты археологических разысканий. В итоге ученому удалось собрать колossalный материал, равного которому по объему, разнообразию и достоверности не удалось найти и зафиксировать ни одному из последующих исследователей Сибири. В отношении архивных источников это общепризнанный факт, а что касается многих других типов собранных Миллером источников, то их значение становится очевидным только сейчас, особенно благодаря анализу полевого дневника ученого.

Третье направление представлено работой Миллера по написанию специальных этнографических трудов. Наиболее значимой является его попытка создать обобщающий труд по этнографии всех сибирских народов. Два основных этапа в создании этого труда (помимо сбора источников) представлены “Известиями о якутах...” и “Описанием сибирских народов”. “Известия...” были начаты Миллером, судя по всему, в конце 1736 г., и уже вскоре после этого ученый приступил к “Описанию сибирских народов”.

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 344, д. 11, л. 1 - 116.

Работа над этими двумя рукописями осуществлялась в дальнейшем практически одновременно и длилась до 1742 г. (не считая кратких дополнений, внесенных в "Описание..." в последующие годы). Данное обстоятельство вовсе не свидетельствует, по нашему мнению, о совершенно самостоятельном характере "Известий...". "Известия..." - это систематизация этнографических материалов по отдельным народам, которая осуществлялась последовательно по мере знакомства с этими народами и их локальными группами, проживающими в разных регионах. "Описание..." же - это результат сопоставительного анализа материалов "Известий..." по разным народам, который делался уже по тематическому принципу. Отличительной чертой "Описания..." является наличие здесь оценочных характеристик, выводов теоретического характера, чего почти нет в других экспедиционных рукописях Миллера.

Помимо материалов "Известий..." в "Описание сибирских народов" вошло большое количество данных из других экспедиционных рукописей, в особенности из полевого дневника ученого. Поэтому, несмотря на то, что около двух третей "Известий..." не было использовано при составлении "Описания...", объем последнего гораздо больше: соответственно 356 и 523 страницы, причем в "Описании..." текст более плотный.

Для решения различных проблем сибирской этнографии разные экспедиционные рукописи Миллера имеют неодинаковое значение. Материалы по этническому составу и этнонимике наиболее полно представлены в полевом дневнике; сведения о расселении и численности сибирских народов - в путевых описаниях ученого, его описаниях уездов, анкетных данных и в полевом дневнике; материальная и духовная культура сибирскихaborигенов - в "Известиях о якутах..." и "Описании сибирских народов". Поэтому указанные работы, как и ряд других экспедиционных рукописей Миллера, имеют вполне самостоятельное значение, они не могут заменить друг друга и, следовательно, их следует рассматривать в комплексе.

ГЛАВА II

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ТРУДАХ И МАТЕРИАЛАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА

1. Этнический состав и расселение сибирских народов

Под "сибирскими" Миллер подразумевал все нерусские народы, проживающие на территории Сибири. Вопрос о том, какие территории охватывает понятие Сибирь, наиболее детально рассмотрен им в работе "Географическое описание Сибири". Отметив, что существуют различные толкования касательно границ Сибири и приложимости данного определения к таким областям, как Камчатка и Дауря (когда она входила в состав России), ученый приходит к выводу, что к Сибири следует относить все русские владения, расположенные к востоку от "подлинных российских границ", проходящих по водоразделу, который тянется с севера на юг по Уральским горам¹.

Миллеровское определение "сибирские народы" не совсем точно соответствует современному понятию "коренные народы Сибири". По Миллеру, сибирские (нерусские) народы подразделяются на "ис-коенных" (т.е. автохтонных), живущих на территории Сибири "из давних лет" (например, западносибирские татары), и переселившихся сюда относительно недавно (бухарцы и др.).

При определении этнического состава сибирских народов и решении этногенетических проблем в качестве основного средства Миллер использовал данные языка. "Характеристическое различие народов, - писал он уже после сибирского путешествия, - состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии: ибо все это у разншлеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности. Язык указывает нам происхождение народов"².

Лингвистические данные использовались и ранее для решения вопросов, связанных с происхождением и родством народов. Однако для других ученых, предшественников Миллера и его современников, при установлении родственных связей между народами обычно достаточно было выявить сходство отдельных слов, названий, обнаружить случайные со-

¹ РГАДА, ф. 181, д. 273, л. 5 - 9.

² Цит. по: Беликовец Л. П. Россия в итальянской исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 111.

звучия (подобные примеры встречаются, в частности, в работах В.Н. Татищева). В "Истории Сибири" Миллер так писал о подобном методе: "Писатели, которые для исторических доказательств довольствуются только сходством имен, приписывают сибирским народам большой возраст и происхождение от глубокой древности, производя название реки Тобола и главного города Сибири Тобольска от Тубал Канна и от тоболов, а имя Сибири от тибаренцов и яберов. Предоставим подобные предположения их создателям, не разделяя их мнение"¹. Сам ученый признавал только общее (родовое) сходство языков.

Однако лингвистические данные, по убеждению ученого, все же нуждаются в проверке и подкреплении историческими фактами. Как справедливо отметил В.Г. Мирзоев, язык как исторический источник получил в работах Миллера новое, качественное отличие от прежнего значения: "На место произвольных домыслов предшествующей историографии Миллер обосновывает научный метод использования лингвистических данных, основанный на принципе сличения, сопоставления и взаимной проверки данных"².

Руководствуясь строго научными принципами и используя богатейшие словарные материалы по всем без исключения сибирским языкам (в также данные по ряду языков зарубежного Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии), собранные в ходе экспедиции, Миллер сумел сделать ряд крупнейших открытий. Но многие его достижения так и остались не известными исследователям последующего времени, и им пришлось открывать заново то, что было хорошо известно Миллеру. Считается, например, что лишь в середине XIX в. М.А. Кастрен доказал, что так называемые "остяки" - это три разных народа (современные ханты, селькупы и кеты). Иногда, впрочем, признается, что подобный вывод был сделан И.Э. Фишером еще столетием ранее. Между тем уже в самом начале сибирского путешествия Миллер разделял осятков по языковому принципу на три совершенно самостоятельных народа, которые он называл по месту основного проживания осятками нарымского, сургутского и енисейского языков (соответственно селькупы, ханты и кеты). Впервые на строго научной основе Миллер установил родственные связи между целым рядом народов (общность происхождения тунгусов и маньчжуров; наличие тюркских и монгольских компонентов в языке якутов; родство бурят и монголов; наличие широкой языковой общности, включающей самоедов, чарымских и томских осятков, камашинцев и др.).

Важнейшим источником для решения проблем этногенеза Миллер считал исторические предания, которые он тщательно выявлял и использовал. Самое известное из них, благодаря публикации в "Истории Сибири", - предание якутов о южной прародине. Однако в экспедиционных записях

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 169.

² Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963. С. 131.

Миллера можно обнаружить немало других, не менее интересных преданий о происхождении народов, их миграциях.

Другой важный источник - это данные топонимики. Ни один исследователь Сибири XVIII - XX вв. не собрал такое количество топонимических материалов, как Миллер. Только в путевых описаниях лета 1740 г., когда ученый совершил путешествие по воде от Томска до Тобольска, он дает сведения о 1316 аборигенных гидронимах, а также сотнях аборигенных названий населенных пунктов.

В работах Миллера нет развернутого обоснования причин, по которым он уделял столь большое внимание сбору топонимических данных. Однако не вызывает сомнений, что он хорошо понимал значение этого источника для реконструкции этнической истории и этногенеза народов. Многие его концепции основаны именно на данных топонимики. Яркий тому пример - рассуждения в "Истории Сибири" о давних связях коми-зырян с народами Северо-Запада Сибири и их значительной роли на начальном этапе присоединения и освоения края. В путевых описаниях 1740 г. Миллер зафиксировал большое количество топонимов зырянского происхождения в районе Нижней Оби, на западных притоках Оби и Иртыша: именно эти данные легли в основу выводов историка. Расселение ряда народов в прошлом учёный реконструирует зачастую также на основе этих данных. Так, анализируя гидронимы бассейна р. Тым (правый приток Оби), он приходит к выводу, что в "давние времена" верховья этой реки заселяли, видимо, сибирские остики (хеты), поскольку в названиях речек здесь часто присутствуют кетские элементы¹.

Столь же скрупулезно Миллер фиксировал и этнонимы сибирских народов. В его описаниях народов неизменно присутствуют данные о том, как они называют себя сами, как их называют соседние народы и как, в свою очередь, эти соседние народы называются на их языке. Большое количество записанных учёным этнонимов вообще не известно науке, так как этнические группы, которым они принадлежали, исчезли уже в XVIII в. Немалый интерес представляют и данные о тех этнонаимах, которые, как считается, имели совершенно иной ареал распространения или более позднее происхождение. Так, в литературе можно встретить утверждение, что название "нганасаны" не является автоэтнонимом: "В отличие от этнонаима ненец названия народов энцы и нганасаны образованы искусственно: хотя соответствующие слова означают "человек", в качестве самоназваний они энцами и нганасанами не употреблялись"². Во время пребывания в Мангазее летом 1739 г. Миллер встретился с ненцами с р. Таз, которые находились в городе под арестом из-за убийства русского ласачного сборщика. Эти люди сообщили учёному множество данных о ненецких этнонаимах,

¹ См.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 199.

² Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 68.

в том числе и в отношении тавгов (нгансан). Согласно этим данным, та- зовские ненцы называли тавгов Tau, однако сами себя они называли Ngangasana¹.

Приведем в качестве примера и некоторые данные Миллера об этнических сургутских остиаков (хантов). Большинство современных ученых считает, что русское наименование "остиаки" - это заимствованный тюркский этноним иштек. Первоначальная гипотеза о происхождении этнонима остиак от самоназвания северных хантов ас-ях (обский народ) считается сейчас менее вероятной из-за звуковых трудностей и ограниченности ареала распространения данного этнонима. Впрочем, некоторые исследователи до сих пор считают эту гипотезу единственную правильной². Что касается этнонима ханты, то его возводят к ряду древних форм - конт, кантах и др., от которых выводится самоназвание хантз.

Миллером в полевом дневнике тюркский этноним иштек зафиксирован лишь один раз, судя по всему, во время пребывания в Томске весной 1740 г.: "Татары называют остиаков Ischtek. Остиаков на Кети - особым именем Tumai-vius"³. Что касается этнонима Ass-jach, то он отнесен путешественником не только у северных хантов, но и у всех "остиаков сургутского языка", живших на Оби; кроме того, так именовали их и ханты, жившие на притоках Оби, в том числе на р. Васюган в Нарымском уезде, - самые южные ханты Обского бассейна⁴. Более всего вариантов самоназвания хантэ. Относительно васюганских хантов учёный пишет: "Васюганские остиаки называют Обь Ass, самих себя Chante-chu (или -ku) или Chante-jach, или Chante-chass. Chante - имя собственное. Chu или ku, или chass обозначает у них человека; jach - во множественном числе люди. Нарымских остиаков на Оби и Кети они называют Nogish-jach, сургутских - Ass-jach"⁵. Несколько иные варианты самоназвания отмечены у хантов Сургутского и Березовского уездов: "Сургутские остиаки называют себя Chanti-jach. Название Ass-jach распространяется лишь на тех, кто живет на Оби"⁶; "Остяк в единственном числе Chante-choi, а именно, в языке остиаков, живущих в районе реки Иртыша"⁷.

Данные Миллера о хантыйских этнокимах не опровергают существующие гипотезы об их происхождении, но некоторые уточнения позволяют сделать. Выясняется, что этноним ас-ях был распространен не только среди северных хантов, но и до самых южных пределов расселения хантов

¹ РГАДА. ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 337 об.

² См.: Тучкова Н.А. О селькупах Парабельского района // Земля Парабельская. Томск, 1996. С. 76.

³ РГАДА. ф. 199, портф. 521, ч. 2, л. 54 об.

⁴ Там же, л. 61.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 62 об.

⁷ Там же, л. 66.

по Оби. Для современных исследователей, несомненно, важны и сведения о различных локальных вариантах этонима хантэ - в других источниках XVIII в. таких данных нет.

Миллер называет также большое количество этонимов, которые использовали ханты в отношении других народов: русские - Rutsch-jach, ненцы - Jergan-jach, татары - Chataq-jach, тунгусы - Powbak-jach, селькупы в верховых р. Вах - Kipich-jach (орловые люди) и т. д. В этом ряду особое место занимает этоним, который ханты сургутского уезда применяли в отношении селькупов Нарымского уезда: "Они также называют и нарымских остяков с добавлением Chanti-jach и говорят Norim-natsche-chanti-jach, то есть Нарымского города остики"¹. Данный этоним свидетельствует о том, что, несмотря на принадлежность селькупов к другой языковой семье, хантами они рассматривались как родственный народ.

Безусловно, наибольший интерес представляют материалы Миллера о тех народностях, которые были ассимилированы уже в XVIII в. В ряде случаев это единственные достоверные данные, по которым можно судить об их языке, особенностях социальной организации, материальной и духовной культуре. Широко известны такие материалы об аринцах, собранные Миллером у немногих оставшихся к тому времени представителей этого народа, среди которых лишь один человек знал свой родной язык². Многие же другие аналогичные сведения остаются не известными специалистам, и о том, какие возможности они открывают, можно судить по материалам о "пумпокольцах" Верхней Кети.

Аборигенное население верхнего течения Кети, крупного правого притока Оби, было объясчено русскими служилыми в первом десятилетии XVII в. Образованные здесь две ясачные волости в то время возглавляли известные в истории Сибири князья Урик Пимиков и Намак Коубычин, помогавшие русским в их продвижении на Енисей. На протяжении XVII в. волости Урику и Намака неоднократно меняли свои названия, пока за ними не закрепились названия Пумпокольская и Натская. В начале XVIII в. они были объединены в Натско-Пумпокольскую волость. До 1618 г. верхнекетские волости находились в ведении Кетского острога, затем их передали в управление Енисейского острога.

До прихода русских верховья Кети были одним из самых труднодоступных глухих уголков Западной Сибири (в XVII - начале XVIII в. здесь проходил путь с Оби на Енисей через Маковский волок). Относительная

¹ Там же, л. 62 об.

² В работе Б.О. Долгих "Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в." (М., 1960. С. 228) говорится о 10 стариках-аринцах, владевших родным языком во время сибирского путешествия Миллера. Б.О. Долгих ссылается при этом на текст "Описания Красноярского уезда..." Миллера. Мы уже отмечали, что в действительности в "Описании Красноярского уезда..." говорится о 10 плачущих ясака из числа аринцев (См.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 115 - 116).

изолированность района сочеталась с весьма сложной этнолингвистической ситуацией: соседние с Верхней Кетью территории заселяли селькупы, тунгусы, а также тюрко- и кетоязычные народности. Во всех документах XVII - XVIII вв. верхнекетскиеaborигены именуются остяками. В середине XIX в. М.А. Кастрен установил, что по всей Кети, в том числе и в ее верховьях, живут "остяко-самоеды", т.е. селькупы¹. Другими исследователями XIX - XX вв. были накоплены обширные материалы, подтверждавшие данный вывод. Однако вопрос об этнической принадлежностиaborигенов Верхней Кети в XVII - XVIII вв. до сих пор остается дискуссионным.

В большинстве научных трудов последних десятилетий, посвященных этнической истории и этнографии сибирских народов,aborигены верховьев Кети признаются либо кетами, либо одной из рода-племенных (диалектных) групп кетов, ассимилированных селькупами лишь во второй половине XVIII в.². По мнению Л. П. Потапова, в XVII в. верхнекетские волости населяли кетоязычные арины, идентичные аринам, жившим вдоль Енисея ниже Красноярска и окончательно ассимилированным тюрками к середине XVIII в.³. Доводы Л. П. Потапова, подтверждающие языковую общность и родственные связи верхнекетских остяков и аринов, разделяет и Е.А. Алексеенко⁴. Особую позицию занимает в данном вопросе Г.И. Пелих, которая считает, что в XVII в. русские встретили в районе Верхней Кети одну из этнических групп селькупов - кайбанкумов (кайвоздынцев). Согласно Г.И. Пелих, если кеты когда-то и жили здесь, то "в более отдаленное время, не поддающееся изучению с помощью этнографических материалов"⁵. Еще один вариант определения этнического состава населения Верхней Кети в XVII в. мы находим в монографии В.А. Туголукова: "Наличие заселков среди селькупов подтверждается существованием в XVII в. Пумпокольской вол. "остяков" р. Кеть. Название этой волости явно образовано от селькупского ломпэк - "тунгус"... Такое название указывает на то, что в представлении других селькупов пумпокольцы были "тунгусами", т. е. скорее всего смешанной селькупо-тунгусской группой"⁶.

Лингвисты, обращавшиеся к проблеме языковой принадлежностиaborигенов Верхней Кети (пумпокольцев), более единодушны - они относят

¹ Кастрен М.А. Путешествие ко Лапландии, Северной России и Сибири (1838 - 1844, 1845 - 1849 гг.) // Магазин землеведения и путешествий. М., 1890. Ч. II. С. 294.

² Долгин Б.О. Родовой и племенной состав... С. 188; Дульzon А.П. Словесные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1961. Т. ХД, вып. 2; Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

³ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 71 - 81.

⁴ Алексеенко Е.А. Кеты... С. 28.

⁵ Пелих Г.И. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. С. 71.

⁶ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвенки) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 239.

язык пумпокольцев к группе енисейских языков, включающей также языки кетов, ютов, котов, аринов и ассанов¹. Однако у них имеются серьезные разнотасия в вопросе о статусе пумпокольского языка и его месте среди енисейских языков. Так, одни из них (А.П. Дульzon, О.Г. Тайер) считают пумпокольский язык диалектом кетского, другие рассматривают пумпокольцев как особую народность и сближают их язык либо с арнинским (Г.К. Вернер), либо с кетским и кетско-югским (М.М. Костяков).

Источники по данной проблеме крайне скучны, и не случайно учёные, придерживающиеся разных точек зрения, обычно используют одни и те же материалы, по-разному интерпретируя их. Во-первых, это отписки начала XVII в., в которых отражена история проникновения русских через верховья Кети в бассейн Енисея. Наиболее важные из этих документов были обнаружены Г.Ф. Миллером в архивах Кетска и Енисейска и опубликованы в приложениях к его "Истории Сибири". Во-вторых, это материалы ясачных книг XVII - XVIII вв., по которым можно восстановить динамику изменения численности ясачных в Натской, Пумпокольской и соседних с ними землях, а также имена некоторых плательщиков ясака. Гораздо меньшее значение имеют другие документальные источники XVII - XVIII вв., используемые современными исследователями, преимущественно этнографами.

Для решения вопроса об этнической принадлежности верхнекетских аборигенов обычно обращаются к словарным материалам, а также суждениям известных учёных XVIII - начала XIX в. Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, П.С. Палласа и И. Клапрота. Однако тщательное изучение и сопоставление их материалов показывает, что бесспорно достоверными и оригинальными на данный момент можно признать лишь те из них, что принадлежат Миллеру. Для изучения языка пумпокольцев лингвисты располагают словарями, составленными Миллером, Палласом и Клапротом. В миллеровском "Лексиконе арнинском на 5 диалектах"² содержится чуть более 200 пумпокольских слов, в словарях Палласа и Клапрота их больше. Однако, как установил А.П. Дульзон, все пумпокольские слова в словаре Клапрота³ взяты из материалов Миллера и Палласа⁴. Относительно словаря Палласа⁵ А.П. Дульзон выявил, что помимо миллеровского "Лексикона..." по пум-

¹ Дульзон А.П. Словарные материалы...; Толоров В.Н. Из этикологии енисейских языков. (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому) // Этимология. 1965. Материалы и исследования по кедрово-европейским и другим языкам. М., 1967; Костяков М.М. Некоторые особенности пумпокольского и его место среди енисейских языков // Языки и топонимия. Томск, 1976; Вернер Г.К. Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979; и др.

² РГАДА, ф. 199, портф. 513, д. 12; СПБО АРАН, ф. 94, оп. 2, д. 7.

³ Кларкт I. Asia polyglotta. Paris, 1823.

⁴ Дульзон А.П. Словарные материалы... С. 157.

⁵ Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб., 1787 - 1789, ч. 1 - 2.

покольскому наречию автором использована "еще другая какая-то рукопись; из особенностей транскрипции слов, приведенных Палласом дополнительно, видно, что она была написана на латинском и немецком языках, с транскрипцией, применявшейся Миллером"¹. Позднее Г.К. Вернер пришел к выводу, что все дополнительные материалы, опубликованные Палласом, не имеют отношения к пумпокольскому языку и записаны от представителей "диалектной группы сымского (югского) языка"².

Считается, что первым (и единственным до середины XIX в.) ученым, правильно определившим особое место кетов среди "остяков" и их родство с другими кетоязычными народами Сибири, в том числе и с пумпокольцами, был И.Э. Фишер³. Это один из немногих примеров, когда за "бледной тенью Миллера", как нередко именуют Фишера, признаются серьезные научные заслуги. Однако здесь налицо явное недоразумение. Известно, что "История сибирская" Фишера является переработкой "Истории Сибири" Миллера. В своем труде Миллер не только четко разделяет остыков по языковому принципу на три совершенно самостоятельных народа (ханты, селькупы и кеты, по современной терминологии), но и определяет состав кетоязычных народов (ассаны, аринцы, котовцы, пумпокольские и инбапкие остыки)⁴. Отметим также, что Фишер пользовался словарями Миллера, а в упомянутом выше "Лексиконе аринском на 5 диалектах" представлены словарные материалы как раз этих кетоязычных народов; на их родство указывает само название. Здесь, судя по всему, мы сталкиваемся с одним из проявлений распространенного представления о Миллере, как о добросовестном и очень усердном собирателе источников, не способном, однако, обобщить и творчески осмыслить собственные материалы.

Таким образом, для решения вопроса об этнической принадлежности пумпокольцев и выяснения особенностей их языка материалы Миллера имеют ключевое, определяющее значение. Доверие ученых к данным Миллера столь велико, что достоверность этих материалов ни у кого не вызывала сомнения. Однако такие сомнения могли появиться и основание для этого имелось. Дело в том, что до сих пор никто не обращал внимания на тот факт, что сам Миллер не только не посещал Натеко-Пумпокольскую волость, но и вообще не был на Кети. Соответственно встает вопрос о том, когда и от кого были получены им материалы о пумпокольцах. Экспедиционные рукописи ученого, остававшиеся до сих пор вне поля зрения

¹ Дульzon А.П. Словарные материалы... С. 156.

² Вернер Г.К. Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия. С. 3 - 6, 9 - 13.

³ См.: Вдовина И.С. История изучения палеозматских языков. М.; Л., 1954. С. 43, 82; Алексеенко Е.А. Кеты... С. 10; Вернер Г.К. Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия. С. 3; и др.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 188; М.; Л., 1941. Т. 2. С. 47.

специалистов, могут не только прояснить этот вопрос, но и дать совершенно новые, уникальные данные по этнографии и языку пумпокольцев.

Прежде всего необходимо отметить, что интерес Миллера к пумпокольцам не случаен - он определился вниманием ученого ко всем малочисленным исчезающим народам. Об особом интересе Миллера к этнической истории аборигенов Верхней Кети свидетельствует, в частности, тот факт, что относящиеся к этой проблеме архивные документы представлены не только в его копийных книгах, но еще и в особых списках, оставшихся у историка после отсылки книг из Москвы в Петербург¹.

Первые сведения о Натско-Пумпокольской волости Миллер собрал во время пребывания в Енисейске с 6 декабря 1734 по 13 января 1735 г. Методом анкетирования ему удалось узнать лиць количество ясачных в волости (18 чел.) и размер окладного ясака с них (39 соболей)². В ответах Енисейской канцелярии нет сведений даже о местоположении волости, хотя они особо требовались в анкете. Судя по всему, основные данные были получены ученым от ясачных сборщиков, толмачей и коренных жителей, присыпки которых он требовал от провинциальной канцелярии. В ведомости канцелярии, полученной Миллером 3 января 1735 г., сообщалось, в частности, что к нему для расспросов посланы ясачные сборщики Натско-Пумпокольской и соседней с ней Сымско-Касовской волостей Яков и Афанасий Кувакины, остик Сымско-Касовской волости Василий Леден и др.³. Ясачных Натско-Пумпокольской волости в этом перечне нет.

Результаты бесед Миллера с информаторами нашли отражение в его дневнике и в "Описании Енисейского уезда...", составленном в 1735 г. В полевом дневнике ученый сообщает, что Натско-Пумпокольская волость расположена по обе стороны р. Кети от Орликова городища на границе с Нарымским уездом до устья впадающей в Кеть с юга р. Еловки. Численный состав волости здесь указан несколько иной по сравнению с ведомостью провинциальной канцелярии. По данным Миллера, в волости насчитывалось 17 плательщиков ясака, но еще три человека из этих же остиakov жили на месте впадения р. Пит в Енисей. Помимо остиakov к волости были причислены по их желанию четыре чулымских татарина, живших на Енисее рядом с городом, и один монгол, бежавший из калмыцкого плена. По образу жизни натско-пумпокольские остиаки, согласно Миллеру, не отличались от остальных остиakov, но имели "свой совершенно особый язык"⁴. Здесь же ученый сообщает, что верхнекетские остиаки летом жили в хижинах из бересты, а зимой - в деревянных, засыпанных по периметру землей.

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 477, ч. 2, л. 7, л. 1 - 31 об.

² Там же, портф. 481, ч. 5, л. 9 об.

³ Там же, л. 19 об.

⁴ Там же, портф. 521, ч. 1, л. 149.

В "Описании Енисейского уезда..." историк более определенно пишет об языковой принадлежности остяков Натско-Пумпокольской волости: "Об остиках следует заметить, что они в Енисейском уезде имеются двоякого рода, которые отличаются по языку как друг от друга, так и от остальных остяков Томского, Нарымского, Сургутского, Березовского и Тобольского уездов. Один род живет на реке Кеть в районе Лосиноборского монастыря, другой - на реке Енисее, по соседству с Мангазейским уездом. Последние составляют с теми мангазейскими остиками, некоторое число которых несколько лет назад было передано Енисейскому уезду, один народ"¹. Здесь следует напомнить, что Миллер по языковому принципу выделял остяков Томского и Нарымского уездов в особый народ (остяки нарымского языка), остики Сургутского, Березовского и Тобольского уездов соответственно именовались остиками сургутского языка и третий род остяков (остяки енисейского языка) составляли сымско-касовская и инбацийская группы кетов. Таким образом, коренное население Натско-Пумпокольской волости Миллер отнес к четвертому роду остяков, впоследствии он именовал их пумпокольцами.

В "Описании Енисейского уезда..." Миллер затронул также проблему вымирания малочисленных народов, в том числе и пумпокольцев: "Кто поверит, что народ, имеющий собственный язык, - кетские остики - бывший, по их сообщениям, раньше очень многочисленным, сократился до 18 человек взрослых мужчин"². По предположению ученого, основной причиной вымирания являлись "свиредействующие" болезни, в особенности оспа, от которых они не знали "ни средств, ни возможности придерживаться во время болезни необходимой диеты"³. Архивные источники подтверждают как резкое сокращение численности ясачных Верхней Кеты в XVII в., так и предположение Миллера относительно причин этого явления. Только осенью 1630 г. в Кадской (Натской) и Пумпокольской волостях от оспы умерло 29 плательщиков ясака и 124 "жен и детей". В живых после этой эпидемии осталось лишь 28 или 29 плательщиков⁴.

Вторично Миллер находился в Енисейске с 25 августа 1738 г. по 27 мая 1739 г. Вскоре после прибытия в город, 7 сентября 1738 г., он обратился в провинциальную канцелярию с промеморией, в которой говорится: "Понеже я известился, что на Кете реке имеется особливой род остяков Натской и Пумпокольской волости, которые в языке от всех прочих остяков отличны, того ради требуется, чтоб соблаговолено было послать во иную волость нарочных посыльщиков и велеть им привезть из тех остиков двух человек лучших людей, которые бывали за звериным промыслом в дальних

¹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 43.

² Там же. С. 44. В публикации опечатка: там - "коттские остики".

³ Там же. С. 45.

⁴ См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 187 - 188.

местах и таких людей предъявить мне для роспросу"¹. Требование ученого было выполнено, однако имеющиеся в напечатанном распоряжении материалы не позволяют судить о том, насколько плодотворным было общение Миллера с прислаными информаторами. Во всяком случае в полевом дневнике среди записей этого времени показания кетских остяков не отражены. Вполне вероятно, что эти люди не смогли сообщить историку ничего существенного. О них Миллер упоминает в промемории в провинциальную канцелярию от 15 января 1738 г., в которой требует присыпки сымских и касовских остяков и питских тунгусов, предупреждая посыльщиков: "Токмо чтоб тем не корыстовались и за своими прихотми не привезли бы вместо знающих самых худых людей, так, как в прошлом декабре месяце зделал Нацкой и Пумпокольской волости ясачной зборщик Никифор Черменин, которой предъявил остяков той же волости двух человек, от которых никаких потребных известиев получить невозможно было, для того, что своих остатких поведенцев не знают и живут в ближних русских деревнях около Маковского острогу и женаты на русских, и на промыслы дальние не ходят, и вниз по Кете далеко не бывали, и тамошних мест не знают"².

Во время вторичного пребывания в Енисейске Миллер интенсивно занимался архивными разысканиями, делая краткие выписки из документов в своем дневнике. Среди этих выписок немало касающихся верхнекетских аборигенов: данные о численности ясачных в разные годы, сведения о князце Урнуке и Урнуковом (Орликовом) городище и др.³.

С 27 мая по 26 июля 1739 г. Миллер совершил путешествие от Енисея до Турханска и обратно. В описании этого пути есть сведения, имеющие отношение к верхнекетским остаткам. Выше отмечалось, что, согласно записям в полевом дневнике Миллера за 1735 г., трое из остатков-пумпокольцев жили возле места впадения р. Пит в Енисей. Путевое описание 1739 г. позволяет уточнить это сообщение: здесь поблизости от устья Пита отмечены два остаточных двора, в которых, видимо, и жили эти ясачные. Один двор находился в русской деревне Усть-Пинской (Дружининой), другой - в русской же деревне Савиной, расположенной в 21 версте ниже устья р. Пит⁴.

Другие материалы путевого описания 1739 г. касаются путей миграций кетских остатков и их связей с соседними народами. При характеристике рч. Овериной, левого притока Енисея, Миллер сообщает, что ее исток находится недалеко от истока рч. Сочур, впадающей в Кеть. По словам информаторов путешественника, Сочур и Оверина - часто используемый кетскими остатками и питскими тунгусами путь между

¹ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 25, л. 291 об.

² Там же, л. 313 об. - 314.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 271, 278, 282 - 284 об., 292 об.

⁴ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 102, 103.

кетью и Енисеем¹. Несомненно, именно этим путем пришли на Енисей и остики, жившие в деревнях Усть-Пицкая и Савина, - от устья Овериной до д. Усть-Пицкой Миллер насчитал всего 8,5 верст. Описание р. Кас Миллер предваряет сообщением, что среди его информаторов были остики Касовской волости, которые "в языке отличны от остиков на Кети и Оби"². По их данным, через притоки Кети на Кас и Енисей иногда приходит кетские остики, сами же они на Кеть не ходят. Сымские остики, "имеющие один язык с предыдущими на Касе, но причисляющие себя к другому роду", также говорили Миллеру об остиках, иногда приходящих к ним на р. Сым, но речь здесь идет уже не о кетских, а "нарымских" остиках (селькупах) с р. Тым³.

Есть все основания предполагать, что в 1739 г. Миллер общался с еще какими-то пумпокольцами. В полевом дневнике среди сведений, полученных от коренных жителей Енисейского и Мангазейского уездов в этом году, имеется краткая заметка под заголовком "Пумпокольские остики с реки Кети говорят". Нам не удалось установить, когда и где (в Енисейске или во время путешествия по Енисею) Миллер встречался с этими людьми. Он обычно сразу заносил в дневник полученные сведения, поэтому маловероятно, что речь здесь идет об упомянутых выше "худых" пумпокольцах, доставленных Никифором Чемениным в декабре 1738 г. Помимо географических сведений, в заметке есть запись: "Они состоят из 17 человек, образующих собственный народ и имеющих собственный язык. Они называют себя Geben-kit. Kit означает человек. Тунгусов они называют Tongos, русских - Kadschak, реку Енисей - Chodschkat, реку Кеть - почитательным именем Tom, татар - Chumuket или Chumudin. Все они малы ростом, не имеют бород или имеют маленькие, крепки членами, не ходят далеко на промыслы, не имеют оленей, живут охотой и рыбной ловлей"⁴. Вердикто, именно от этих информаторов Миллер записал слова пумпокольского языка, вошедшие в "Лексикон арийской на 5 диалектах". Однако указанные этнонимы и топонимы в "Лексикон..." не вошли и до сих пор не известны специалистам.

Примечательно, что, согласно дневниковым записям Миллера, у касовских и сымских остиков этнонимы и топонимы были совершенно другими: самоназвание - Kbonjeng, тунгусы - Füngbar, Енисей - Hük или Gük, русский - Sirja и т.д. Исключение составляет лишь название р. Кеть, схожее с пумпокольским (Tüm). Пумпокольцев касовские и сымские остики называли Tüm-jeng, что означало "люди, живущие на Кети". Важно также отметить, что для сымских и касовских остиков пумпокольцы были представителями другого народа, тогда как остиков Мангазейского уезда, при всех

¹ Там же. С. 102.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 107.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 313.

отличиях последних, в том числе и в языке, они считали принадлежащими к одному с ними народу¹.

Последние по времени сведения о верхнекетских остяках были собраны Миллером во время пребывания в г. Нарыме с 1 по 12 июня 1740 г. По требованию ученого ко времени его прибытия в Нарым доставили не только архив Кетского острога, но и остяков с р. Кеть, среди которых, конечно же, не было пумпокольцев, относящихся к Енисейску. В полевом дневнике среди данных, полученных от селькупов с Кети, к пумпокольцам имеет отношение лишь один небольшой фрагмент: "Кетские остяки называют пумпокольских и натских остяков на р. Кети Tami-gwa, то есть верховые люди, не имея для них более никакого названия. Когда пумпокольские остяки говорят с кетскими на языке последних, то, напротив, называют кетских остяков Tangi-gula, то есть низовые люди"². Из процитированного следует, что контакты между кетскими селькупами и пумпокольцами были весьма интенсивными и по крайней мере часть пумпокольцев владела селькупским языком, что может свидетельствовать о начале процесса ассимиляции.

На основе показаний кетских селькупов и русских, путешествовавших по Кети, Миллер составил "Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям"³. В этой работе он определял границы расселения ясачных Натско-Пумпокольской волости следующим образом.

Формально Нарымский и Енисейский уезды и, соответственно, Ленина (Лелькина) и Натско-Пумпокольская волости разделялись на Кети по устью речки, называемой по-селькупски Chasse-ki (современное название Кассайга). В 15 верстах выше, на юном высоком обрывистом берегу Кети, носящем селькупское название Ruyotgi-matsche (в переводе на русский Барбанный яр), находилось Орликово городище - остатки острожка пумпокольского князца Урнука. По архивным данным Миллер установил последовательность превращения названия Урнукова в Орликово (Урнуково - Урлюково - Урликово - Орликово)⁴. Селькупское название данного места позволяет предположить, что раньше здесь находилось языческое святилище. Ни на месте городища, ни в его окрестностях пумпокольцы уже не жили. Первые их жилища начинались немного выше Колокольной мели, находящейся в 40 верстах выше городища, и далее вверх ясачные Натско-Пумпокольской волости заселяли Кеть до рч. Ершовки, или, по данным Миллера, на 195 verst, считая по течению реки. Маковский острог находился в 67 верстах выше устья Ершовки.

¹ Там же, л. 321.

² Там же, портф. 521, ч. 2, л. 60 об.

³ Там же, портф. 507, ч. 2, л. 292. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 40.

⁴ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 187 - 191.

Есть все основания предполагать, что во времена путешествия Миллера вся Натско-Пумпокольская волость занимала лишь часть территории Пумпокольской волости начала XVII в. Известно, что Маковский острог, построенный в 1618 г., одно время именовался Намацким. Миллер пишет в связи с этим: «Очевидно, что острог был назван по имени жившего там прежде князца Намака, первый слог имени которого был отброшен, от чего со временем произошло название "Маковский"»¹. Скорее всего, два обруseвших остатка из русских деревень возле Маковского острога, с которыми Миллер встречался в 1738 г., были потомками ясачных Натской волости XVII в.

Натские остатки в начале XVII в. жили, вероятно, как выше, так и ниже Маковского острога, поскольку некоторые данные позволяют предположить, что Натская и Пумпокольская волости разделялись в то время недалеко от Маковского острога. В "Описании реки Кети..." Миллер указывает южный приток Кети - рч. Мендел, находящуюся в 35 верстах ниже Маковского острога. Согласно сведениям Б.О. Долгих, в 1629 г. в Пумпокольской волости жили остатки Кагат Сочуров и Миндел Колюпов, имена которых ученый связывает с названиями речек Мендель и Сочур². Сочур указывается и в "Описании реки Кети..." как северный приток Кети, находящийся в 85 верстах выше Колокольной мели. Вниз по течению Пумпокольская волость простиралась, видимо, несколько дальше Урнюкова городища.

В "Известиях о якутах..." данные по пумпокольцам представлены лишь переводом отдельных слов. Гораздо более представительны и важны материалы о пумпокольцах, вошедшие в "Описание сибирских народов", характерной особенностью которых является то, что Миллер сопоставляет их обычно с аналогичными данными по кетам. Почти все пумпокольские материалы "Описания..." отсутствуют в известных нам других экспедиционных рукописях Миллера, в том числе и в "Лексиконе арийском...". Поэтому можно предположить, что до нас дошли не все черновики ученого. Аналогичная ситуация наблюдается, кстати, и в отношении некоторых других народов, сведения о которых имеются в "Описании..." .

Те немногие сведения о пумпокольцах, которые имеются и в рассмотренных выше рукописях, и в "Описании сибирских народов", в последнем все же более полны. Так, в главе "Политическое устройство народов" уточняется самоназвание пумпокольцев, указанное в полевом дневнике: "Остяки не имеют имени для рода. Если они хотят сказать пумпокольский род на реке Кеть, то говорят Geben-gin. Здесь первое слово есть собственное имя их маленького народа, а gin - множественное число от kit и обозначает людей. О происхождении имени пумпокольский они ничего не знают и говорят, что оно у них не употребительно"³.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 43.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С.189.

³ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 21.

Собственно этнографические материалы о пумпокольцах в "Описании..." довольно кратки. Миллер, как правило, подробно характеризует элементы культуры, присущие "остякам" в целом, выделяя затем локальные особенности и терминологию у отдельных народов. Хотя культурно-хозяйственные типы пумпокольцев и кетов были по сути одинаковыми, Миллер неизменно отмечает различия в деталях. Говоря о рыбной ловле, он указывает на отличия в составе орудий лова; описывая одежду, находит разным покрой штанов у кетов и пумпокольцев и т.д. Календарь пумпокольцев также сильно отличался от кетского (как и от селькупского), а его привязанность к природным условиям именно Верхней Кети - одно из важных свидетельств длительного проживания пумпокольцев на данной территории. Если же говорить о лексическом материале, вошедшем в "Описание...", то его значение трудно переоценить.

Для определения статуса пумпокольского языка, его места в системе енисейских языков экспедиционные материалы Миллера могут иметь решающее значение. В них, в частности, даются переводы около 60 пумпокольских слов, причем лишь несколько из них было известно специалистам ранее по "Лексиону аринскому..." Таким образом, пумпокольский словарь увеличивается по меньшей мере на четверть. Почти все обнаруженные слова характеризуют важнейшие понятия и явления, относящиеся к осмыслению мира (календарь, созвездия, стороны света), хозяйственной деятельности (транспортные средства, орудия труда, охотничьи и рыболовные снасти, разновидности стрел и др.), природе, религиозной сфере, одежде, домашней утвари и т. д. В отличие от "Лексикона аринского...", где даются переводы лишь отдельных слов, в экспедиционных материалах Миллер нередко приводит образцы словоизложения, а также примеры словосочетаний и небольших по объему выражений. Примером может служить следующий фрагмент "Описания сибирских народов": "Остяки на реке Кети называют Большую Медведицу Kakewa. Это слово - производное от Kakew, которое обозначает звезду вообще. Плеяды называются у них Butin-grindo. Butin - производное от But, обозначающее зайца, grindo обозначает кучу". Все это, несомненно, имеет важнейшее значение для восстановления структуры пумпокольского языка.

Ранее учёные на лексическом материале, содержащемся в миллеровском "Лексиконе аринском...", уже доказывали, что пумпокольцы были не диалектной группой кетов, аринцев, селькупов или какого-либо другого народа, а народностью со своим "самостоятельным енисейским языком"¹. Все вновь обнаруженные материалы подтверждают этот вывод. Помимо новых лингвистических материалов об этом свидетельствует, в частности, самоидентификация пумпокольцев, их осознание себя совершенно особым

¹ Там же, л. 28.

² Вернер Г.К. Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия. С. 40.

народом, отличным от соседей. Точно так же воспринимали жителей Верхней Кети окружающие их коренные народы. Не сомневался в этом и Миллер, мнение которого заслуживает особого внимания, так как его принципы деления различных этнических образований на самостоятельные народы и диалектные группы практически во всех других случаях подтверждены последующими исследованиями, в том числе и современными. Например, довольно серьезные различия в языке были выявлены им у территориальных групп селькупов (на Оби, Кети, Тыме) и хантов (на Средней и Нижней Оби, Иртыше, крупных притоках этих рек), но во всех случаях он квалифицирует эти различия лишь как диалекты в пределах двух народов. Впоследствии эти выводы были подтверждены учеными XIX - XX вв.

Некоторые материалы Миллера дают основание предполагать, что пумпокольский язык занимал в ряду енисейских языков в известной мере особое положение. В "Описании сибирских народов" ученый пишет: "Остяки на реке Кеть говорят, что, по свидетельству и мнению всех соседних народов, их остяцкий язык труднее всех остальных. Напротив, тунгусский считается очень легким"¹. Пумпокольцы, жившие в верховых притоках Оби относительно изолированно от других кетоязычных народов бассейна Енисея, могли сохранить в своем языке больше элементов древнего праениссейского языка. Кстати, реконструкции последнего сейчас уделяется много внимания. В.Н. Топоров, рассматривая некоторые енисейские лексические параллели, сделал, например, вывод о возможности реконструировать общеениссейский звук, который изменился, вероятно, во всех известных енисейских наречиях, исключая язык пумпокольцев, где он сохранился в виде ². Кстати, новые пумпокольские слова позволяют расширить круг рассмотренных В.Н. Топоровым примеров: шаман у сымско-касовских остяков - *Seäning*, у пумпокольцев - *T'heving*; бубен - соответственно *Fäs* и *P'bét*; рогатина - *Üs* и *Hüt* и т.д.

Наше утверждение об относительной изолированности пумпокольцев находится в явном противоречии с мнением ряда ученых, придерживающихся иной точки зрения. Ввиду этого попытаемся обосновать нашу позицию.

Г.К. Вернер, указывая, что верховья Кети были местом стыка нескольких лингво-этнических ареалов, предполагает, что население Пумпокольской волости могло состоять "как из собственно пумпокольцев, то есть особой енисейской народности, так и частично из кетов (югов), вринов, ассанов и представителей других народностей, причем среди всех могли встречаться билингвы и даже полиглоты"³. Именно этим, согласно Г.К. Вернеру, можно объяснить факт включения в пумпокольский словарь Палласа слов из язы-

¹ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 16.

² Топоров В.Н. Из этимологии сибирских языков... С. 312.

³ Вернер Г.К. Пумпокольско-сибирские языковые соотношения. С. 4.

ка сымских кетов, поскольку, видимо, "исследователи XVIII в. не вдавались особо в тонкости этнической характеристики аборигенного населения верловья Кети" и могли принять за пумпокольцев представителей других енисейских народностей, проживавших в Пумпокольской волости¹.

Думается, что для таких предположений оснований недостаточно. Можно с большой долей уверенности полагать, что население Натской и Пумпокольской волостей в момент их образования было моноэтничным, так как полизначные волости в то время были явлением чрезвычайно редким. Включение коренных народов Сибири в состав России создало условия для их миграций, ассимиляции одних народов другими, однако нет никаких свидетельств того, что в XVII - начале XVIII в. среди пумпокольцев селились представители других енисейских народов. На протяжении всего этого времени население Натской и Пумпокольской волостей неуклонно сокращалось и к 1730-м гг. XVIII в. составляло приблизительно около 100 чел. Сокращение численности объясняется как эпидемиями, так и миграциями пумпокольцев в бассейн Енисея. Об этих миграциях свидетельствуют указанные выше показания касовских и сымских кетов, подчеркивавших, что из них самих на Кеть никто не ходит. В связи с этим можно предположить, что кетские слова в пумпокольском словаре Палласа записаны от пумпокольцев, переселившихся к кетам и уже основательно ассимилированных ими (при осознании себя по-прежнему пумпокольцами). Однако смешение кетских и пумпокольских слов можно объяснить и гораздо проще - элементарной ошибкой ученого, использовавшего чужие материалы.

Как уже отмечалось, по мнению Л.П. Потапова, верхи кетских остатков и аринов севера Красноярского уезда объединяла не только языковая общность, но и родственные связи. Говоря о волостях Уринука и Намака, он пишет: "Что это были арины, видно из того, что князец Намак был братом известного аринского князца Абытая (или Атабак), возглавлявшего Абытая улус Аринской землицы"². Различные варианты имени князца Абытая Л.П. Потапов объясняет перебоем слогов. Действительно, примеры такого рода нередки в документах того времени, однако в данном случае, как нам кажется, можно говорить лишь о том, что у пумпокольцев и аринов встречались похожие имена. Из документов копийных книг Миллера выясняется следующее. У Намака действительно был брат Атабай, который в 1613 г. собрал ясак с аринской Тюлькиной землицы и вернулся обратно в свою Кадыкскую волость, возглавлявшуюся Намаком³. В ясачной книге 1622/23 г. он назван "ясащим человеком" этой же волости (князем которой был уже Епса Корбыцын) Атабаком Корбыцыным, а далее в

¹ Там же. С. 4 - 5.

² Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. С. 74.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 227.

том же документе упомянут князец Тюлькиной землицы Абытай¹. Таким образом, брат Намака Атабай (Атабак) и аринской князец Абытай - это разные люди. Следует также иметь в виду, что красноярские арины и пумпокольцы жили в достаточно большом удалении друг от друга, а их образ жизни и способы хозяйствования сильно отличались друг от друга (основным занятием аринцев было скотоводство, а также примитивное земледелие).

Спустя столетие после сибирской экспедиции Миллера в верховьях Кети ученые обнаружили лишь селькупов. Исчезновение пумпокольцев как особого народа связано, по нашему мнению, с рядом факторов. В XVII в. основной причиной сокращения численности пумпокольцев, видимо, были опустошительные эпидемии. В XVIII в. на первый план выходят ассимиляционные процессы, в которых оказались задействованы не только селькупы, но и русские, а также сымско-касовские кеты.

Оценивая роль, которую сыграло присоединение сибирских народов к России, Миллер в числе прочего указывает и на демографические процессы. Он констатирует, что в условиях относительной политической стабильности и уменьшения числа межэтнических конфликтов в XVII - первой половине XVIII в. в Сибири усилились миграционные и ассимиляционные процессы, благодаря чему отдельные народы сумели значительно увеличить свою численность и ареал расселения. Особенно представительны такие материалы в полевом дневнике ученого. Здесь он, в частности, пишет об увеличении численности якутских родов, расселении якутов на новые территории (с указанием дат прибытия якутских первопоселенцев на конкретные территории), чему, как он считает, способствовало использование ими собачьих упряжек, что они переняли от русских промышленных людей. Интересен тот факт, что переселение якутов на новые территории (1705 г. - на Хатангу, 1710 г. - в бассейн Енисея на Нижнюю Тунгуску и т.д.) ученый рассматривает как важнейшие события новейшей истории Сибири и отмечает их в "Хронологическом реестре" истории Сибири наряду с другими крупными событиями².

Основной причиной переселения большого числа якутов на новые территории Миллер называет поиск удобных для скотоводства и промыслов мест. Однако в ряде случаев это было вызвано, по его мнению, более жесткой ясачной политикой в Якутском уезде по сравнению с соседними. То же он отмечает и в отношении долганов: "Долганы говорят, что бежали из Якутского уезда от очень тяжелого ясака. Мангазейский легок"³. Межэтнические конфликты, которые сопровождали такие переселения, нередко приводили к полному уничтожению переселенцев или заставляли их вернуться обратно. Так, первые якуты, прибывшие на Нижнюю Тунгуску, были,

¹ Там же. С. 291 - 292.

² РГАДА, ф. 199, портф. 505, ч. 1, л. 2.

³ Там же, портф. 507, ч. 2, л. 309.

согласно Миллеру, частично уничтожены местными тунгусами, частично же обращены в рабство. Примечательно, что союзниками тунгусов в борьбе с якутскими переселенцами выступали русские казаки¹.

Меньше всего сведений собрал Миллер о чукчах, несмотря на большой интерес ученого к этому народу и его стремление получить всю возможную информацию о нем. Однако, несмотря на небольшой объем и отрывочность, данные Миллера представляют для современных ученых большой интерес, ибо достоверные источники по истории чукчей XVII - XVIII вв. крайне скучны. Документы XVII в., которыми располагают современные исследователи, дают сведения главным образом о западной (колымо-алазейской) группе чукчей, а материалы XVIII в. - почти исключительно о чукчах, живших гораздо восточнее. Эти документы не позволяют достаточно полно решить многие кардинальные вопросы, в том числе о численности, расселении и миграции чукчей. Так, даже в первой половине XIX в. численность всех чукчей определялась весьма приблизительно - в 10 - 20 тыс. чел.².

Многие материалы из фондов Миллера в РГАДА и СПБО АРАН уже давно стали одним из основных источников по истории чукчей XVII - XVIII вв. Для XVII в. это преимущественно копии документов, снятые в Якутском архиве во время экспедиций (часть из них опубликована)³. Материалы, присланные Т.И. Шмалевым в ответ на вопросы Миллера, служат источником по истории чукчей в XVIII в.⁴. По оценке И.С. Вдовина, "описания", "примечания" и письма Т.И. Шмалева среди архивных источников стоят на первом месте по полноте и достоверности сообщаемых фактов⁵. Однако среди экспедиционных рукописей Миллера хранится еще немало заметок ученого, позволяющих пролить свет на некоторые нерешенные до сих пор проблемы истории чукчей. Наибольший интерес среди них представляют, на наш взгляд, сведения о колымо-алазейских чукчах.

С этой группой чукчей связано немало загадок. От ближайших селений приморских чукчей они были отделены расстоянием в 500 верст, и до сих пор точно не установлено, когда произошло отделение западных чукчей и с чем это связано. Еще более загадочно исчезновение этой локальной группы в конце XVII или в начале XVIII в. В.Г. Богораз даже считал, что между Колымой и Алазеей жили не чукчи, а юкагиры-чуванцы⁶, но в насто-

¹ Там же, л. 91 об.

² Народы Дальнего Востока СССР в XVIII - XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 58.

³ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 30 - 34; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841 - 1843. Т. 3 - 5; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846 - 1875. Т. 3 - 6, 8, 11.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 528, ч. 1, 2; портф. 539, ч. 1.

⁵ История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки. Л., 1987. С. 14.

⁶ Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. I. С. 6 - 7.

ящее время принадлежность обитателей Большой тундры между Колымой и Адазеей к чукчам не вызывает у специалистов сомнений.

Первые известия о западных чукчах относятся к 40-м гг. XVII в. Несмотря на все усилия служилых, колымо-алазейские чуки так и не стали ясачными (исключая отдельные факты, которые не влияли на ситуацию в целом). Более того, они неоднократно совершали набеги на Нижнеколымское зимовье и жестоко расправились с теми юкагирами, которые соглашались платить ясак и служить проводниками для русских казаков. Основываясь на единственно дошедшей до нас оценке середины XVII в., Б.О. Долгих определил численность колымо-алазейских чукчей в 400 чел. В то же время сам Б.О. Долгих считает данные середины XVII в. несколько преувеличенными, поскольку, по его мнению, "вряд ли в то время здесь могло быть более 40 - 50 чукотских семейств, т.е. всего 150 - 200 чел. населения".

Как указывает И.С. Гурвич, последние достоверные сведения о западных чукчах относятся к 1678, 1684 и 1685 гг.: "В дальнейшем упоминания о колымо-алазейских чукчах исчезают из документов. Причины этого явления не вполне ясны"¹. И.С. Гурвич отмечает, что действия относительно слабого гарнизона Нижнеколымского зимовья не могли привести к исчезновению западных чукчей: "Есть больше оснований полагать, что западные чуки ушли из Большой тундры, опасаясь эпидемии оспы, свирепствовавшей здесь в начале 90-х годов XVII в., или вымерли от нее"². Более осторожен в выводах И.С. Вдовин. Он пишет о "значительном сокращении" местных чукчей "ближе к XVIII столетию"³. "Эпидемии оспы в конце XVII в.... опустошили чукотские стойбища. Во второй половине XVIII в. приколымских чукчей почти не осталось. Вполне допустимо, что они ушли из района нижнего течения Колымы на восток"⁴. Следует, правда, отметить, что документальных данных, подтверждающих существование колымо-алазейской группы чукчей в XVIII в., в указанных работах И.С. Вдовин не приводит. В работе 1944 г. им были приведены два отрывочных сообщения о чукчах в рассматриваемом районе, однако И.С. Гурвич выразил сомнение в том, что они касаются именно колымо-алазейских чукчей⁵.

В полевом дневнике Миллера нами обнаружены три заметки, касающиеся миграций колымо-алазейских чукчей в первой четверти XVIII в. Первая из них была составлена в 1737 г. во время пребывания историка в Якутске, видимо, со слов сотника Якова Мохнатчевского и служилого Прохора Анпекова. На этих информаторов указывает ученый в начале за-

¹ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 409.

² Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 49.

³ Там же.

⁴ Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 105.

⁵ История и культура чукчей... С. 121 - 122.

⁶ Гурвич И.С. Этническая история... С. 49 - 50.

писанного им рассказа о возможностях морского хода вдоль побережья Ледовитого океана¹. Мокнечевский и Анчиков, перечисляя трудности таких плаваний, сообщают, что в лучшем случае морским путем можно дойти лишь до р. Колымы. Далее в дневнике идут сведения о реках Колыме и Омолон и 46 их притоках, о расселении русских и коренных жителей в бассейнах этих рек. Судя по всему, это продолжение рассказа указанных выше информаторов.

Среди других материалов здесь имеются и данные о "тундровых" чукчах на р. Чукочьей (реки Большая и Малая Чукочы находятся между Колымой и Алазеей), названных так для отличия от живущих восточнее "каменных" чукчей². Миллер пишет, что "тундровые" чукчи были независимыми, т.е. необъясченными. Ситуация изменилась в 1724 г., когда против них подготовили поход служилые во главе с Федотом Амосовым. Из заметки трудно понять, что конкретно произошло и добился ли Амосов ясачного платежа; сообщается лишь, что чукчи "испугались". За этим последовало обострение отношений между "тундровыми" и "каменными" чукчами. Последние напали на "тундровых" чукчей и преследовали их до р. Индигирки. Оттуда "тундровые" чукчи бежали еще далее на запад, до р. Лены, пересекли ее и достигли р. Оленек. Здесь они были полностью уничтожены местными тунгусами.

Следующий рассказ Миллер записал со слов сына боярского Прокопия Ефимова, который в 1734 - 1735 гг. был приказчиком на Колыме и Алазее. Ефимов дал очень подробные сведения о Верхнеколымском, Среднеколымском, Нижнеколымском и Алазейском зимовых, их постройках, жителях, местах расселения русских, якутов, коряков, ламутов, юкагиров³. Он отмечает, что раньше в тундре между Колымой и Алазеей жили и чукчи, которые очень "докучали" russким на Колыме, в особенности в Нижнеколымском зимовье. В свою очередь, эти чукчи подвергались частным нападениям со стороны анадырских и "закаменных" чукчей. В конце концов в 1716 г. колымо-алазейские чукчи были доведены нападениями до такого состояния, что были вынуждены бежать вдоль морского побережья на запад, чтобы найти себе другое местожительство. На этом пути беглецы пересекли устье р. Лены и двинулись дальше. Поход закончился лишь в районе р. Анабары: здесь чукчи были перебиты "тамошними дикими тунгусами или самоедами Туруханского уезда".

Последнее по времени записи сообщение о миграциях чукчей было получено Миллером летом 1739 г. во время путешествия по территории Мангазейского (Туруханского) уезда⁴. Скорее всего, как и в предыдущих

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 69 об.

² Там же, л. 70 об.

³ Там же, л. 205 об.

⁴ Там же, л. 310.

случаях, это не выписка из архивного документа, а запись рассказа не указанного автором информатора. Историк пишет, что в 1719 г. на р. Хатанге появилось до 40 семей чукчей, бежавших с р. Колымы. Согласно Миллеру, чукчи, прибыв на Хатангу, начали совершать враждебные действия против живших здесь якутов и русских. В этих условиях якуты и русские сумели объединиться и вскоре нанесли чукчам сокрушительное поражение. Гибели удалось избежать лишь семи семьям, которые бежали далее на запад. В 1720 г. они дошли до р. Пясины, но и здесь им не удалось закрепиться. На этот раз чукчи подверглись ожесточенным нападениям самоедов-авгов, в результате чего уцелело лишь три семьи. Поразительно, что и после этого оставшиеся в живых продолжили путь на запад и в 1721 г. достигли Енисея, "где они также нашли свой конец". Указаний на то, с кем столкнулись чукчи на Енисее, у Миллера нет. Он пишет, что все мужчины были перебиты, а оставшихся в живых женщин и детей продали в рабство в Мангазию и Енисейск. Живыми, однако, удалось взять немногих: когда чукчи осознавали неизбежность поражения, перед последним боем они чаще всего закалывали своих женщин и детей, чтобы те не могли попасть в руки к русским. Миллер добавляет, что большая часть попавших в плен и обращенных в рабство женщин и детей впоследствии покончила жизнь самоубийством.

Несмотря на всю невероятность перехода чукчей от Колымы до Енисея (а это многие тысячи километров), приведенные в полевом дневнике Миллера сведения можно признать в целом достоверными. Основанием для этого служат не только то, что информаторами историка были люди, знающие о положении дел в крае не понаслышке. Многие сообщаемые в рассказах детали подтверждаются другими источниками. И.С. Гурвич, в частности, пишет о чукчах: "Предания воскрешают мрачные картины сражений: женщины, убивающие своих детей, чтобы они не достались врагам, девушек, предпочитающих самоубийство плечу"¹. Сведения о столкновениях чукчей в пути с различными народами соответствуют современным данным об их расселении в начале XVIII в., а также другим экспедиционным материалам Миллера. Так, самоеды-авги - это, несомненно, предки современных нганасан, более известные под именем "тавги". "Каменные", или "закаменные", чукчи - это, вероятно, чукчи-оленеводы, кочевавшие на плоскогорье к востоку от Колымы. Известно, что в первой четверти XVIII в. стойбища восточных чукчей приблизились к рекам Колыма и Анадырь². И таким образом юкагирский "коридор" между западными и восточными чукчами резко сузился.

Сопоставление сведений, содержащихся во втором и третьем рассказах о миграциях западных чукчей, позволяет сделать предположение, что

¹ Гурвич И.С. Этническая история... С. 53.

² Народы Дальнего Востока... С. 54.

речь в них идет об одном и том же походе. Начав свое движение на запад в 1716 г., чукчи могли достигнуть Хатанги как раз к 1719 г. В таком случае сведения об окончательном разгроме чукчей в районе р. Анабары неверны.

Если основываться на приведенных Миллером сведениях, следует признать, что в первой четверти XVIII в. значительная часть западных чукчей продолжала кочевать в тундре между Колымой и Алазеей, а ее исчезновение нельзя объяснять только эпидемиями оспы в конце XVII в. К тому же трудно сказать, в какой мере эти эпидемии затронули относительно изолированных западных чукчей, поскольку никаких достоверных данных на этот счет нет.

История народов Северо-Востока Сибири насыщена военными столкновениями, в частности чукчей с юкагирами, коряками, русскими. Однако, как отмечает И.С. Гурвич, "русские документы XVII и даже XVIII в. не содержат каких-либо данных о взаимоотношениях между различными группами чукчей"¹. Материалы Миллера свидетельствуют о том, что в начале XVIII в. взаимоотношения между восточными и западными чукчами были достаточно сложными и военные набеги на колымо-алазейских чукчей не являлись редкостью. Причиной этого могло быть то, что западные чукчи в силу своей малочисленности и, соответственно, военной слабости были более склонны к компромиссу с русскими властями. С приходом русских отношение чукчей к юкагирам, например, определялось в первую очередь тем, были они ясачными или нет. При этом стойбища ясачных громили не только чукчи, но и неясачные юкагиры². Поэтому нет ничего удивительного в том, что восточные чукчи предпринимали карательные акции по отношению к сородичам, склонным к "измене". Нельзя, конечно, исключать и чисто грабительских мотивов подобных набегов. Таким образом, "исход" колымо-алазейских чукчей на запад предопределили в первую очередь военные действия "закаменных" и анадырских чукчей.

Если принять во внимание тот факт, что в 1719 г. Хатанги достигло около 40 семей (а потери в пути были явно немалыми), то получается, что только в этом походе на запад ушло по меньшей мере столько же чукчей, сколько их было, по оценке Б.О. Долгих, в Большой тундре в середине XVII в. Однако мы уже отмечали большую условность подсчетов численности чукчей в XVII - XVIII вв., поэтому вопрос о том, все ли чукчи ушли из междуречья Колымы и Алазеи на запад в первой четверти XVIII в., остается открытым.

В первом из приведенных выше рассказов упоминается якутский сын боярский Федот Амосов, который якобы готовил поход против колымо-алазейских чукчей в 1734 г. В написанной во время экспедиции работе "Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения вос-

¹ Гурвич И.С. Этническая история... С. 53.

² Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 72.

точных стран" Миллер сообщает о своих беседах с Амосовым¹. Согласно показаниям Амосова, он действительно в 1724 г. отправился с партией казаков на Колыму и далее в открытое море для поиска острова в Ледовитом океане, на котором, по слухам, жили неясочные "иноземцы", с тем чтобы объясчить их. О каких - либо столкновениях с колымо-алазейскими чукчами Амосов ничего не сообщает, однако некоторые его данные могут иметь отношение к путям возможных миграций западных чукчей в предшествующий походу период.

Амосов рассказал Миллеру, что недалеко от устья р. Колымы он обнаружил остров, а на нем - остатки юрт, изготовленных из плавника и обсыпанных землей. По предположению Миллера, жителями этих юрт могли быть как юкагиры, так и колымо-алазейские чуки, мигрировавшие сюда после прихода русских. Такую же версию ученый изложил и в работе "Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных". Говоря здесь о рассказе Амосова, он пишет: "Если сие правда, то кажется, что прежние тамошние жители были юкагиры или чуки, которые, может быть, ушли туда при первом овладении тамошних стран рек Индигирки, Алазеи и Колымы, а потом перешли опять на матерую землю"².

Разумеется, приведенные данные далеко не исчерпывают всего богатства материалов Миллера, характеризующих этнический состав и расселение сибирских народов. Не менее интересные сведения можно обнаружить в материалах ученого по другим народам, большим и малым. В частности, подлинные открытия ждут исследователей, которые обратятся к сведениям ученого о малочисленных народностях Южной Сибири, в особенности тех, которые вошли в состав хакасского, тофаларского и тувинского народов. Споры об языковой принадлежности некоторых из этих этнических групп в XVII - XVIII вв. не утихают на протяжении многих десятилетий, и детальнейшие их описания, сделанные Миллером, могут оказаться решающим аргументом при определении обоснованности разных точек зрения по данному вопросу.

¹ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 54 - 54 об.

² Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избрание. М., 1996. С. 33 - 35.

2. Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России

На первый взгляд, вопросы, связанные с историей присоединения Сибири к России и вхождения населяющих ее коренных народов в состав Русского государства, детально изучены Миллером в его капитальной "Истории Сибири" и экспедиционные рукописные труды ученого могут мало что добавить в этом отношении. Действительно, касаясь проблем этнической истории сибирских народов, обстоятельств их вхождения в состав России, Миллер в этом фундаментальном труде не упускает, казалось бы, самые незначительные факты, однако освещает он в основном лишь внешнюю сторону событий. По "Истории Сибири" трудно судить о том, каким представлялся ученому уровень развития коренных жителей Сибири к моменту принятия ими русского подданства, чем он объясняет разную степень привлечения русским отдельных народов, какие, по его мнению, позитивные и негативные последствия имело для них вхождение в состав Русского государства. Эта недосказанность и дает возможность многим историкам произвольно толковать отдельные высказывания Миллера, вырванные из контекста работы, а то и просто приписывать историку взгляды, совершенно ему чуждые.

Рассматривая взгляды Миллера на сибирские народы, их место в историческом процессе до и после присоединения Сибири к России, следует иметь в виду и следующее обстоятельство: при написании "Истории Сибири" ученый вынужден был проявлять известную осторожность в оценках, к тому же в ходе обсуждения работы в Академии наук его вынудилинести существенные изменения в текст. В связи с этим неопубликованные работы Миллера, не прошедшие цензуру, а то и вовсе не предназначенные для публикации, приобретают особое значение.

Анализ экспедиционных рукописей Миллера показывает, что в самом начале путешествия он был склонен идеализировать взаимоотношения между русскими и коренными жителями Сибири и преувеличивал степень готовности последних покориться русской власти. Особенно заметно это в его первых описаниях уездов. В "Описании Кузнецкого уезда..." он, например, утверждает, что "русская сторона не прилагала много усилий для присоединения этих мест" и коренные жители Кузнецкого уезда "без возражений... платили требуемый с них ясак и даже не роптали против того, что в то же самое время с них еще требовали прежнюю дань калмыки". В работе "Некоторые известия о Мангазейском уезде Енисейской провинции в Сибири, собранные в начале 1735 г." Миллер признает, что русским властям так и не удалось окончательно покорить юраков (ненцев), объясняя это тем,

¹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 21.

что юраки "всегда были очень диким и строптивым народом"¹, зато "все остальные народы были очень спокойными и миролюбивыми"². Русские в Мангазейском уезде, по его мнению, также проявляли спокойствие и миролюбие - ответом на постоянные набеги юраков против русских и ясачных нежцев было их переселение с Таза на Енисей и основание города Новая Мангазея (Туруханск), а не карательные акции.

Позднее, детально ознакомившись с документами сибирских архивов, собрав множество устных сообщений об особенностях присоединения различных районов Сибири к России, историк пришел к выводу о чрезвычайно сложном характере этого процесса, в котором имели место как завоевание, так и добровольное вхождение (под "добровольностью" он обычно подразумевает отказ от вооруженного сопротивления русским). В этнографических рукописях ученого мы можем найти объяснения причин, обусловивших существенные различия в отношениях разных народов к распространению на них русской власти. Эти различия, считает он, проис текают от неоднородности аборигенного населения региона.

Различия между народами по образу жизни, обычаям, оседлости, особенностям политического устройства, социальной организации и военного дела Миллер учитывает при характеристике их взаимоотношений с русскими, но не они являются для него определяющими в данном случае. Особенности подчинения сибирских народов русской власти он связывает главным образом с уровнем их "умственной культуры", со спецификой психологии.

Характеризуя различные стороны жизни сибирских народов, Миллер часто оперирует понятиями цивилизованности и дикости. При этом под цивилизованностью понимается отнюдь не обязательно степень соответствия тех или иных элементов аборигенной культуры европейским, христианским нормам. Наиболее цивилизованными ученый признает те сибирские народы, которые испытали воздействие мусульманской и буддийской культур (часть тюркоязычного населения Западной Сибири, некоторые буряты Забайкалья, монголы, перешедшие в русское подданство). Однако сам Миллер признает большую долю условности в делении сибирских народов на цивилизованных представителей мировых религий и диких язычников. По его мнению, неотъемлемой чертой цивилизованности является нравственность, и в этом отношении "дикие" народы в проявлениях лучших человеческих качеств зачастую не только не уступают цивилизованным нациям, но и превосходят их.

Согласно Миллеру, цивилизованность - это результат общения народов между собой, а изоляция, добровольная или вынужденная, неизбежно приводит к консервации дикости. Так, ученый пишет: "Вообще обо всех

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, д. 4, л. 6 - 6 об.

² Там же, л. 8 об.

языческих народах Сибири можно сказать, что их умственная культура выше или ниже в зависимости от того, насколько они цивилизованы вследствие общения с другими народами¹. Ярким и убедительным доказательством этого положения Миллер считал пример "совершенно диких" чукчей. О них он писал в связи с этим: "Мы видим, например, на живущих на крайнем севере чукчах, что так как они никогда не хотели входить в сношения с русскими подданными, то у них есть поступки, которые являются более чем ясным свидетельством крайне темного состояния их рассудка"². Поэтому историческое значение присоединения Сибири к России Миллер оценивал не только с точки зрения государственных интересов самой России, он видел в нем положительные моменты и для сибирских народов: возможность приобщиться к достижениям цивилизованных наций и, одновременно, облегчение и упорядочение контактов между собой.

Сопротивление тех или иных народов русским ученым характеризует как несговорчивость и напрасное управство. Первые же примеры, которые он приводит в "Описании сибирских народов", должны убедить читателя в том, что уровень сопротивления находится в прямой зависимости от степени цивилизованности народов: "Магометанских татар, живших по Иртышу и в других местах, как народ, уже тогда не совсем нецивилизованный, нельзя было покорить иначе, как оружием. Языческие же татары, наоборот, покорились большей частью добровольно"³. Еще менее цивилизованные племена остяков, тюрков Красноярского уезда и лесных тунгусов покорились русской власти легче всего. В эту схему вполне укладывается тот факт, что живущие восточнее буряты, тунгусы-скотоводы и якуты (народы, по многим показателям более цивилизованные, чем, например, остики) вели себя по отношению к русским "вызывающие" и усмирить их удалось лишь большой строгостью.

Однако далее автор констатирует, что упрямее всего оказались наиболее дикие, совершенно нецивилизованные северные народы - самоеды-юраки (ненцы), коряки и чукчи, из которых из времени сибирского путешествия Миллера к неустойчивому подданству удалось привести лишь часть юраков и коряков. Объяснение данному феномену Миллер не склонен искать в особом свободолюбии, самоотверженности и храбости данных народов или в робости и миролюбии покорявшихся добровольно. Он замечает, в частности, что лесные тунгусы, проявившие наибольшую податливость, настолько храбры и мужественны, насколько это вообще возможно.

Дополнительное объяснение, призванное разрешить противоречие в его схеме, Миллер находит в следующем обстоятельстве. На протяжении всего периода распространения русской власти в Сибири казаки стреми-

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 70.

² Там же.

³ Там же, л. 77 об.

лись первым делом захватить заложников (аманатов) из всех родов присоединяемого народа. Легче всего это было сделать в лесных регионах, где коренные жители обитали отдельными семьями или небольшими поселениями. Природная доброта и искренность лесных народов, не хотевших погубить своих сородичей, и была надежным гарантом их покорности. Скотоводы степей и оленеводы в тундре более консолидированы, обширные пространства дают им возможность свободно маневрировать, поэтому захват у них заложников очень затруднителен и почти неизбежно связан с кровопролитными сражениями. Особое же ожесточение чукчей, коряков и юраков Миллер объясняет их безжалостностью и черствостью по отношению к родным и близким. Захват аманатов из их числа, что само по себе было делом нелегким, не давал ровным счетом ничего, поскольку сородичи считали таких людей уже потерянными для себя. Даже демонстративные казни казаками взятых в плен заложников на глазах у их непокорных родственников не приводили к согласию платить ясак¹.

Безусловно, институт заложников сыграл значительную роль в ходе присоединения Сибири к России, и не случайно он просуществовал до XVIII в. Об эффективности этого способа держать в покорности коренное население можно судить по взятыму из полевого дневника Миллера рассказу служилого Василия Атаманова, участника карательного похода против коряков в 1714 г. На обратном пути большинство русских служилых было истреблено восставшими юкагирами, союзниками русских в этом походе. По признанию Атаманова, у юкагиров было немало причин для ненависти к русским, но все же открытое вооруженное выступление против них произошло лишь тогда, когда у русских не осталось заложников из их числа: "Из Анадырска было получено известие, что там со времени прибытия Петра Татарикова свирепствует сильная оспа и что все юкагирские аманаты в Анадырске умерли от нее. Это еще больше предопределило восстание юкагиров, поскольку они не имели причин, принимая во внимание своих аманатов, быть верными"².

В своих работах Миллер не делает никаких прогнозов относительно возможного исхода борьбы северных народов за свою независимость, но, судя по всему, он считал включение их в состав российских подданных лишь делом времени. Во многом именно поэтому историк расценивал сопротивление чукчей, коряков и юраков русским как совершенно напрасное управство, порождающее бессмысленные жертвы и лишения.

Словам историка о "природном" управстве диких чукчей, коряков и юраков, их жестокости, черствости и равнодушии к судьбе сородичей противоречат не только многие собранные им материалы, но и личные оценки, когда он говорит об этих народах вие проблемы их военной конфронтации

¹ Там же, л. 78 – 80.

² Там же, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 187.

с русскими. В том же "Описании сибирских народов" Миллер пишет, что самоеды-юраки очень дружелюбны в отношениях между собой, всегда приходят на помощь сородичам, терпящим нужду; в походах, которые носят не военный, а грабительский характер, они стремятся избежать убийства русских жителей и никогда не обращают в рабство попавших к ним в плен русских женщин, а выдают их замуж. Познакомившись с ненцами во время путешествий в низовья Енисея и Оби, Миллер пришел к выводу, что никакой "особой дикости... у них не замечается"¹. О результатах проверки известной гипотезы об этимологии названия "самоеды", основанной на якобы имеющем место каннибализме этого народа, Миллер пишет: "Как русские, так и самоеды в один голос утверждают, что в таких случаях никогда не было слышно. И когда я рассказывал, что такие случаи бывают и у цивилизованных народов и что нужда оправдывает грех, то они ответили мне на это: может быть у других народов это и бывает, но они лучше все умрут с голоду, чем нарушают все законы человечества в такой мере, чтобы убивать и поедать людей. Даже и умерших людей они не едят и в случае крайней нужды"².

Одностороннее и неубедительное изложение в "Описании сибирских народов" причин упорного сопротивления некоторых народов русским объясняется, возможно, тем, что эту работу Миллер рассчитывал опубликовать. В экспедиционных записях ученого и собранных им документальных материалах можно обнаружить массу сведений и личных оценок историка, которые свидетельствуют о существовании более веских, нежели скверный характер, причин нежелания "диких"aborигенов принимать русское подданство и факторов, позволявших им сохранять независимость. Эти данные заставляют сделать вывод о том, что особые трудности во взаимоотношениях русских властей с отдельными народами в немалой степени были вызваны действиями русской стороны.

На примере ближайших соседей юраки, чукчи и коряки могли увидеть реальные последствия подчинения русской власти. Ниже мы специально остановимся на характеристике данных Миллера о русском влиянии на аборигенное общество Сибири, здесь же отметим, что негативные стороны этого влияния особенно сильно проявлялись в отношении народов Севера и Северо-Востока Сибири. Даже в "Описании сибирских народов", где Миллер более сдержан в оценках действий русских властей, можно обнаружить красноречивые свидетельства на этот счет. Так, оценивая уровень благосостояния народов, живших преимущественно за счет оленеводства, автор пишет: "Богаче всего оленями из всех сибирских народов юракские самоеды в Березовском и Мангазейском уездах и чукчи на крайней северо-восточной оконечности Сибири. Это достопримечательно потому, что

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. I, л. 22, 75.

² Там же, л. 74 об.

эти дароды не подчиняются русским"¹. Бедность остальных северных народов Миллер объясняет тем, что их оленеводческое хозяйство к началу XVIII в. было серьезно подорвано в результате многочисленных реквизиций оленей служилыми людьми.

Собранные Миллером материалы, в особенности документы Якутского архива и записи рассказов участников военных походов, показывают, что, встретившись с нежеланием коряков и чукчей вступать в русское подданство, русские власти основной упор сделали на силовые методы, на тактику истребления непокорных. Правда, в правительственные указах по-прежнему, как и в XVII в., обращалось внимание прежде всего на мирные средства, а оружие разрешалось применять только в случаях активного вооруженного сопротивления. Даже в указах 1720-х, 1730-х гг., когда ситуация на Северо-Востоке Сибири крайне обострилась, рекомендовалось "утоваривать в подданство добровольно и ласкою". Однако реальная практика действий сибирских начальников шла вразрез с официальными установками правительства. Походы против чукчей и коряков, как показывают материалы Миллера, были, как правило, карательными акциями, а не попытками привести их к подданству. Казаки, участники экспедиции под руководством Д.И. Павлуцкого в 1731 г., признавали, что жителей многочисленных чукотских стойбищ в этом походе уничтожали, "не призывая в подданство"². Подобные действия, а также убийства заложников и даже приглашенных на переговоры "лучших людей" не могли, конечно, не отразиться на характере взаимоотношений аборигенного населения с русскими. Жестокость порождата ответное ожесточение, и, по свидетельству Миллера, нередки были случаи, когда чукчи, терпя поражение, перед тем, как погибнуть самим, убивали своих близких, чтобы они не попали в плен к врагам, а коряки с этой же целью поджигали свои жилища, погибая в огне целыми семьями.

Однако порой юраки, чукчи и коряки проявляли не только самоотверженность, но и умение сражаться против гораздо лучше вооруженных противников и побеждать. Ученый отмечает большую эффективность внезапных нападений юрakov и чукчей, исчезавших затем в бескрайней тундре, искусство, с которым коряки строили оборонительные сооружения и использовали захватченное огнестрельное оружие. Ко времени сибирского путешествия Миллера чукчи и коряки успели создать себе репутацию опасных, умелых и жестоких воинов, способных угрожать русскому господству на всем Северо-Востоке Сибири. Отголоском таких опасений является следующее сообщение историка: "О них (чукчах и олюторских коряках. - А.Э.) говорят, что у них есть следующее обыкновение, благо-

¹ Там же, л. 125.

² Там же, ф. 199, портф. 539, ч. 1, л. 6, л. 79. См. также: Зус А.С. "Немирных чукчей испоренить вовсе" // Родина. 1998, № 1, С. 40.

приятное для противника: если они в своем покое однажды пролили кровь, то уже не продолжают идти дальше, и есть мнение, что они давно разорили бы Анадырский острог и три острога на Колыме, если бы их не удерживало от этого упомянутое суеверие¹.

История взаимоотношений русских и аборигенных народов Северо-Востока Сибири еще далека от полного и объективного освещения. Отчасти это объясняется понятным нежеланием воскрешать мрачные картины прошлого, не вписывающиеся в концепцию мирного вхождения народов Сибири в состав России, но во многом определяется и состоянием источников базы. Экспедиционные материалы Миллера, конечно же, не могут восполнить все существующие пробелы, но они позволяют откорректировать многие устоявшиеся представления о казалось бы хорошо известных фактах, а также по-новому поставить вопрос о степени достоверности использовавшихся ранее источников. В подтверждение рассмотрим некоторые миллеровские материалы, рассказывающие о русско-корякских отношениях в первой четверти XVIII в. Эти отношения представляют собой одну из наиболее трагических страниц в истории включения Сибири в состав России.

Первые контакты русских служилых с коряками произошли уже в середине XVII в., однако до конца столетия походы казаков особых успехов не имели и большая часть коряков оставалась необъясченной. Ситуация резко изменилась после открытия Камчатки, поскольку именно через земли коряков долгое время пролегал единственный путь на полуостров. Как отмечает И.С. Гуревич, отряды служилых и промышленных, устремившиеся в "новую землю", быстро восстановили против себя пензикских и олюторских коряков, живших на перешейке, соединяющем Камчатку с материком. "Жестокость и грубый произвол, допускавшиеся при сборе ясака, при постое и обмене, вызвали ответные действия коряков"².

Первая половина XVIII в. - это цепь непрерывных военных столкновений между русскими служилыми и коряками, когда обычными стали как разгромы аборигенных острогов, так и убийства ясачных сборщиков и промышленных, нападения на отряды, шедшие на Камчатку с провиантом и оружием и обратно с ясачной казнью. Зачастую победные реляции анадырских приказчиков о полном разгроме "немирных" корякских острожков не успевали дойти до Якутска, как им вдогонку спешили гонцы с паническими сообщениями о том, что коряки вновь "заворовали" и путь на Камчатку перекрыт. Дело доходило до того, что коряки отваживались нападать на отряды служилых, имевших на вооружении не только пищали, но и пушки, и добивались при этом успеха. Коряки не только не испытывали страха перед "огненным боем", но и сами широко использовали захваченное огнё-

¹ РГАДА, ф. 181, я. 763/1386, ч. 2, л. 35.

² Гуревич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 103.

стрельное оружие. Казаки, в свою очередь, вынуждены были приворавливаться к корякским методам и средствам войны. П. Чирков, отряд которого не смог пробиться на Камчатку, писал в 1708 г. в Якутск: "К такому воинскому делу надобно искусствых и одежных куяпников, а без куяков и без пушников в здешней стране однем огненным боем с ними, коряками, управляющимца трудно, для того: огненные бои они вызвали, на боях порядки не рускии"¹.

В борьбе с русскими служилыми коряки проявляли мужество, упорство и крайнее ожесточение. Сотрудник отряда Миллера, знаменитый исследователь Камчатки С.П. Крашенинников так писал о коряках: "Все вообще они язычники, все крайние невежды, и от других животных одним только видом человеческим почти различают"². Далее он дополняет эту нелестную характеристику: "Все вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердные люди"³. Можно предположить, что такие резкие оценки отражают, в первую очередь, настроения камчатских служилых, от которых учёный получил много сведений по истории освоения Камчатки, быту и нравам ее коренных жителей. Самы же камчатские и анадырские служилые явно не были образцом милосердия. Документы первой половины XVIII в. свидетельствуют о том, что их походы против "немирных" коряков нередко сопровождались безудержными грабежами и поголовным истреблением жителей корякских поселений.

Один из самых драматических и кровавых периодов в истории русско-корякских отношений приходится на 1708 - 1715 гг. События этих лет известны историкам главным образом по документам Якутского архива, скопированным под руководством Миллера и хранящимся ныне в СПбО АРАН⁴. Наиболее важные из этих документов (грамоты, отписки анадырских и камчатских приказчиков и руководителей военных походов против коряков, расспросные реци служилых и др.) были опубликованы в конце XIX в.⁵. С содержанием этих документов Миллер, безусловно, ознакомился еще во время пребывания в Якутске. В это время он уже не ограничивался общим руководством по копированию архивных дел, а просматривал все дела лично. Большое число выписок из документов по истории русско-корякских отношений содержится в полевом дневнике историка за 1736 - 1737 гг. Кроме того, учёного чрезвычайно интересовали события, связанные с открытием и освоением Камчатки, восстания ее коренных народов, их причины и последствия. В работе "География и нынешнее состояние земли Камчатки" (1737 г.) содержится немало сведений и о коряках.

¹ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2.

² Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 448.

³ Там же. С. 450.

⁴ СПбО АРАН, ф. 21, оп. 4, л. 30 - 34.

⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882 - 1885. Кн. 1 - 2.

Работая в Якутске и узнав, что некоторые из активных участников интересовавших его событий начала века еще живы, Миллер постарался получить дополнительную информацию из первых рук. В промемории в Якутскую воеводскую канцелярию от 20 апреля 1737 г. он просит прислать в Якутск хотя бы на один день сына боярского Ивана Львова, находившегося в это время в ясачных волостях для закупки скота. Свое желание непременно встретиться с Львовым он объяснял тем, что "известился, что якуцкой сын боярской Иван Лево о разных обстоятельствах Якуцкого уезда и анадырских и камчатских странах подлинно рассказать может, поскольку он неоднократно бывал во многих дальних посылках... с дворянином Афанасием Петровым был в походе из Анадырского острогу на Камчатку, как ево, Петрова, и двух камчатских приказиков, Василия Колесова да Ивана Енисейского, олоторские коряки побили"¹.

Имя Ивана Львова хорошо известно историкам Сибири, поскольку это автор одной из первых дошедших до нас карт Северо-Востока Сибири, на которой показана и часть побережья Северной Америки. В литературе отмечается, что карта была передана Львовым Миллеру в 1736 г. в Якутске². Нам представляется, что это произошло не ранее весны 1737 г., после обращения Миллера в уездную канцелярию 20 апреля этого года. К тому же сведения, перечертленные Миллером из карты Львова и его же "письменного реестра", обнаружены нами в той части дневника Миллера, которую он заполнял весной - летом 1737 г.³.

Среди экспедиционных записей Миллера нами найдено несколько заметок, в которых отражены результаты бесед с Львовым. Две из них имеют непосредственное отношение к истории русско-корякских отношений. В деле фонда Миллера в РГАДА, которое имеет архивное название "Разные географические известия, особенно о Сибири", содержится рассказ Львова о походе против олоторских коряков и штурме олоторского Большого Посада (1714 - 1715 гг.)⁴. Текст на русском языке, рукой Миллера написано лишь оглавление к нему на немецком языке. В полном дневнике ученого также имеется запись рассказа И. Львова о походе 1714 - 1715 гг.⁵. Текст написан рукой Миллера на немецком языке приблизительно в мае - июне 1737 г. в Якутске. Данная запись не является переводом указанного выше текста. Противоречий между двумя рассказами Львова нет, но в некоторых моментах они существенно дополняют друг друга.

¹ СПбО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 25, л. 30 об. - 31.

² Ефимов А.В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половине XVIII вв. // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С. 779.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 164.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2, л. 111 - 112.

⁵ Там же, портф. 507, ч. 2, л. 161 - 162.

Вскоре после бесед с Львовым Миллеру удалось встретиться с еще одним участником походов против коряков - отставным служилым Василием Атамановым. В записанном Миллером на немецком языке рассказе Атаманова даются сведения о двух крупных походах: против пенжинских коряков в 1708 - 1709 гг. и против олюторских коряков в 1714 - 1715 гг.¹.

Рассказы этих служилых о походах против коряков представляют для историков большой интерес. Их авторы - люди весьма осведомленные, в описываемых событиях они играли далеко не последнюю роль. Так, в ходе военных экспедиций анадырских служилых 1708 - 1709 и 1714 - 1715 гг. было основано два русских острога. Строительством первого из них (Пенжинского, или Акланского) руководил В. Атаманов, а во втором (Олюторском) он был оставлен заказчиком. О достаточно высоком положении И. Львова среди участников похода 1714 - 1715 гг. говорит тот факт, что одна из отписок возглавлявшего экспедицию дворянинна А. Петрова подписана также Львовым². Приводимые Львовым и Атамановым сведения не только уточняют многие детали походов против пенжинских и олюторских коряков, некоторые их сообщения, без преувеличения, уникальны.

Поводом к карательному походу против пенжинских коряков послужил разгром паренскими коряками в 1708 г. отряда П. Чирикова, посланного приказчиком на Камчатку. В сражении с казаками коряки убили 8 из них и около 20 ранили. Вслед за этим восстали также коряки пенжинских Каменного и Косухина острожков. Возглавил поход Ефим Петров, посланный в Анадырский острог приказчиком и прибывший сюда в октябре 1708 г. Е. Петрову было предписано не только разгромить восставших, но и основать на Пенжине русский острог. О самом походе и его результатах историки знают почти исключительно по отпискам Е. Петрова. О том, насколько достоверны эти документы, мы можем судить, сравнив их с показаниями В. Атаманова.

Согласно Е. Петрову, поход проходил в неимоверно тяжелых условиях и сопровождался непрерывными ожесточенными сражениями с превосходящими силами противника. Служилым противостояли не только массы свирепых корякских воинов, но и почти неприступные оборонительные сооружения. В отписке, посланной в Якутск 15 апреля 1709 г., сразу после возвращения из похода, Е. Петров утверждал, что Камешний и Косухин остроги были взяты "боем" и во время штурма "убито непокорщиков коряк 50 человек". Особенно ожесточенным, по его словам, было сопротивление защитников Чендонского острога: "И видя их злой нрав и непокорство, К острогу велел боям приступати; и помошю всесильного Бога, по многом приступе, на приступную стену служилые люди и ясачные иноземцы сбезжались, а сбежав на стену, со стены бились с теми ворами, чаю быть, часа

¹ Там же, л. 176 об. - 178 об., 180 - 189.

² Памятники Сибирской истории... Кн. 2. С. 73.

полтора". Во время штурма и в огне подожженных по приказу Е. Петрова юрт погибло якобы "ста с три и болши крепкого бойца" из числа защитников Чендонского острога¹. Разгром пенжинских коряков был полным, а успех закрепило то, что "по указу великого государя острог на Пенжине реке он, Ефим Петров, построил"².

В рассказе В. Атаманова даётся детальное описание семи острогов пенжинских коряков. По его словам, только два из них, Акленский и Чендонский, действительно имели укрепления из вкопанных в землю бревен. Косухин острог был укреплен лишь грудой камней, а остальные не имели и этого. Разгром корякских острогов отрядом Е. Петрова в рассказе подтвержден, но произошел он, по мнению рассказчика, не в результате сражений. Узнав о подходе русского отряда, коряки бежали в горы, оставив в селениях лишь стариков, женщин и детей, которые и были перебиты служилыми, немногих оставшихся в живых детей обратили в рабство. Зная о содержании отписки Е. Петрова в Якутск, В. Атаманов сообщает, что "все они (острожки пенжинских коряков. - А.Э.) были взяты без усилий и Ефим Петров напрасно хвастался в отписке"³.

Иначе рассказывает В. Атаманов и о строительстве русского Пенжинского острога. Построил его не Е. Петров и не в 1708 г. (а именно такие сведения даются и в научной литературе⁴), а он, В. Атаманов, осенью 1709 г. По его словам, Е. Петров не только не принимал никакого участия в строительстве, но и помог избежать этого своему "братацу" пятидесятнику И. Белобородову, который был специально послан для этого из Якутска. Откупившись от тяжелой работы к жителям Анадырского острога, так что Атаманов смог взять с собой для строительства лишь немногих казаков, прибывших незадолго до этого из Якутска.

Рассказ В. Атаманова об одном эпизоде похода свидетельствует о том, что отряду Е. Петрова не удалось существенно подорвать военную мощь пенжинских коряков. Уже после разорения Чендонского острога служилые столкнулись на р. Ерокон с группой коряков, которые укрепились на горе и демонстрировали готовность обороняться. Е. Петров не решился на сражение и покинул эту местность, "не исполнив дела"⁵. О полной неудаче похода в военном отношении можно судить и по отписке приказчика камчатских острогов О. Липина, посланной якутскому воеводе 27 сентября 1710 г., в которой говорилось: "А на усть Пенжинны близь моря, Косухина острогу и Камениной, которые громил Ефим Петров, и те остроги яные

¹ Там же. С. 483-485.

² Там же. С. 529.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 178.

⁴ См.: Гуревич И.С. Этническая история... С. 103; Народы Дальнего Востока СССР в XVII-XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 59.

⁵ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 178 об.

паче укреплены и людей в них населилось много болши старого, а ясаку 709 и 710 годех не платили¹.

В совершенно ином, по сравнению с имеющимися в литературе сведениями, свете предстают в рассказах В. Атаманова и И. Львова и поход против олюторских коряков, и разгром олюторского Большого Посада в 1714 - 1715 гг. Об осаде и взятии анадырскими служилыми Большого Посада известно лишь в самых общих чертах, в основном по кратким отпискам дворянинна Афанасия Петрова, возглавлявшего поход². По этим документам трудно судить о том, что из себя представляло это корякское поселение, какова была численность его населения, как протекала осада на всех ее этапах и т.п. Скудность достоверных сведений объясняется во многом тем, что сам А.Петров и большая часть служилых его отряда были убиты после разгрома олюторских острогов восставшими союзниками русских - юкагирами, к которым после этого примкнули и коряки. Анадырским и якутским властям в этих условиях было не до выяснения подробностей, связанных с уничтожением столь досаждавшего им ранее Большого Посада. В научной литературе о Большом Посаде и его разгроме даются лишь самые общие сведения. Так, в монографии И.С. Вдовина, посвященной этнической истории коряков, все события 1714 г. вместились в одну фразу: "В 1714 г. в одном из столкновений камчатских казаков при содействии алюторцев - жителей с. Култушное был полностью уничтожен "Большой алюторский острог"³.

Олюторский Большой Посад, судя по описаниям И. Львова и В. Атаманова, - одно из крупнейших аборигенных поселений Сибири XVIII в. По числу жителей, размерам и мощности укреплений Большой Посад мог соперничать не только с русскими острогами и слободами в Сибири, но даже и с такими городами, как Нарым, Нерчинск, Селенгинск, Туруланская, Пелым, Сургут. Современники, видевшие Большой Посад до его разрушения, были, несомненно, поражены его размерами и неприступностью. Характерно, что русские служилые в данном случае использовали не привычные в отношении аборигенных укрепленных поселений названия - городок, острожек, а определение, применявшееся обычно к русским городским поселениям.

О том, что взятие Большого Посада не было итогом заурядного "столкновения", можно судить хотя бы по тому, что поход против олюторских коряков планировался задолго до 1714 г., однако он откладывался всякий раз из-за недостаточности сил анадырского гарнизона. Наконец, в наказе анадырскому приказчику Афанасию Петрову от 16 января 1713 г. было категорически повелено "на олютор Большой Посад и на Тумлацкие реки ко-

¹ Памятники сибирской истории... Кн. 2. С. 529.

² Там же. С. 44, 73.

³ Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 51.

рях итить воиною и тех иноземцов разорить и камчадкой путь совершенно очистить¹. Несмотря на то, что А. Петрову удалось собрать не только крупные военные силы русских служилых, вооруженных ручным огнестрельным оружием, гранатами и артиллерией, но и союзных юкагиров, и часть ясачных коряков, осада Большого Посада длилась целых полгода - случай беспрецедентный в практике военных действий сибирских казаков. И это при том, что отряду Петрова невероятно повезло - олюторцев сумели засесть врасплох и они не имели возможности подготовиться к осаде.

И. Львов и В. Атаманов так описывают Большой Посад. Поселение располагалось на горе, окружённой с двух сторон морем, а с третьей - морским заливом, в который впадала речка. По периметру шла четырехугольная стена со сторонами приблизительно в 100 саженей, высотой в 2 сажени и шириной в 2,5 сажени. Стена состояла из двойного ряда столбов, про странство между которыми было заполнено камнями и щебнем; кроме того, стена была обложена дерном. Над этой стеной располагался бревенчатый острог, изнутри на полсажени обложенный дерном. Последнюю линию обороны представлял еще один небольшой острог, который нельзя было увидеть из-за окружной стены. За стенами располагалось около 40 корякских жилищ квадратной формы со сторонами от 4 до 10 саженей. В стенах имелось трое ворот, форму которых И. Львов определил как "змееобразную". Помимо этого в стенах находились бойницы, а на углах - выпуски. На вооружении коряков было и захваченное ранее у русских огнестрельное оружие - несколько десятков пиццалей и турок и большой запас пороха.

Оценки численности корякских воинов у Львова и Атаманова несколько расходятся. Атаманов сообщает о 1500 мужчинах, годных к войне. Львов в одном случае говорит о 1500 чел. мужского населения, а в другом о том, что 1500 чел. - это число убитых мужчин, 700 из которых были "добрными бойцами", а остальные - подростками и холопами. В любом случае гарнизон представлял собой грозную силу, и поэтому А. Петров сделал ставку на длительную осаду. Служилым удалось захватить весь запас продовольствия коряков, хранившегося за пределами крепости, а также отрезать защитников от питьевой воды, после чего решено было взять их измором.

Вокруг Большого Посада для укрытия служилых и с тем, чтобы обезопасить себя от внезапных вылазок, были построены восемь острожков, соединенных стеной. Под прикрытием щитов, изготовленных из оленьих шкур и установленных на пятах, служилые соорудили гигантский вал высотой в 2 сажени и шириной в 3 сажени из снопов, связанных из хвороста. Этот вал медленно продвигали к крепостной стене с тем, чтобы, приблизив его вплотную, зажечь и одновременно уничтожить стену. Однако в последний момент коряки сумели сами поджечь вал и нанесли отступавшим слу-

¹ Памятники сибирской истории... Кн. 2. С. 538.

жилым ощутимый урон. После этого осаждавшим оставалось лишь отравить вылазки коряков и ждать, пока все защитники не умрут от голода. Только когда перебежчики, в основном женщины и дети, которые иногда ночью выходили из крепости не в силах более переносить голод, сообщили, что в живых из защитников никого не осталось, А. Петров решил на приказ разграбить и сжечь Большой Посад. Однако внутри крепостной стены служилых ожидали еще около 300 изнуренных голодом воинов, они сумели все же дать последний бой. Сражение закончилось лишь после того, как был взорван упомянуть маленький острог, который обороняли коряки. После этого, сообщает В. Атаманов, "все было предано огню и смерти". По оценке И. Львова, в общей сложности русским сдались лишь несколько сот женщин, но о судьбе их он не говорит. Согласно Атаманову, перебежчики, давшие русским ложные сведения, были убиты. Осада Большого Посада продолжалась с 20 февраля по 6 августа 1715 г.

Описываемые И. Львовым и В. Атамановым события имели далеко идущие последствия. Согласно выводам И.С. Гурвича, "жестокие меры, предпринятые анадырским гарнизоном против пензинских и олюторских пеших и оленных коряков, оказались уже в первой четверти XVIII в."¹. Резкое сокращение численности населения, ослабление его боеспособности, что вызвало активизацию набегов чукчей, нарушение традиционных связей между различными этническими группами коряков и их соседями, - вот далеко не полный перечень бед, обрушившихся на коряков². Борьба коряков за независимость продолжалась и во второй четверти XVIII в., однако силы были слишком неравными. В начале второй половины XVIII в. их сопротивление было окончательно сломлено.

О численности олюторских коряков в начале XVIII в. специалисты судят на основе данных середины XVIII в., когда появились первые обобщающие сведения о числе ясачных олюторцев. По расчетам Б.О. Долгих, в конце XVII - начале XVIII в. насчитывалось приблизительно 1025 олюторцев³. И.С. Гурвич считает эти данные несколько заниженными, не учитываяющими в полной мере потери коряков от карательных походов анадырских служилых. Согласно И.С. Гурвичу, в конце XVII - начале XVIII в. олюторцев было около 1300 чел.⁴.

В этой связи приводимые в рассказах В. Атаманова и И. Львова оценки численности мужчин в Большом Посаде представляются очень важными. Если исходить из их данных, то общая численность населения Большого Посада должна была составлять от 3 до 6 тыс. чел. Вполне возможно, Атаманов и Львов преувеличивали численность противника. Но и в этом

¹ Гурвич И.С. Этническая история... С. 104.

² Там же. С. 104 - 107.

³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 560.

⁴ Гурвич И.С. Этническая история... С. 108.

случае их сведения заставляют по-новому взглянуть на проблему. Ведь Большой Посад был самым крупным, но не единственным поселением олюторских коряков. Камчатский приказчик В. Колесов в 1704 г. насчитывал девять олюторских острожков¹.

Помимо Большого Посада отряд А. Петрова захватил еще несколько олюторских острогов, расположенных неподалеку. О том, что и их население не было малочисленным, говорит, например, такой факт: в Култушном остроге, по оценке И. Львова, насчитывалось около 300 чел. мужского пола. В данном случае вряд ли можно говорить о преувеличении, так как в Култушном были обложены ясаком 120 мужчин и взято семь аманатов. Далее И. Львов сообщает: "А речных 50 человек ясак платили и трех человек аманатов дали же. Да сверх того два острога выжгли, а людей прибили и 10 человек ясак платили..."². Таким образом, есть все основания полагать, что к середине XVIII в. уцелели лишь жалкие остатки некогда многочисленной группы олюторских коряков.

Миллер никогда не высказывал сомнений в целесообразности продвижения России на восток, рассматривая это в качестве важнейшего условия превращения страны в мощную евроазиатскую державу, имеющую выходы в Тихий океан, к Америке и Восточной Азии. Отдельные его заметки и статьи позволяют сделать вывод о том, что он считал этот процесс незавершенным не только в отношении территорий, населенных необыкновенными народами Севера и Северо-Востока Сибири. Южные границы Сибири он также не рассматривал как нечто незыблемое.

Естественно было бы ожидать, что основное внимание Миллера будет обращено на юг Западной Сибири, где в первой четверти XVIII в. столь успешным было русское продвижение вверх по Иртышу и Оби, а отсутствие четкой границы с Джунгарией позволяло надеяться на новые территориальные приращения. К тому же коренные жители Алтая в значительной своей части являлись двоедаццами и окончательное включение Горного Алтая в состав России могло резко увеличить численность ясачного населения Кузнецкого уезда и размеры собираемого ясака в этом богатом шункинском крае. Однако на данном этапе на юге Западной Сибири Миллер видел основную задачу не в приобретении новых ясачных платильщиков, а в обеспечении безопасности уже включенных в состав России территорий, в особенности тех районов Кузнецкого уезда, где начинала бурно развиваться горнозаводская промышленность.

В литературе имеется иная точка зрения по данному вопросу, согласно которой Миллер - автор планов русской экспансии в направлении Средней Азии и Индии. Сторонники ее обычно делают ссылки на работу Миллера 1734 г., которая в переработанном виде была опубликована

¹ Вдоевин И.С. Очерки этнической истории... С. 51.

² РГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2, л. 111 об.

в 1760 г.¹. Говоря об этом труде, В.Г. Мирзоев пишет: "Здесь Миллер избрасывает грандиозную перспективу: основываясь на базе южносибирских крепостей, осуществить проникновение в Среднюю Азию, а через нее - в Индию"². По мнению С.В. Бахрушина, данной статьей Миллер "превосходно выполнил свою миссию в вопросе об экспансии России на юг..."³. В действительности же в указанной работе историк пишет о том, что целью военных экспедиций в верховья Иртыша в первой четверти XVIII в. было не только золото Бухарин, но и "учреждение купечества" с Индией, "с воинскими людьми, которые, вместо того, чтобы законы от других принимать, сами другим оные предписывать в состоянии"⁴. Таким, по мнению ученого, был план Петра I, а основной причиной его неудачи стало то, что для его выполнения "надлежало путь возыметь через жилища таких народов, которые опасаются терять вольность свою и притом в состоянии находятся на роковой силе сопротивляться"⁵. Никаких собственных планов в отношении Средней Азии и Индии Миллер здесь не предлагает.

По-иному смотрел Миллер на отношения с другим южным соседом России - Китаем. По его мнению, стратегические интересы России требовали активного противодействия китайской экспансии, рано или поздно следовало поставить вопрос о возвращении территорий, отошедших к Китаю по договорам 1689 и 1727 гг. Договоры эти не рассматривались ученым как нечто незыблемое, поскольку были несправедливы и заключены в условиях военного давления со стороны Китая. Нелишним будет напомнить, что и инструкция, полученная Миллером при отправлении в экспедицию, предполагала особое внимание к Приамурью.

Для обоснования исторических прав России на все территории к северу от Амура Миллер использовал самые разные источники. Отметим наиболее важные аргументы историка.

Во время пребывания в Селенгинском и Нерчинском уездах в 1735 г. Миллер написал на немецком языке обстоятельную работу, посвященную истории горнозаводской промышленности в Забайкалье, - "История и описание Аргунских серебряных заводов в Нерчинском уезде Иркутской провинции в Сибири"⁶. В ней автор признавал, что местная традиция связывает происхождение древних горных разработок в Нерчинском уезде (благода-

¹ Миллер Г.Ф. Известие о песчаном золоте в Бухарине, о чиненных для него отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имели: Омская, Железская, Семипалатская и Усть-Каменогорская // Ежемесячные сочинения, к которым и увеселению служащие. 1760. Т. II.

² Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963. С. 160.

³ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. II.

⁴ Миллер Г.Ф. Известие о песчаном золоте... С. 6.

⁵ Там же. С. 3 - 4.

⁶ РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, д. 7, л. 1 - 28 об.

ря которым и были открыты русскими серебряные месторождения) с китайцами или монголами, да и в русских документальных источниках их имеют "то бодайскими, или китайскими, то мунгальскими ямами"!¹. По мнению же Миллера, китайцы не имели к этому никакого отношения и столь далеко на север их влияние в древности никогда не распространялось, не говоря уже о заселении. В подтверждение этому Миллер настаивает на том, что археологические памятники в крае имеют, несомненно, тюркское ("татарское") происхождение, а вовсе не китайское или монгольское. В частности, ученый опровергает сообщения Избранда Идеса и Ф. И. Страленберга о наличии здесь остатков китайских городов, предполагая, что под этими остатками они подразумевали величественные надгробные сооружения, сходные с теми, что имеются и в Южной Сибири (также тюркского происхождения).

Для подкрепления своей гипотезы о том, что древними населителями степей Забайкалья и Приамурья были не китайцы, а тюркоязычные племена, Миллер привлекает и письменные источники - китайские, монгольские, татарские, ссылается на труд Абулгази и др. Окончательно вопрос о древнем населении Приамурья и Забайкалья, по мнение историка, мог быть решен лишь после крупномасштабных археологических исследований региона и сопоставления археологических материалов в степной полосе от Приамурья до Южного Урала в целом.

Другой довод Миллера состоит в следующем: русские первыми включили в состав своего государства народы Северного Приамурья (в Албазинском уезде) и юга Красноярского уезда (Саянские горы, населенные саянами, предками тувинцев). Следовательно, у России существуют преимущественные права на данные территории.

И все же центральное место во всех рассуждениях Миллера по этому поводу занимает идея целесообразности и государственной пользы. Необходимость включения Северного Приамурья в состав России диктуется, по мнению историка, потребностью укрепить оборону и обеспечить свободный выход по Амуру в Тихий океан. Уже в экспедиции ученый предлагает ряд конкретных мер для решения данной проблемы. Так, в работе 1739 г. "Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири" он рекомендует построить в Нерчинске вместо ветхой деревянной крепости каменную. В дополнение к этому предлагает заложить еще одну крепость на мысу, образованном слиянием рек Шилка и Аргуни, которая "могла бы служить одновременно судовой верфью и провиантским магазином, когда будет необходимость предпринять действия против китайцев на Амуре"². Одним из миллеровских планов ре-

¹ Там же, л. 2.

² См.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 178.

шения вопроса о судоходстве по Амуру предусматривалась организация плаваний по реке вооруженных судов.

В последующие годы ученый написал ряд работ, посвященных Приамурью и взаимоотношениям с Китаем: "Известия о реке Амуре..."; "О первых российских путешествиях и посольствах в Китай"¹; "Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года"²; "История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением"³; "Рассуждение о предприятии войны с китайцами..."⁴; несколько других, менее значительных. Анализ этих работ не входит в нашу задачу. Отметим лишь некоторые высказанные в них соображения, имеющие непосредственное отношение к сибирским народам.

Миллер считал, что благоприятное для России решение вопроса о спорных территориях во многом зависит от народов, населяющих приграничные территории. Он указывал, в частности, что тунгусы, буряты и монголы живут по обе стороны границы и данный фактор необходимо учитывать русским властям во взаимоотношениях с этими народами. Справедливость, уважение, разного рода льготы не только обеспечат лояльность коренных жителей приграничных районов России, но и привлекут симпатии к русским их зарубежных сородичей. Особо подчеркивал историк значение клана тунгусских князей Гантигуровых в Нерчинском уезде, от позиции которых во многом зависели настроения тысяч тунгусов в Забайкалье. На это обстоятельство намекает Миллер в описании Нерчинского уезда, комментируя решение местных властей о прекращении выдачи Гантигуровым жалованья под предлогом их пьянства и общей бесполезности. Путешественник, хорошо знавший Гантигуровых, признает, что один из них действительно очень много пьет, добавляя саркастически: "Только много ли в Нерчинске и в большей части Восточной Сибири таких, о ком нельзя этого сказать? Если по этой причине лишать жалованья, то немногие избегут этого"⁵. Истинной причиной прекращения выдачи жалованья была, согласно данным Миллера, законопослушность князей, которые перестали делать щедрые "подарки" алчному воеводе после ознакомления с царскими указами, запрещавшими подобную практику под угрозой наказания.

Для службы на китайской границе Миллер предлагал активнее использовать потенциал бурят. Просьбы бурятских депутатов Уложенной комиссии о новых рангах для родовой аристократии дали ему повод к написанию

¹ РГАДА, ф. 199, вортф. 307, ч. 1, д. 23; СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 21, 31, 168.

² Ежемесечные сочинения, к пользе и увеселению служащим. 1755. Т. 2, июль. С. 15 - 57.

³ Там же. 1757. Т. 5, апрель. С. 305 - 321.

⁴ Там же. Т. 6, июль - октябрь. С. 3 - 39, 99 - 130.

⁵ Опубликовано в книге Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 378 - 393.

* См.: Элпарт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера... С. 202.

работы "Историческое описание братских калмык" (архивное название)¹. Здесь он предлагает набрать из бурят "легкое гусарское войско наподобие слободских полков". Всего, по расчетам историка, можно было укомплектовать 10 рот, образующих самостоятельный полк. "Способнейших к службе молодых людей" выбирали бы сами буряты, и только они должны были занимать все офицерские должности, исключая полковника и подполковника. Поскольку забайкальские буряты были, по мнению ученого, зажиточны, для них не составляло труда обеспечить своих служилых сородичей всем необходимым: "Мню, что сии брацкие, привыкнувши к службе, как они люди сильные и бодрые, лошадми и верблюдами, и рогатым скотом, и овцами изобилствующие, прекзрядное пограничное войско составлять будут"².

По мнению Миллера, вероятность широкомасштабной войны с Китаем была весьма велика и в этом случае "для способности языка и единородства" к военным действиям следовало привлечь не только коренное население Забайкалья, но и тобольских, тарских и томских татар, а также тюрков Красноярского уезда. Немало надежд возлагал ученый и на монголов, находившихся в китайском подданстве. Доказательства склонности многих монголов к принятию российского подданства он нашел в архивных документах XVII в. (взаимоотношения с княжеством Алтын-ханов) и в событиях XVIII в., когда русским властям в соответствии с русско-китайским договором приходилось насильно выдворять на китайскую сторону большое число монгольских перебежчиков.

Идеальным для Миллера представлялось такое решение пограничных вопросов в случае войны с Китаем, при котором к России отходило Северное Приамурье, часть Северной Монголии и Южный Алтай. Он предостерегал от соблазна присоединить те территории, на которые у России не было исторических прав. Даже если в случае успешных военных действий русские войска овладели бы Южным Приамурьем и Южной Монгoliей, то эти территории следовало вернуть Китаю после заключения мирного договора. В исконно китайские земли войска не должны были вторгаться ни при каких условиях.

В 1760-х гг., как и ранее в ходе сибирской экспедиции, историк не считал целесообразным включать в число российских подданных коренное население к югу от русских крепостей на Иртыше (Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Железенская, Ямышевская). Он, правда, допускал возможность освобождения от китайцев Джунгарии, которую те захватили незадолго до этого, но вовсе не с целью присоединения ее к России. Действуя в союзе с киргиз-кайсаками (казахами), русские могли им предоставить территорию Джунгарии. Миллер не только не считал желательным

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 346, д. 12, л. 1 - 4.

² Там же, л. 2 об.

пытаться сделать казахов российскими подданными, но даже тех джунгар, которые бежали от китайцев в Россию и приняли российское подданство, предлагал отпустить на их бывшую родину. Смещение казахов к югу имело бы, по мнению Миллера, позитивные последствия: между Россией и Китаем здесь создавался буфер, русское и коренное население юга Западной Сибири было бы избавлено от угрозы казахских набегов, и тем самым создавались условия для земледельческого освоения обширных пространств от Иртыша до Яика¹.

Геополитическими проектами Миллера предусматривалось также интенсивное земледельческое освоение русскими крестьянами всех южносибирских территорий от Иртыша до Аргуни, с использованием как свободных земель, так и части кочевий коренных народов. Для этого автор предлагал пойти на экстраординарные меры: разрешить свободно переселяться в Сибирь всем желающим крестьянам европейской части России, в том числе и крепостным; любому крепостному достаточно было объявили о себе в Верхотурье, и помещик уже не мог требовать его возвращения; помещикам такие крестьяне засчитывались бы в качестве рекрутов².

Исходя из того факта, что Миллер оценивал сопротивление аборигенных народов russkим в ходе присоединения Сибири к России как напрасное управство, логично предположить, что еще более негативно он относился к вооруженным выступлениям против государственной власти этих народов уже в качестве russийских подданных. На первый взгляд, "История Сибири" свидетельствует в пользу такого предположения - Миллер здесь почти всегда оправдывает строгие карательные меры против восставших. Говоря, например, о подавлении восстания пепымских ноголов (манси) в 1612 г., он пишет: "Ногулы понесли за свою безрассудную смелость заслуженную кару"³. Основной причиной восстаний Миллер называет в "Истории Сибири" злоупотребления отдельных воевод и служилых, добавляя при этом, что коренные жители, "не разбираясь в подобных насилиях, совершаемых отдельными лицами, считали их присущими всем представителям russкой власти"⁴.

Историк не жалеет красок, описывая факты несправедливого обращения с коренными жителями, а многочисленность подобных примеров заставляет читателя усомниться в правильности оценки этих явлений как действий лишь "отдельных" личностей. Восстания спровоцированы russкими, но если они произошли, то властям, чтобы не поставить под угрозу все свои приобретения за Уралом, не остается ничего иного, как подавлять их. По Миллеру, излипкая снисходительность, мягкость в отношениях с не-

¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание... С. 392.

² Там же. С. 380 - 381.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1940. Т. 2. С. 35.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 303.

покорными вредны с позиций долговременной политики и государственных интересов: "Некультурные народы не умеют различать причины мягкого с ними обращения; они не знают, происходит ли оно от великодушия или от страха. Они скорее склонны предполагать последнее, и их нельзя держать в повиновении иначе, как справедливым принуждением"¹.

Взгляды Миллера на взаимоотношения между русскими и коренными народами Сибири, изложенные им в "Истории Сибири", наиболее детально проанализировал В.Г. Мирзоев, а его выводы повторены затем в исследованиях и других авторов. В.Г. Мирзоев пишет: "Восстания сибирских народов Миллер объясняет очень осторожно: местное население доводит до отчаяния и вооруженных выступлений не сама царская система власти, а лишь ее отдельные представители, которые насильственно вымучивают дань в свою пользу, беспощадно грабя подданных. Это - старый прием, характерный для идеологов классового общества, которые не хотят видеть порочность всей системы, а видят лишь пороки отдельных ее исполнителей и, обвиняя их, защищают тем самым систему"².

Упреки в адрес официального историографа Российского государства в том, что он не показал порочность всей "царской системы власти", выглядят по меньшей мере странными. Столь же странным было бы сейчас обвинять авторов академических изданий, современников В.Г. Мирзоева, в том, что они не показали деградацию и вымирание многих сибирских народов в XIX в. и не объяснили это всей "системой советской власти". Утверждение же, что "Миллер целиком оправдывает действия русских, даже грабительский характер карательных походов для подавления восстаний"³, не соответствует действительности и совершенно искажает смысл фрагмента, на который в подтверждение своих слов ссылается В.Г. Мирзоев. Миллер здесь лишь констатирует тот факт, что важнейшим стимулом для участия как служилых, так и "простых людей" в военных походах против калмыков, не являвшихся, кстати, русскими подданными, был захват плениников и скота⁴.

В экспедиционных записях Миллера, его этнографических трудах мы также не встретим обличий всей "царской системы власти", но порочность и неэффективность системы управления Сибирью и населяющими ее народами показана здесь достаточно отчетливо. В рукописных работах ученого мы не обнаружим оправданий жестоких карательных мер русской администрации Сибири в отношении коренного населения. Миллер собрал множество сведений об актах неповиновения и восстаниях почти всех народов Сибири и всякий раз вину за это возлагал на русские власти. Несправ-

¹ Там же.

² Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 155 - 156.

³ Там же. С. 156.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 34.

ведливое и жестокое обращение с ясачным населением, произвол властей, грабежи и поборы приказчиков, ясачных сборщиков, служилых и промышленных людей - это, по его мнению, не злоупотребления отдельных лиц, а всеобщая практика.

Уже сам порядок назначения должностных лиц, управлявших коренным населением и собиравших ясак, предполагал их обогащение за счет ясачных: как правило, взятка за такое назначение многократно превышала годовое жалованье служилого. Жалобы ясачных на приказчиков и ясачных сборщиков нередко приводили к их смещению и даже передаче целых ясачных волостей в ведение соседних уездов. Но это ничего не меняло, ибо истинная причина, казалось бы, столь решительных действий была не в заботе о благополучии аборигенов, а в желании прибрать к рукам доходное место или передать должность другому служилому за взятку. Миллер писал по этому поводу: "Если каждая несправедливость должна была бы являться основанием для этого (речь идет о фактах переподчинения ясачных Красноярского уезда енисейским служилым. - А.Э.), то приказчиков и казаков пришлось бы эвакуировать из всей Сибири". Среди воевод и других должностных лиц, конечно же, были и исключения, но о том, насколько они были редки, можно судить по рассказу князца Бетунской волости Якутского уезда Баниги Куреахова, с которым беседовал Миллер. 90-летний старик смог вспомнить хорошего воеводу, который не брал "подарков". Этим воеводой оказался князь И.П. Борятинский, правивший Якутским уездом около 70 лет назад².

Факты грабежа ясачных отмечены Миллером во всех сибирских регионах, но особой беззастенчивостью местные приказчики и служилые отличались на Северо-Востоке Сибири. Это можно объяснить как их бесконтрольностью в удаленных от уездного центра острогах и зимовьях, так и специфическим составом. Нередко служилый, сосланный в Якутск из Западной Сибири за казнокрадство или слишком вопиющие насилия над ясачными, получал здесь более высокую должность и почти неограниченную власть над коренными жителями на огромной территории. О возможностях для незаконного обогащения на Камчатке можно судить по рассказу упомянутого выше служилого В. Атаманова, который прибыл сюда вместе с приказчиком А. Петриловским в сентябре 1715 г. Когда в 1716 г. восставшие казаки сместили Петриловского, из награбленного им за этот короткий срок имущества они конфисковали соболей, лисиц и бобров 7722 шт., не считая десятков собольих и лисьих шуб и других мехов³. Для сравнения: в документах копийных книг Миллера сообщается, что за год до этого восставшие юкагиры отобрали всю ясачную казну, собранную

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, д. 9, л. 22.

² Там же, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 238.

³ Там же, л. 194 об. - 195 об.

на Камчатке за два года. Казна эта состояла из 7631 соболя, лисицы и бобра, а также других, менее ценных, мехов¹. Среди прегрешений Петровского, приведших к его смещению, Атаманов называет то, что он отнял для себя у подчиненных служилых около 40 "головных ясырок" (ительменских рыбьи-наложни).

В работе "География и нынешнее состояние земли Камчатки..." Миллер характеризует камчадалов (ительменов) как чрезвычайно миролюбивый и покорный русским народ: "Никто не запомнит, чтобы от них когда была какая противность с самого того времени, как они в ясашной платеж приведены"². Крупномасштабное и кровавое восстание ительменов в 1731 г. никак не повлияло на оценку этого народа ученым, поскольку у него были веские основания считать, что "учинилось" это "не от природной их злобы, но от нестерпимых обид тамошних прикащиковых"³.

Отмечая, что "неоднократно восставали и убивали русских" даже представители тех народов, которые отличались "робостью" и совершенно добровольно покорились русской власти (ханты, селькупы, самодийские и тюркоязычные племена Енисейского края, лесные тунгусы), Миллер пишет: "Но и в этом опять-таки повинно отчасти жестокое обращение со стороны русских начальников, отчасти это происходит от того, что их часто обирают служилые и промышленные, отчасти от того, что они не хотят позволить русским охотиться на своей земле"⁴. Упомянутая робость некоторых сибирских народов, по мнению ученого, это не прирожденное их качество, а выработанное: "Несправедливость, с которой относятся в Сибири к языческим народам, является причиной того, что они очень робки"⁵.

Больше всего, по оценке Миллера, страдали от несправедливого и жестокого обращения народы таежной полосы, которые из-за этого стремились как можно реже встречаться с русскими: "Они неохотно селятся близ больших дорог или на берегах судоходных рек, чтобы не подвергаться обычным обидам со стороны кого-либо из проезжающих"⁶. Эта убежденность, что от представителей русских властей (будь то воевода, приказчик или рядовой казак) нельзя ожидать ничего хорошего, немало вредила Миллеру, затрудняя его контакты с коренными жителями. Наставляя будущих исследователей, историк пишет, исходя из собственного опыта: "Сколько возможно, надлежит для проведения потребных известий из них изыскивать таких людей, которые разумеют русской язык, дабы без толмача с ними говорить. Ибо... нередко через толмача совсем иначе сказывают. Сверх же

¹ Памятники сибирской истории.. Кн. 2. С. 117.

² СПб ОАРАН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 79.

³ Там же, л. 79 - 79 об.

⁴ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 78 об.

⁵ Там же, л. 80 об.

⁶ Там же, л. 81 об.

того син народы в рассуждении нас, иностранцев, все гораздо простосердечнее, а при толмачах, которые выбираются из казаков, для чинных от них народу обид весьма боязливы бывают"¹. Рассказывая об одной встрече в пути с лесными тунгусами, он отмечает, что те упорно не желали подпускать его с толмачом близко к себе, угрожая при этом оружием. Впоследствии, когда контакт все же был установлен, выяснилось, что тунгусы были убеждены в том, что его уверения в добрых намерениях и обещания подарков - это обычная уловка, а на самом деле их либо посадят под арест, либо будут бить, вымогая имущество"².

Примечательно, что большая часть материалов Миллера о негативных моментах во взаимоотношениях русских и коренных жителей касается регионов, где русские были представлены почти исключительно служилыми и промышленными. Практически отсутствуют данные о конфликтах аборигенов с крестьянами, исключая тяжбы о праве использования тех или иных земельных угодий.

Общее недовольство коренных жителей действиями русской администрации усиливалось и практикой содержания "лучших людей" ясачных родов в заложниках. Условия содержания заложников подчас были таковы, что они либо końчили жизнь самоубийством, либо восставали. Рассказав о фактах убийства тунгусскими аманатами русских казаков, Миллер заключает: "Но из этого не следует делать вывод против мнения о хороших природных свойствах тунгусов. Ибо известно, как плохо обращаются с заложниками в зимовьях, так что они легко могут впасть в отчаяние"³.

Взгляды Миллера на характер отношений между русскими и коренными жителями Сибири варьировались в зависимости от того, в какой роли он выступал в конкретной работе - как историк или как этнограф. Для Миллера-историка приоритетными были "государственный интерес", слава и могущество России; в центре внимания Миллера-этнографа - человек, его нужды и чаяния. Однако различия между историческими и этнографическими сочинениями Миллера определяются в значительной мере и теми источниками, на которые опирался учёный. Для освещения истории включения народов Сибири в состав России в XVI - XVII вв. он использовал почти исключительно документальные источники из сибирских архивов, в которых события описываются в основном с русской стороны. События начала XVIII в., а также современное положение коренного населения он оценивает на основе показаний информаторов, как русских, так и аборигенов, и исходя из собственных наблюдений.

То, что в этнографических трудах учёный пишет в основном об отрицательных последствиях вхождения коренных народов в состав России,

¹ Там же, ф. 199, портф. 508, д. 1, л. 98 об. - 99.

² Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 80 об. - 81 об.

³ Там же, л. 80.

ни в коей мере не говорит об его антирусских настроениях и не противоречит общей положительной оценке присоединения Сибири к России. Вопреки распространенному мнению, Миллер вовсе не был бесстрастным собирателем фактов. Испытывая искренние симпатии к коренным жителям Сибири, он стремился облегчить их положение, и этим объясняется его пристальное внимание именно к негативным моментам во взаимоотношениях русских и аборигенов. В этом проявилось серьезное расхождение между Миллером и многими другими учеными XVIII в., обращавшимися к проблеме отношений русских с коренными жителями Сибири. Так, в работах С.П. Крашенинникова много говорится о злоупотреблениях служилых в отношении коренного населения Камчатки в прошлом, но оценки резко меняются, когда он переходит к характеристике современного положения ительменов после подавления их восстания в 1731 - 1732 гг.: "С того времени мир, покой и тишина в Камчатке, да и впредь опасаться нечего; ибо по высокоматерному всемилостивейшие государыни нашей императрицы Елизаветы Петровны о подданных своих попечению зделаны такие учреждения, что тамошним жителям лучшего удовольствия желать невозможно"¹. Говоря о христианизации ительменов, Крашенинников утверждает, что "зверской оной народ... в краткое время познав истину, оставил свое заблуждение так, что каждой ныне с сожалением и с смехом вспоминает прежнее житие свое"². То, что эти оценки далеки от реального положения дел на Камчатке, хорошо видно из описаний того же времени, сделанных Г.В. Степлером³.

О позиции Миллера-этнографа можно судить по его словам, посвященным ремеслу историка: "Обязанности историка трудно выполнить: вы знаете, что он должен казаться без отечества, без веры, без государя. Я не требую, чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которых нельзя рассказывать и которых, быть может, мало любопытны, чтобы раскрывать их перед публикой; но все, что историк говорит, должно быть строго истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести..."⁴.

¹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С. 499.

² Там же. С. 500.

³ См.: Georg Wilhelm Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka // Jenseits des steinernen Tores. Leipzig, 1963. S. 111 - 157.

⁴ Цит. по: Лекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I. С. 381.

ГЛАВА III

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ СИБИРИ В ТРУДАХ И МАТЕРИАЛАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА

1. Хозяйственные занятия и материальная культура

При сопоставлении этнографических описаний Миллера с описаниями сибирских народов, сделанными другими учеными и путешественниками XVIII в., бросается в глаза гораздо более пристальное внимание Миллера к вещам прозаическим и неинтересным с точки зрения рядового читателя. Для Миллера почти не существовало сведений, которые бы он считал бесполезными для науки. Для него, например, мало было сообщить, что жилище лесного тунгуса представляет из себя коническую берестяную юрту с жердевым каркасом: он детально описывает конструкцию этого каркаса, способы крепления его деталей, технологию изготовления берестяных полос, указывает размеры жилища, ориентацию входа, описывает приспособления для хозяйственных нужд, размещение вещей и людей в юрте, не забывая при этом сообщить о том, как называется та или иная деталь жилища на тунгусском языке. Сравнивая затем подобные сведения с аналогичными данными по другим народам, ученый делает выводы о типологическом сходстве, заимствованиях и т.д.

Выше мы уже отмечали, что Миллер делил сибирские народы на большие группы по разным принципам (степень оседлости, язык и др.). Одним из таких принципов было и деление по способу хозяйствования и источникам "пролитания".

Самым прогрессивным и перспективным (там, где это позволяли природные условия) Миллер признавал земледельческое хозяйство. Он считал, что хлебопашество не только наиболее надежное занятие с точки зрения эффективности, оно еще и меняет образ жизни аборигенов в лучшую сторону, приучает людей к систематическому труду, позволяет детям с раннего возраста избежать праздности и принимать участие в полезной деятельности. В распространении хлебопашства среди сибирских народов Миллер видел важнейшую задачу русских в Сибири. Однако практически все его материалы говорят о том, что реальные достижения в этом направлении являлись результатом не целенаправленной политики властей, а непосредственного общения коренных жителей с русскими крестьянами.

Правда, как отмечает Миллер, земледелие существовало у некоторых сибирских народов и до прихода русских - у татар Западной Сибири, Тюроков Кузнецкого и Красноярского уездов (в основном без использования тяглового скота). Однако перспективы развития земледелия ученый

видел в применении "русских" приемов хлебопашства и тщательно фиксировал все достижения в этом направлении. Земледелием "по русскому образцу" занимались, согласно его данным, многие татары-мусульмане Западной Сибири, буряты, тюркоязычные народы Южной Сибири (в особенности качинцы Красноярского уезда) и даже некоторые манси в отдаленных урочищах по р. Конде¹. В отдельных случаях земледелие уже явно приобретало предпринимательский характер. Так, по сообщению Миллера, один бурятский шуленга возле р. Ангары обрабатывал до 25 дес. пашни².

С особым удовольствием путешественник отмечает изменения в уровне благосостояния у тех народов, которые основным своим занятием стали считать хлебопашество. Описывая путь от Красноярска до Томска (1740 г.), Миллер отмечает, что из чулымянских татар состоятельные лишь те, кто, наряду со скотоводством, охотой и рыбной ловлей, занимается хлебопашеством. В "Описании сибирских народов" относительно тех же татар он сообщает: "Многие чулымянские татары также недавно начали заниматься земледелием и с этой целью, чтобы получить в этом деле больше знаний, просили, чтобы в местности по Верхнему Чулыму были основаны русские деревни"³.

Большой интерес представляют данные Миллера о распространении скотоводства у разных народов Сибири и о переменах, произошедших в этом виде хозяйственной деятельности в первой половине XVIII в. Народы тюркского и монгольского происхождения ученый считал прирожденными, "исковыми" скотоводами, называя в качестве примера якутов, не бросивших этого занятия даже в суровых северных условиях. Единственная, по его мнению, утрата произошла при переселении якутов с юга - исчезло овцеводство: "По-видимому... они на своих прежних южных местах жительства имели овец подобно другим народам, но потеряли их, когда уходили оттуда, и так как их изгнали враги оттуда, то, может быть, они потеряли овец по дороге, так как их нельзя гнать так быстро, как лошадей или рогатый скот"⁴. Утрата овцеводства якутами произошла не из-за природных условий - русские в Якутском уезде успешно разводили овец.

Материалы Миллера о скотоводстве у якутов имеют особое значение в связи с тем, что в отечественной историографии долгое время считалось, что якуты до прихода русских занимались лишь коневодством, а появление у них рогатого скота, стойлового содержания и сенокошения связывалось с русским влиянием. Ошибочность данной концепции была

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 521, ч. 2, л. 106 об.; портф. 517, ч. 2, д. 4; ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 115 об. - 116 об. и др.

² Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 116 об.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 118.

выявлены лишь в работах С.В. Бахрушина и С.А. Токарева¹. Среди данных Миллера есть немало таких, которые подтверждают его мнение о большой древности скотоводческих традиций якутов. Так, он приводит подробные сведения о 13 месяцах лунного календаря якутов, названия трех из них непосредственно связаны с заготовкой сена: "От-циа, то есть большой месяц, когда косят сено. Atirdschach-циа, то есть месяц граблей или вил, когда сено грабликами или вилами сбрасывается в большие кучи... Besinn-циа, 5-й месяц. Называется также Unna-ка-от-регет, то есть "когда коровам дается сено", поскольку в четвертый месяц, когда уже также все покрыто снегом, сено, тем не менее, не расходуется"².

Описывая традиционные якутские жилища, Миллер многие их особенности связывает со стойловым содержанием скота. К такому жилищу пристраивался хлев, в котором содержалось "до 40 - 50 коров и быков"; жилое помещение и скотное соединялись незакрываемым проходом, через который тепло от скота проникало в жилище, это имело особое значение ночью, когда огонь в очаге не поддерживался. В самом хлеву было лишь два окна, через которые выбрасывался навоз, а загоняли и выгоняли скот через жилое помещение³. Маленькие телята содержались в жилом помещении. Стойловым содержанием скота Миллер объясняет и сезонные перемещения многих якутов: "У якутов, у которых много скота, имеются также различные зимние юрты в разных местах, к которым они переселяются, когда в одном месте кончается сено. Таким образом за зиму они обычно перемещаются от 1 до 3 раз"⁴.

К скотоводству, учитывая его преимущества, перешли и некоторые другие народы Сибири. Наибольших успехов в этом добились нерчинские тунгусы, которых ученый признает одними из самых богатых скотом во всей Сибири. По его данным, некоторые тунгусы имели до 600 лошадей, 1000 - 2000 голов крупнорогатого скота, "а овец без числа". Между тем, основываясь на данных языка, Миллер пришел к выводу, что тунгусы в скотоводстве лишь ученики монголов, причем относительно недавние: "Что у них, как и у даурских народов, и маньчжуро-живущих в Китае, первоначально не было скотоводства, явствует из того, что в их языке кельзя

¹ Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Избранные труды по истории Сибири XVI - XVII вв. М., 1955. Ч. 2; Токарев С.А. Общественный строй якутов. XVII - XVIII вв. Якутск, 1945. См. также: Зыков Ф.М. Традиционные суждения о якутах (XIX - начало XX века). Новосибирск, 1989. С. 8 - 9.

² РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 5 - 5 об.

³ Согласно Ф.М. Зыкову, в XIX в. проход скота в хлев через жилое помещение у якутов наблюдалась лишь "в некоторых случаях у малоскотных хозяйств" (Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX - начала XX в. Новосибирск, 1986. С. 61). По данным Миллера, в первой половине XVIII в. это было характерно для всех якутов, независимо от того, сколько они имели скота.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 45.

найти названия для лошадей, быков, коров, овец, а вместо этого приняты монгольские названия. Отсюда можно заключить, что и скотоводству они научились от соседних с ними монголов”¹.

В “Описании Селенгинского и Нерчинского уездов...” историк сообщает, что, когда русские появились в Забайкалье, у баргузинских, еравинских и телембинских тунгусов были лишь домашние олени, тогда как к 1735 г. их занятием стало только коневодство². В полевом дневнике ученый указывает, что толчком к таким переменам послужил массовый падеж оленей от эпизоотии приблизительно 20 - 30 лет назад: “С того времени они завели лошадей, но имеют их лишь немного, меньше, чем брацкие, иногда лишь по 3 или 4 лошади у человека”³. Отказ от оленеводства привел к значительным переменам и в других сферах хозяйственной деятельности. Эти тунгусы, в частности, стали гораздо меньше заниматься охотой, в особенности соболиной, поскольку охота требовала дальних переходов по тайге, для чего лошади были менее пригодны, чем олени. Распространение коневодства взамен оленеводства отмечено Миллером и у других территориальных групп тунгусов - в бассейне Енисея, в Прибайкалье и др. Так, относительно тунгусов, живших по р. Джиде в Прибайкалье, он сообщает: “Прежде были оленными, сейчас нет. Имеют немного лошадей, иногда крупнорогатый скот и баранов”⁴. В связи с тем, что нередко причиной отказа от оленеводства был массовый падеж оленей, ученый делает следующее предположение: “По всей вероятности, нерчинских тунгусов и дауров постигло такое же несчастье. Возможно также, что преимущества скотоводства заставили их оставить прежний образ жизни, когда они держали оленей”⁵.

Причиной резких изменений в хозяйственной деятельности отдельных народов могли служить и политические события. Уход джунгарами кыргызов в начале XVIII в. привел к тому, что обширные пространства степей и лесостепей Южной Сибири, наиболее благоприятные для скотоводства, стали на время “бесхозными”. Однако продолжалось это очень недолго, и в освоении освободившихся угодий приняли активное участие не только скотоводческие народы (например, качинцы), но и многие “лесные” народы, в том числе бывшие “кыстымы” кыргызов. Миллер, в частности, пишет: “Сагайские и бельтирские татары, как и койбалы и байкотовцы, имеют скотоводство лишь со времени исхода кыргызов, тогда как раньше все они жили в лесах и существовали только за счет охоты”⁶. За короткий срок

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 117 об.

² Там же, ф. 199, портф. 525, л. 57 об.

³ Там же, портф. 521, ч. 1, л. 202 об.

⁴ Там же, л. 197 об.

⁵ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 118.

⁶ Там же, ф. 199, портф. 521, ч. 2, л. 20.

эти народы сумели добиться больших успехов в скотоводстве, а у сагайцев ученый отмечает даже "избыток овец и всяческого скота".

В отдельных случаях происходило и обратное. Например, у камашинцев Красноярского уезда еще лет 20 - 30 назад были, согласно рассказам информаторов Миллера, и лошади, и рогатый скот, но часть этого скота сожрали волки, а остальные животные пали от бескорьицы в снежные зимы (камашинцы сена на зиму не заготавливали)¹.

Величина и упитанность скота находились в большой зависимости от природных условий, и Миллер отмечает такую закономерность: крупный скот был лишь в южных и северных областях Сибири, а в средней полосе (Тобольский, Енисейский, Илимский уезды) он заметно мелькал. В качестве примера путешественник приводит Мангазейский уезд, где до недавнего времени повсеместно разводили крупнорогатый скот, завезенный из Енисейского уезда (в 1730 - 1733 гг. эпидемии уничтожили почти все поголовье этого скота). Несмотря на то, что скот в обоих уездах был одноковой породы, Мангазейский уезд имел животных гораздо более крупных. Аналогию этому ученый находит в Европе: прекрасный крупный скот там был на юге (Украина) и на севере (Исландия), а в Центральной Европе он был более мелким. Из пород лошадей ученый выделял степную сагайскую, славившуюся по всей Сибири.

Разведение домашних оленей, по мнению Миллера, это способ хозяйствования тех народов, которые не могут заниматься скотоводством в силу природных условий северной тундры и тайги. Для ученого не было сомнений в том, что домашние олени происходят от диких, но одомашнивание должно было произойти очень давно, ибо ни в настоящем, ни в недавнем прошлом он не смог найти примеров тому, хотя о попытках приручить диких оленей (тщетных) Миллеру сообщали. Еще одно доказательство давности одомашнивания оленя он видел в том, что у всех оленеводческих народов существовали разные названия для диких и домашних оленей.

Как уже отмечалось, самыми богатыми Миллер признает те оленеводческие народы, которые не подчинялись русским властям. Он называет такие цифры: у ненцев-юраков и чукчей в среднем по 200 - 300 оленей, а у богатых - до 3000. После них следуют тавги (иганасаны) - обычное число оленей на семью 50 - 100 и более, у богатых - до 1000. Далее он пишет: "Остальные народы не столь богаты, ибо сибирские казаки и ясачные сборщики в прежние времена, когда Сибирь еще не была в такой мере покрыта русскими поселениями, по большей части питались оленями этих народов. Так же и в северных местностях, где хлеб не растет, как, например, у самоедов, юкагиров, коряков, у которых они и сейчас преимущественно питаются оленями"². Поэтому, отмечает Миллер, у этих народов

¹ Там же, ф. 181, л. 763/1386, ч. 1, л. 117.

² Там же, л. 125.

тот, кто имел стадо в 100 оленей и более, уже заметно выделялся среди сородичей богатством. У юкагиров таких людей еще можно было встретить в бассейне р. Анадырь, а на Яне, Индигирке, Алазее и Колыме редко кто из юкагиров имел более 20 оленей. Меньше всего оленей было у лесных народов, основным занятием которых оставалась охота. На еду они забивали оленей лишь в случае крайнего голода.

Наиболее подробно Миллер пишет об охоте, единственном роде занятий, распространенному у всех сибирских народов, хотя и в неодинаковой степени. В отличие от скотоводства, охота испытала довольно значительное русское влияние, выразившееся прежде всего в распространении огнестрельного оружия. Известно, что продажа пороха и свинца аборигенам была запрещена, чтобы, как пишет историк, "они не могли пользоваться европейским оружием в случае бунтов против русских"¹. Однако, по его свидетельству, огнестрельное оружие коренные жители, в особенности буряты, забайкальские тунгусы и тюркязычные народы Южной Сибири, имели в большом количестве "и почти все у них забыли бы старое оружие, если бы могли получать в достаточном количестве порох и свинец"². Утверждение это, на наш взгляд, слишком категорическое, да и сам Миллер признает преимущества лука при многих видах охоты, в особенности конной.

О луках, стрелах, их разновидностях у сибирских народов, способах изготовления и применимости ученым написаны десятки страниц. Одних только луков Миллер описал около десятка разновидностей: разные типы двухсоставных деревянных луков, луки с накладками из китового уса, бычьего рога и т.п. В зависимости от материала изготовления и качества лук мог стоить 25 коп. (лиственничный), 1 руб. (из китового уса) и даже 3 руб. (с накладками из бычьего рога). Хорошие луки иногда продавались за тысячи верст от места изготовления: якуты покупали луки из китового уса, полученные с побережья Охотского моря, а луки с накладками из бычьего рога - даже из Китая (там их изготавливали дауры и другие народы Приамурья, продавали тунгусам - китайским подданным, те перепродают их российским тунгусам, и уже от них они попадали в Якутию).

Стрелы учёный классифицирует по их предназначению (боевые и для охоты) и материалу, из которого изготавливается наконечник (железные, костяные и деревянные). Описание каждого типа стрел (боевые, касатки, копейчатые, кибры, свистуны, оргиты, долотчатые, тамары, вилообразные, костеницы, скакушки и др.) дается по следующему образцу: "Тамары, деревянные стрелы: по-тувгусски Lukи, по-якутски Odogos, по-братски Vukи, на языке пумпокольских остатков Chaiaachan, на языке енисейских остатков Sohom. По большей части делаются из дерева, иногда также из кости, и их наконечник имеет форму маленького куриного яйца. Размеры

¹ Там же, ч. 2, л. 2 об.

² Там же, л. 2 - 2 об.

деревянных стрел обычно таковы, чтобы наконечник можно было охватить большим и указательным пальцами. У тунгусов и остяков такие стрелы делаются с наконечниками, у которых переднее полушарие состоит из кости и приклесно¹. Каждая такая характеристика в "Известиях о якутах..." и в "Описании сибирских народов" сопровождается рисунком.

Помимо этого Миллер сообщает о том, какие породы деревьев используются для дреков, из каких перьев делается оперение, какие стрелы применяют разные народы для охоты на определенные виды зверей и птиц, чем это объясняется и т.п. Так, он описывает применение стрел с лопатообразным наконечником (скакушки) при охоте на водоплавающую дичь и объясняет их название следующим образом: при стрельбе под небольшим углом они скакут рикошетом по воде, что увеличивает вероятность попадания в цель, и при этом одной стрелой может быть поражено сразу несколько птиц². Лучшими для оперения считались орлиные перья, и в то же время у многих народов орлы являлись объектом почитания и их нельзя было убивать. В связи с этим Миллер приводит интересные данные о выкармливании орлиных птенцов в неволе, после чего их, предварительно вырвав определенное количество перьев, выпускали на волю.

Столь же подробные сведения даются о конструкциях колчанов для стрел (боевых, для верховой и пешей охоты) у разных народов. Миллер сообщает даже о том, сколько стрел брал с собой на охоту, к примеру, тунгус или якут. Оказывается, что и здесь были определенные правила, в особенности в отношении стрел с железным наконечником, нарушать которые считалось грехом.

В описаниях способов охоты у Миллера наблюдается определенная систематизация: охота верховая и пешая, индивидуальная и коллективная, разного рода стационарными ловушками и сетями, ямами, самострелами, с помощью лука и ружья, отравой и др. Детальнейшие описания посвящены, в частности, облавной охоте, как в ее классическом виде (у бурят, нерчинских тунгусов, качинцев Красноярского уезда, белыakov и сагайцев Кузнецкого уезда), так и в некотором ее подобии (у юкагиров, неенцев). У бурят, монголов и нерчинских тунгусов на облавную охоту собиралось от 100 до 500 всадников, каждый из которых получал равную долю добычи. Такая охота продолжалась от 8 до 14 дней, постоянно перемещаясь по кругу в

¹ Там же, л. 6 об.

² Там же, л. 8. Этот тип стрел упоминается и в этнографической программе Миллера. По мнению Д. А. Клеменца (ошибочному), речь идет о каких-то самостреляющих для водоплавающей птицы приспособлениях, со стрелами, которые скакают и покидают, так "скакуны"-лагушки" (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. I. С. XVIII). Неверно и его определение названий кибитры как берестяных подставок для сетей. На самом деле это разновидность стрел с широким ромбовидным железным наконечником. Д. А. Клеменц в данном случае, видимо, основывался за звучанием этого слова с написанием подставок в некоторых русских сибирских говорах - кибасы.

определенном урочище. Для участников облавы, судя по описаниям Миллера, главной была не добыча, а возможность проявить смелость, ловкость, удачу: "На пути могут встретиться какие угодно препятствия, густые леса, высокие горы, крутые скалы, узкие ущелья, глубокие реки и т.д. - ничто не может остановить братского или монгола, когда он идет из облавы"¹. Добытая дичь обычно съедалась во время самой облавной охоты.

На такой охоте передки были несчастные случаи: всадники нахосили себе увечья, падая с лошади, а иногда, особенно когда круг облавы сжимался, стрелки поражали вместо животных своих товарищей. В последнем случае облава обычно прекращалась. Так произошло, например, когда осенью 1737 г. Миллер попросил верхоленских бурят организовать для него облавную охоту. Продлилась она лишь два дня, хотя была рассчитана на восемь, так как один из ее участников погиб.

"Слабым подобием" монгольской или бурятской облавы ученый называет облавную охоту у лесных тунгусов: она велась лишь на диких оленей, которых загоняли в круг и убивали из луков. Поскольку лесные тунгусы жили рассеянно по тайге, собрать на облаву удавалось не более 30 чел. Участники облавы передвигались пешком или на лыжах. Трудно сказать, насколько широко был распространен подобный вид облав - Миллер сообщает лишь, что так охотились оленевые тунгусы.

Немалый интерес представляют данные Миллера о групповой загонной охоте юкагиров на диких оленей, поскольку о юкагирах вообще сохранилось очень мало достоверных сведений применительно к XVIII в. Здесь также обнаруживаются элементы облавной охоты. В конце зимы в местах миграций диких оленей юкагиры устанавливали специальные крупноячеистые сети из кожаных ремней высотой до 2 м и длиной до 200 м. Продолжением такой сети с обеих сторон служили натянутые веревки с разведенной на них одеждой и тряпками. Сеть обычно располагалась за холмом, так что олени могли обнаружить ее лишь в непосредственной близости. Загоняли их в сеть мужчины-охотники верхом на домашних оленях или, если снег был слишком глубок, на лыжах. Запутавшихся в сети оленей обычно закалывали пальмами женщины, которые до этого были с головой укрыты в снежных сугробах рядом с сетью. На пути возможного отхода оленей таким же образом в снегу прятались мужчины, которые стреляли из луков. Как пишет Миллер, при такой сложной и продуманной организации охоты юкагиры "убивают всех оленей, каких они смогут пригнать к сети"².

В "Описании сибирских народов" Миллер пишет, что ненцы во время загонной охоты на диких оленей с февраля до конца зимы использовали вместо сетей палки с развешанными на них крыльями серых гусей или другими темными птичьими крыльями, выделяющимися на фоне снега. Палки

¹ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 15.

² Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 71.

устанавливались двумя сходящимися рядами на расстоянии до 20 м друг от друга. Длина таких рядов достигала версты. В загнанных в проход между рядами палок оленей стреляли из луков охотники, которые укрывались за специально сооруженными снежными укрытиями. Для такой охоты собиралось от 20 до 50 чел., из них лишь один или двое загоняли оленей, а остальные ждали в укрытии. Ненецкие женщины, в отличие от юкагирских, в такой охоте участия не принимали, поскольку считались нечистыми и приносящими неудачу. Точно так же ненцы проводили загонную охоту летом, только развесивали на палках уже белые крылья от куропаток, к которым добавлялись гирлянды из мха. Ряды палок направляли оленей к озеру или реке, а убивали их обычно рогатинами в воде¹. В "Известиях о якутах..." ученый сообщает, что наряду с описанным видом загонной охоты (он называет его "настоящим промыслом") ненцы в лесистых местностях использовали и ременные сети наподобие юкагирских. При нехватке мужчин в этом случае могли привлекаться девушки, в задачу которых входило отпугивать оленей от сетей, когда они еще не достигли нужного места².

Не столь эффектной, но, пожалуй, более эффективной была охота северных народов на диких олений, устраиваемая во время их миграций на реках (на "поплавах"). Одна такая охота при удаче могла обеспечить запасом мяса на несколько месяцев. Немногим менее добывчивой была охота на оленей с помощью специально обученного домашнего оленя-манчики. Умелый охотник, подкравшись под прикрытием манчики к стаду диких оленей, успевал поразить из лука до трех оленей, прежде чем стало разбегалось. По свидетельству Миллера, стоимость такого дрессированного оленя нередко в десятки раз превышала цену обычного оленя.

Не меньшее внимание уделяется в работах Миллера индивидуальной охоте. Наиболее детально она описана у тунгусов и туринских татар. Ученый дает подробное описание практически всех типов стационарных ловушек и других снастей, использовавшихся при индивидуальной охоте (кулемы, лести, слоупсы, плашки, черканы, капканы, сети, петли, самострельные луки, чучела птиц, манчики и т.д.), отмечая при этом, что многие из них вошли в употребление у аборигенов лишь после прихода русских. Описания сопровождаются информацией о том, какие народы используют данную снасть и для добывчи каких животных. Об особенностях охоты на соболей Миллер сообщает довольно много сведений, однако в "Описании сибирских народов" он считал нужным уведомить читателей о том, что по этой теме имеется специальная работа, написанная "студентом Крашенинниковым".

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 17 об. - 19.

² Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 147 об. - 148 об.

³ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 21 об. Речь идет о статье С.П. Крашенинникова "О соболином промысле". Статья опубликована: Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 671 - 687.

Не обошел ученый и проблему бережного отношения аборигенов к природе и ее ресурсам. Ни один охотник, отмечает он, никогда не станет, например, уничтожать все поголовье бобровой латки. По следам зубов зверей на деревных охотник мог точно определить количество бобров в каждой хатке и даже их возраст. Если в ловушку попадались сразу все бобры, то по крайней мере одного из них выпускали на волю и жизнь в хатке продолжалась. Хищническое истребление бобров чужаками, как показывает Миллер на конкретных примерах у разных народов, было причиной многих серьезных конфликтов, заканчивавшихся нередко смертельными исходами.

Важнейшей составной частью охоты у коренных жителей Сибири (никогда даже преобладающей) ученый называет "ясачный промысел" - добычу пушных зверей, принимавшихся в уплату ясака. Хищническое истребление соболей в XVII в. привело к тому, что для их промысла нередко приходилось преодолевать расстояния в многие сотни километров. В полевом дневнике Миллер приводит подробный рассказ представителей шести тунгусских родов Якутского уезда, которые находились в ведении непосредственно Якутска и здесь же платили свой ясак, о том, что для ясачного промысла они отправлялись из урочища поблизости от города весной и возвращались лишь к январю; места их промысла находились на огромном расстоянии в горах Джакду в бассейне р. Селимджа, рядом с китайской границей¹. Некоторые якуты Нерюктейской волости занимались промыслом даже на Шантарских островах².

В столь дальние экспедиции отправлялись лишь немногие, все больше ясачных плательщиков предпочитали не заниматься самим охотниччьим промыслом, а приобретать необходимые меха у тех, для кого добыча ценных пушных зверей была основным занятием. О достаточно широком распространении такой практики свидетельствуют многие материалы полевого дневника Миллера. Относительно якутов он, например, сообщает: "Якуты Борогонского улуса между Леной и Алданом... кормятся большей частью сдачей внаем лошадей между Якутском и Верхоянском прикащикам и служилым... Но на промысел они не ходят, а соболей и лисиц, которыми они уплачивают ясак, приобретают за найм своих лошадей. Лишь немногие, живущие южнее озера Муру, ходят также и на соболинный промысел"³. Далее ученый пишет о якутах Намского улуса: "Кормятся большей частью рыбной ловлей и работой и приобретают этим свой ясак"⁴. В ведомстве Средневилюйского зимовья ясачным промыслом не занимались не только якуты, но и тунгусы: соболей для уплаты ясака они покупали в Якутске

¹ Там же, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 76 об. - 79 об.

² Там же, л. 160 об.

³ Там же, л. 136.

⁴ Там же, л. 138.

у русских, якутов и тунгусов¹. Бывало и так, что ясачные плательщики, которые не имели возможности ни добыть пушину, ни купить ее, нанимались на работу за уплату ясака. О такой практике среди некоторых ирочинских тунгусов сообщается, например, в одной из экспедиционных рукописей Миллера: "Которые скота не имеют, те за ясак работают у русских людей, и русские за них ясак платят"².

Интересны данные Миллера о качестве мехов, принимавшихся в уплату ясака, в различных регионах Сибири, об их оценке и соотношении стоимости разных мехов. Особенно велика была разница в стоимости соболей. В статье "О сибирских товарах" ученый пишет, что "плохой соболь из хороших мест редко бывает дешевле, чем хороший соболь из мест плохих"³. Соболи с Алдана, Олекмы, Уды и Яблонового хребта стоили 40 - 50 руб., а лучшие - 60 - 70 руб.; среднего качества соболь в Якутском уезде оценивался при приеме ясака обычно в 3 руб., в Красноарском и Кузнецком уездах - в 1 руб., в Томском и Нарымском - в 50 коп. и даже дешевле. Большая разница в ценах соболей приводила иногда к тому, что их небезуспешно "облагораживали". Как правило, подкрашиванием и копчением соболей в дыму занимались русские, однако немало таких умельцев было и у коренных жителей, в особенности среди якутов и бурят⁴. Поскольку размер ясака определялся в соболях, в разных уездах разное количество шкурок других зверей приравнивалось при уплате ясака к одному соболю. В зависимости от уезда один соболь мог приравниваться к 25, 40, 50 и 100 белкам, к 5, 10 и даже 50 горностаям и т.д.

Меньше у Миллера материалов о рыбной ловле, хотя и здесь он довольно подробно описывает орудия лова (запорные устройства, сети и неводы из крапивного волокна, конского волоса, кожаных ремней, иксового лыса, остроги, переметы, блесны, удочки и др.). Восхищается ученый якутскими рыболовными сетями, изготовленными из конского волоса - это один из немногих примеров, когда он отмечает эстетические качества орудий труда. По мнению Миллера, столь необычный материал стал использоваться для рыболовных снастей в то время, когда якуты переселились на север, не нашли там подходящих растительных культур (конопля, лен) и вынуждены были довольствоваться подручным материалом, который был у них в большом количестве. Однако затем они оценили преимущества конского волоса - прочность, долговечность, такими сетями можно пользоваться даже в самые сильные морозы, так как они не смерзаются подобно конопляным сетям. В окрестностях Якутска Миллер побывал на зимней рыбалке якутов, когда они осуществляли подледный лов неводом из конского во-

¹ Там же, л. 168.

² Там же, портф. 365, ч. 1, д. 2, л. 53 об.

³ Там же, портф. 505, ч. 1, д. 1, л. 19.

⁴ Там же, л. 20.

лоса. За один проход из невода доставали до 300 и более "больших жирных карасей"¹. Волосинные сети оценили и русские в Якутском уезде, которые также использовали их для зимнего лова.

В отличие от охоты, рыболовством занимались далеко не все сибирские народы и редко кто из бурят, нерчинских тунгусов, красноярских тюрок, сагайцев и бельтиров Кузнецкого уезда, основным занятием которых было скотоводство: "Употреблять в пищу рыбу они считают чем-то низким: они считают себя счастливыми, что их богатое скотоводство дает им удовольствие, так что они могут обойтись без такого кушанья"². Среднее положение занимали татары, и в этом они, пишет Миллер, стояли ближе всего к европейским народам - рыбная ловля была для них одним из многих средств к существованию.

Хотя Миллер и делит сибирские народы на кочевые и оседлые, он признает большую долю условности в таком разделении. Он замечает, в частности, что даже татары-мусульмане Тобольской провинции, по образу жизни и хозяйствованию никак не похожие на кочевой народ, все же обычно имеют зимние и летние жилища, находящиеся нередко на значительном расстоянии друг от друга. Причина сезонных или круглогодичных перемещений - "условия пропитания", которые делают невозможным постоянное пребывание на одном месте. Однако ученый отмечает и другое: "Все народы, которые переносят свои жилища с одного места на другое, находят в этом образе жизни особые преимущества и удовлетворение. Они сравнивают себя с птицами, которые не связаны ни с каким местом и не представляют себе, что можно жить с удовольствием, не имея такого разнообразия в своем времяпрепровождении. Труд, который они при этом несут... не перевешивает и не превосходит в их глазах получаемого ими удовольствия"³.

Миллером подмечено, что при всей кажущейся беспорядочности и хаотичности перекочевки подчиняются определенным правилам. Относительно кочевых народов Забайкалья он пишет: "Эти народы, как и остальные, занимающиеся скотоводством, не бродят вокруг как попало, а у каждого семейства или рода существуют определенные излюбленные местности, за пределы которых они редко распространяются"⁴. У якутов он отмечает право собственности на урочища, пастбища, сенокосные угодья; нарушения этих прав часто приводят к затяжным тяжбам. Менее упорядоченно пользование охотничими угодьями, но и здесь ученый приводит примеры, когда устанавливалась определенная плата частью добычи за право охотиться на территории, принадлежащей иному роду или волости. Такая практика бытowała, к примеру, у селькупов.

¹ Там же, ф. 181, л. 763/1386, ч. 2, л. 24 об.

² Там же, л. 24.

³ Там же, ч. 1, л. 132.

⁴ Там же, л. 132 об.

Из транспортных средств Миллер наиболее подробно описывает олени и собачьи нарты, а также лыжи, сопоставляя их типы у разных народов. Подобные сопоставления привели историка к выводу, что освоение новых транспортных средств нередко имело далеко идущие последствия, включая миграции и даже смену хозяйственных типов. Так, учёный был убежден, что многие транспортные средства якутов заимствованы у русских и тунгусов (собачьи упряжки с нартами, речные суда-шитика - у русских, берестяные лодки - у тунгусов). Это и позволило якутам в XVII - первой половине XVIII в. заселить обширные пространства Северо-Востока Сибири. Он приводит следующие доказательства того, что собачьи упряжки появились у якутов только с приходом русских промышленных людей: нарты якутов в точности скончны с нартами промышленных, у них одинаковая упряжь и даже названия ее деталей (алак, потяг, свары и др.). Команды, которые якутский возница подавал собакам ("на!", "сюда!", "стой, стой!") также были взяты от русских промышленных¹.

В сфере материальной культуры учёным отмечены и другие разнообразные и довольно существенные следы русского влияния у всех сибирских народов, включая те, которые оставались независимыми. Прежде всего это влияние сказалось на составе предметов домашнего обихода, среди которых большой процент составляли вещи, не знакомые коренным жителям до прихода русских или известные, но уже русского производства (иглы, ножи и др.). В качестве примера можно назвать предметы, которые обычно клади в могилу женщины лесные тунгусы: котел, иглу, инструменты для обработки шкур, нож, ножницы, огниво, табачную трубку². Почти все они русского производства или происхождения. Впрочем, в других подобных случаях далеко не всегда можно однозначно определить происхождение тех или иных вещей.

У некоторых коренных народов Сибири (татары, буряты, якуты и др.) было достаточно развито ремесленное производство. Многие же предметы домашнего обихода попадали в Сибирь из Китая и других стран. Миллер, например, пишет: "Юкагиры покупают у русских табак, большие корольки, ножи, топоры, пальмы, котлы, огнива. Все это якутской работы"³. О технологии кузнецких работ учёный пишет немного. Интерес представляет его гипотеза, согласно которой до прихода русских примитивное железоделательное производство имело место у большинства сибирских народов, в том числе и у народов тайги. К XVIII в. об этом напоминало лишь существование у них кузнецов, которые использовали покупное железо русского производства. Наряду с якутскими, Миллер особо выделяет бурятских кузнецов, отмечая их поразительное искусство при изготовлении серебряных накладок и насечек.

¹ Там же, л. 134 об. - 136; ф. 199, воргф. 509, д. 3, л. 58 об. - 60.

² Там же, ф. 199, воргф. 509, д. 3, л. 39 - 39 об.

³ Там же, л. 71.

По поводу скучности домашней утвари, особенно у кочевников тайги, Миллер замечает, что они и не испытывают нужды в цирюлем, оно могло им быть даже в тягость: "Моралист оценил бы это выше, чем все сокровища цивилизованных народов"¹.

Очень заметными показались Миллеру изменения в одежде под русским влиянием. В главе "Об одежде у народов" в "Описании сибирских народов" он пишет: "Рубашки приняты теперь у всех народов, но их носит не каждый. Они переняли это от русских. Тобольские, тарские, тюменские татары носят шапки по русскому образцу, как и вообще у этих народов мужчины по остальной одежде не отличаются от русских... Все остыки носят рубашки, ибо они крещены и полагают, что рубашки составляют принадлежность христианской религии. Большинство их носит русское платье"². Якуты, хотя и не были крещены, также носили русские рубашки, причем не только мужчины, но и женщины.

Подобных сведений в рукописных материалах Миллера много. Любопытные наблюдения имеются относительно приспособления традиционной одежды к "русской моде" и русской одежды к национальным традициям. В Мангазее, например, Миллеру удалось увидеть иганасан в русских суконных запусах с вшитыми цветными полосами, какие было принято вшивать в парки³. О непредсказуемости и капризности моды говорит следующее наблюдение: "Нерчинские тунгусы, которые вообще во всей одежде с головы до пят следуют монгольской моде, имеют пристрастие и к немецкой. Они покупают у русских за любую очень высокую цену старые суконные платья какого угодно цвета, лишь бы они были сшиты на немецкий лад, и надевают их тогда, когда хотят иметь наиболее торжественный вид"⁴.

Отмечает путешественник и факты заимствования русскими отдельных элементов одежды коренных народов. По вполне понятным причинам наиболее сильны были такие заимствования в северных областях. Так, Миллер пишет: "Русские в Якутском уезде вследствие тамошних больших морозов нашли якутские шапки столь удобными, что зимой не увидаишь ни одного человека, ни мужчины, ни женщины, кто не носил бы такую шапку"⁵. В статье "О сибирских товарах" он сообщает, что русские в северных уездах оценили также "прекрасные, но недолговечные" шубы из лебяжьих шкурок, какие носили нивнебоские остыки (ханты): "Из русских их обычно имеют только приказчики в городах, так как это редкий товар"⁶.

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 108 об.

² Там же, л. 51.

³ Там же, л. 60.

⁴ Там же, л. 67.

⁵ Там же, л. 55 - 55 об.

⁶ Там же, ф. 199, портф. 505, ч. 1, д. 1, л. 23 об.

Структура питания претерпела под русским влиянием, по оценке Миллера, весьма незначительные изменения. Исключение здесь составляли лишь мука и крупы (для тех, кто мог их приобрести). Но хлеб "русского образца" выпекали очень немногие: Миллер называет только туринских татар. Почти все другие народы использовали муку для заправки разного рода бульонов и отваров. Отмечая большую консервативность в сфере питания, Миллер приводит в качестве примера свои тщетные попытки власти усовершенствования в технологию изготовления молочной водки с целью повышения её крепости. На все предложения ему неизменно отвечали, что никакие новшества им не нужны, они будут делать точно так же, как это делали их предки¹.

Сравнивая структуру питания европейцев и сибирских народов, Миллер с удивлением отмечает: "Вообще можно сказать о всех сибирских народах, что они кроме той еды, которая у нас с ними общая, едят и даже считают лакомством то, что вызывает у нас отвращение"². Для него было понятно, что известная "всеядность" сибирских аборигенов вызывалась суровой необходимостью, была средством выживания. Но непонятно другое - почему некоторые продукты, несъедобные и отвратительные, с точки зрения европейцев, для сибирских народов были как раз привлекательными (содержимое желудков домашнего скота, последние коров и юбыл, кошки, кроты и т.п.). Относительно якутов он, например, сообщает: "Самое большое лакомство у якутов - кошки, которых они ловят с большим усердием. Богатый якут готов отдать лучшее и самое жирное конское мясо в обмен на кошку"³. Трудно сказать, насколько это сообщение историка соответствовало действительности.

У каждого народа имелись все же свои ограничения, вызванные либо отвращением к некоторым животным (например, отвращение к свиным не только у татар-мусульман, но и у многих языческих народов), либо религиозными запретами, табуированием. Особый случай представляла небольшая прослойка среди якутов. Миллер сообщает, что это были чрезвычайно совестливые люди, которые принципиально отказывались есть мясо хищных животных ("острое мясо", по их выражению), дабы не уподобляться этим зверям в своих отношениях с ближними⁴.

Самым показательным примером несовпадения вкусовых пристрастий европейцев и сибирских народов Миллер считает отношение к конскому мясу. "Особым деликатесом" конину считали не только скотоводческие народы, но и лесные тунгусы, а также другие народы таежной полосы. Ученый пишет, например: "Лесные тунгусы, у которых нет своего ското-

¹ Там же, я. 158.

² Там же, я. 145.

³ Там же, я. 147.

⁴ Там же, портф. 509, я. 3, л. 59 об. - 60.

водства, обменивают у якутов и брацких пушнину на конину или скупают у русских всех старых пошадей, непригодных для работы, которых затем забивают и съедают". Говоря вообще об употреблении в пищу мяса домашних животных, он замечает, что все народы едят издохшую скотину. Более того: "Можно даже сказать с уверенностью, что у них больше едят павший, чем забитый скот. Ибо надо быть уж очень богатым среди них человеком и считать свой скот сотнями и тысячами голов, чтобы иногда забить для себя и своей семьи быка или овцу"².

Много места отводит Миллер описанию различных кореньев, лукович и другой растительной пищи. Заготовка дикоросов на зиму для многих народов была важнейшей частью их хозяйственной деятельности. Миллер приводит многочисленные примеры, когда сезонные перекочевки у некоторых народов диктовались необходимостью сделать на зиму запасы сараны, внутренней части сосновой коры и т.п. Так, по его данным, поскольку на р. Тата (приток Алдана) сосен не было, местные якуты совершали для сбора сосновой коры переходы на реки Амга и Лена. В отношении древесной коры вкусовые пристрастия сибирских народов различались. Те народы, для которых кора входила в обычный рацион (якуты, тунгусы, юкагиры, ченцы и др.), предпочитали сосновую, а при ее отсутствии в случае голода - лиственную. Остки на Кети кору не запасали, но во время голода ели как сосновую, так и пихтовую кору, никогда - лиственную, считая ее совершенно несъедобной. Енисейские остыки предпочитали кору пихтовую, некоторые тюркоязычные народы - сосновую и березовую и т.п.

Близкой к европейской Миллер признает лишь структуру питания у татар-мусульман и новокрещенных татар Туринского уезда: важнейшими составными ее частями были зерновые культуры, мясо домашних животных, молочные продукты, рыба и, в меньшей степени, дикоросы и мясо диких зверей и птиц. Но и здесь имелись некоторые особенности, не всегда объяснимые рационально. Например, занятия хлебопашеством у туринских татар сделали для них излишним сбор сараны и многих других дикоросов, никогда они не занимались и сбором сосновой или пихтовой коры, но почему-то ели внутреннюю часть березовой коры. В большом количестве они заготавливали кедровый орех, но сами его не ели, а продавали русским. В рационе туринских татар достаточно большое место занимали ягоды, заготавливаемые на зиму (в особенности брусника), но, как пишет Миллер, "они очень удивляются тому, что русские такие большие любители кислой клюквы"³.

Посвятив немало язвительных строк теме пьянства сибиряков, Миллер почти ничего не сообщает об этом пороке в средеaborигенного насе-

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. I, л. 145.

² Там же, л. 145 об.

³ Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 172 об.

дения. Лишь у скотоводческих народов тюркского и монгольского происхождения было в традиции выгонять молочную водку, да и то это делалось преимущественно весной и в начале лета. У большинства других народов знакомство со спиртными напитками происходило обычно лишь при сдаче ясака, когда "лучшим людям" подносили вино. От такого угождения они не отказывались, но сами вина почти никогда не покупали.

В числе удовольствий сомнительного толка, получивших действительно большое распространение у сибирских народов, ученый отмечает повальное пристрастие к курению, которое буквально разоряло многих из-за дороговизны табака в отдаленных районах. В работе "География и нынешнее состояние земли Камчатки..." он пишет, что коренные жители Камчатки, которые только недавно узнали, что такое табак, "ныне к тому так привыкли, что им лучше голод претерпевать, нежели от того отстать. Мужья, жены, дети и челядинцы - все курят табак и каждому надобно в год по последней мере 2, 3 и 4 фунта"¹. Между тем из-за трудностей доставки и недальновидной политики государства, монополизированного продажу табака, цена его в лучшие годы составляла шесть лисиц за фунт, а в отдельные годы табак на Камчатке продавался по лисице за золотник. Миллер пишет, что при сохранении существующего положения дел камчатские народы неизбежно придут во "всеконечное убожество", и предлагает разрешить свободную продажу табака всем желающим, а из казны продавать его не более, чем вдвое дороже той цены, которую платят за него китайцам². Миллер считает, что распространение табакокурения среди русских жителей Камчатки связано с влиянием на них образа жизни коренных жителей: "Понеже они на камчадальских холопках женаты или от оных родились, все камчатские обычан приняли и потому столько же или еще больше, как камчадалы, табаку курят"³.

Среди наркотических веществ, употреблявшихся сибирскими аборигенами, ученый называет мухоморы и опиум. Об употреблении мухоморов он обычно упоминает только при описании остиков, хотя почему-то считает нужным сообщить, как называется мухомор на языках и ряда других народов. Употребление опиума было распространено лишь у некоторых западносибирских татар и бухарцев, и в связи с этим путешественник делится некоторыми наблюдениями о его действиях: "От опиума становятся очень веселыми и возбужденными. Если у них имеются трудные для чтения книги, то употребление опиума так проясняет их сознание, что они легко могут понять и самые трудные места"⁴. Однако далее он сообщает о последствиях злоупотребления опиумом: "Те, кто употребляет много опи-

¹ СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 88 об.

² Там же, л. 89 - 90.

³ Там же, л. 88 об.

⁴ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 160 об.

ума, какими бы они ни были тучными прежде, от этого становятся очень худыми, высыхают и, наконец, приобретают чахотку”¹.

Детальный анализ хозяйственных занятий сибирских народов и их материальной культуры привел Миллера к фундаментальным выводам об исторической обусловленности процессов, происходивших в этих сферах жизни аборигенов Сибири. Миграции на новые территории с другими природно-климатическими условиями, контакты с соседними народами, изменения в политической ситуации, ассимиляционные процессы и другие факторы имели следствием изменения, подчас очень глубокие, в характере хозяйственных занятий, орудиях труда, транспортных средствах, жилищах, одежде и др. Особенно существенными считал Миллер перемены, произошедшие вследствие вхождения сибирских народов в состав России. При этом он имел в виду не только непосредственное влияние русской культуры на коренные народы, но и новые общественно-политические и экономические условия, в которых эти народы оказались. Ученый не дает однозначной общей оценки перемен, связанных с русским воздействием. Изменения негативного характера он связывает, как правило, с внешэкономическими факторами или с явлениями, которые обусловлены ими. По его наблюдениям, наиболее заметно оказывались эти факторы на жизни народов таскной полосы. Основными причинами их бедности Миллер считал беззащитность перед злоупотреблениями должностных лиц и тяжесть яса-ка в сочетании с истреблением промышленными людьми зверей в охотничьих угодьях аборигенов. В сферах непосредственно хозяйственной деятельности и материальной культуры он акцентирует внимание на положительном влиянии русских жителей Сибири. Русские жители, в свою очередь, также испытали в материальной сфере серьезное и многогранное воздействие аборигенной культуры. Судя по материалам Миллера, это было наиболее заметно в неземледельческих районах, в особенности на Севере и Северо-Востоке Сибири.

---

¹ Там же, л. 161.

2. Общественные отношения

Утверждения Миллера относительно родового деления сибирских народов не всегда согласуются между собой. Чаще всего ученый говорит об универсальном и всеобщем дляaborигенов Сибири институте рода, однако в отдельных случаях отмечает и определенные исключения. Так, он применяет термин "род" при описании остатков, но из контекста известно, что имеет при этом в виду чаще всего не род как таковой, а ясачную волость. В отношении остатков "сургутского языка" (хантов) он прямо заявляет, что родовых имен у них нет. Современные исследователи также выражают сомнение, что у хантов в XVIII в. существовало родовое деление (здесь мы не говорим о фратриях). Наиболее основательно эта проблема изучена З.П. Соколовой, которая пришла к выводу о большом своеобразии социальной организации у обских угров в XVIII - XIX вв., которое выражалось "во-первых, в большой аморфности их родовой системы, во-вторых, в длительном существовании дуально-фратриальной организации, из недр которой, возможно, так и не выделился род как экзогамная единица"¹. Однако в путевых описаниях 1740 г. Миллер все же выделяет несколько этнических групп хантов, отмечая при этом их родовые названия. Впрочем, и в этих случаях нельзя быть уверенным, что речь идет о родах в их классическом виде, а не о генеалогических группах. Более определены его данные о кетах - "енисейских остатках", их родовой состав показан в полевом дневнике за 1739 г. достаточно исчерпывающе.

В "Описании сибирских народов" ученый высказывает предположение, что родовое деление до прихода русских в Сибирь существовало лишь у народов татарского (тюркского) и монгольского происхождения. "У остальных языческих народов этого прежде не было, но введено у некоторых по примеру других во времена русской оккупации страны, ради многих удобств при взимании дани, и тогда роды назывались по именам самых знатных и богатых из них среди"². В подтверждение этой мысли Миллер приводит пример якутов: "Еще и сейчас... случается, что возникают новые роды. Ибо если человек имеет более одной жену и от всех имеет детей, то у детей от различных матерей, даже если они происходят от одного отца, каждая партия ведет свой род и называет его по имени своей матери"³.

Предположение Миллера о том, что до русских род существовал лишь у тюркских и монгольских народов, основано главным образом на следующем факте: именно у этих народов существовала сильная и влиятельная родовая знать. У остальных сибирских народов родовые начальники были

¹ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII - XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 164.

² РГАДА, ф. 181, л. 763/1386, ч. 1, л. 20 об.

³ Там же, л. 21.

впервые назначены русскими для удобства управления ясачными. "Камашицы, котовцы и другие народы в Красноярском уезде, которые живут в лесах, хотя и имеют начальника в каждом роду, которого они называют по-татарски есаулом, но они существуют лишь для сбора и сдачи ясака, как помощники сборщиков"¹. Родовые начальники у большинства сибирских народов назывались по-русски князьями, но Миллер приводит их названия и на языках коренных народов. И здесь обнаруживается, что не только у тюркских и монгольских народов имелись свои названия князцов, но и у тех, у кого, по мнению Миллера, не было до русских родовой знати: у ненцев - Biamо, или Вето, у кетов - Ki, у тунгусов - Nungga и т.д.

Наиболее сложным и упорядоченным Миллер признает политическое устройство у монголов и калмыков, у которых сложилась довольно стройная иерархия феодальной знати (хан, контайша, тайша, зайсан, шуленга, сасул, бошка). Достоинство и функции этих лиц Миллер объясняет, прибегая к титулам и должностям, принятым у европейских народов: "Хан и контайша, по-видимому, обозначают царское достоинство, тайша равняется князю, а зайсан - дворянину. Шуленга и бошка - служебные должности, которые можно сравнить с немецкими фогтами и чиновниками"².

Миллер является автором первого в России труда об отдельном со словин - дворянстве, известна его работа по сбору историко-генеалогических материалов, включающих сведения о более чем 200 фамилий³. Первые опыты работы в этом направлении относятся еще ко времени сибирского путешествия. Генеалогические разыскания историка в Сибири определились не только сугубо научными задачами, хотя они, конечно же, стояли на первом месте. В некоторых случаях учений использовал данные по генеалогии знатнейших аборигенных родов и фамилий для решения практических задач управления сибирскими народами.

В этнической истории народов Сибири заметную роль играли отдельные выдающиеся личности - военные вожди, главы знатных родов, мусульманские и буддийские миссионеры и др. Среди них можно назвать хантыйских князей Алачевых, суштинского князя Тояна, тунгусских князей Гантимуровых, предводителя Кангаласского улуса Якутии Тыгына и т.д. Миллер путешествовал по Сибири в то время, когда многие потомки этих людей не только помнили о своей родственной связи со славными предками, но и бережно хранили и передавали от поколения к поколению связанные с событиями прошлого предания, сведения по генеалогии их родов, жалованные грамоты и другие документы. Миллер тщательно выявлял и систематизировал эти данные, и в полевом дневнике можно обнаружить

¹ Там же.

² Там же, л. 19 об.

³ См.: Каменский А.Б. История создания и публикации книги Г.Ф. Миллера "Известие о дворянах российских" // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1992. С. 164 - 172.

сведения (подчас очень подробные) по генеалогии родов чатского Итемена-мурзы¹, сунгитинского князя Тояна², тунгусских князей Гантимуровых³, рода мусульманских миссионеров из Средней Азии и т.п.

Особое положение знати среди современников Миллер иллюстрирует при описании самых разных сторон жизни народов Сибири: говоря о судопроизводстве, он отмечает разницу в наказании за оскорбление простолюдина и знатного лица; при описании выражений дружбы и почтения - способы приветствий князцов и т.п. Некоторые из этих материалов свидетельствуют о складывании раннефеодальных отношений у ряда народов Сибири, в частности у якутов.

Представляют интерес материалы Миллера о наличии рабов (холов) у некоторых народов Сибири (якуты, тунгусы, ненцы). Источником пополнения рабов Миллер называет войны, очень частые в прошлом. Особенно много таких рабов было у якутов и тувалусов. Но рабы, как пишет историк, недолго оставались у своих господ и при первом удобном случае убегали к сородичам. Называет Миллер и другой источник: "Некоторые народы, например якуты, владеют рабами и рабынями из своего же народа. Ибо прежде среди них не представляло ничего удивительного, если бедный человек, когда ему необходимо уплатить дань или добыть средства к существованию, продавал жен и детей. Поэтому большое количество рабов и рабынь попало и к русским; впрочем, здесь принимались и насильственные меры"⁴. У ненцев, по данным ученого, из лиц женского пола в рабстве были только девушки, так как при достижении ими брачного возраста их выдавали замуж (с уплатой калмыма) и они становились свободными.

В этнографической программе, составленной для Фишера, вопросы судопроизводства у аборигенных жителей Сибири затрагиваются лишь в двух пунктах: "Есть ли между ними какой суд и расправа, чем оной суд производится. Нет ли при том какого пристрастия и не бывает ли от злых подлых обиды ... Сколько жестоко по прежним поведениям было у них наказание за смертоубийство, за прелюбодеяние, за блуд, воровство и прочая и сколь тяжко за то же ныне наказывают"⁵. Обращение к неопубликованным трудам и материалам Миллера показывает, что данная тема интересовала ученого в гораздо большей степени, чем об этом можно судить по его программе. Особенно насыщены сведениями о судопроизводстве почти у всех сибирских народов его "Известия о якутах..." и "Описание сибирских народов". В последней работе имеется специальная глава "Об отправлении правосудия у народов", но все же большая часть материалов по

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 521, ч. 1, л. 142 об.

² Там же, л. 342.

³ Там же, л. 237 об., 206 - 207 и др.

⁴ Там же, ф. 181, л. 763/1386, ч. 1, л. 22.

⁵ Там же, ф. 199, портф. 508, л. 1, л. 25 об. - 26.

данной проблеме рассредоточена в других главах, посвященных политическому устройству, духовным качествам, торговле и обмену и др.

Поскольку Миллера интересовала в первую очередь традиционная культура сибирских народов, в сфере судопроизводства он характеризует преимущественно нормы обычного права. Говоря об общих принципах управления правосудия, историк отмечает, что государственные органы власти стремились не вмешиваться в традиционные отношения внутри ясачных волостей. В соответствии с этой политикой функции судей по мелким спорным делам и преступлениям (кражи, драки, споры о калмыре и т.п.) были возложены на князцов и других представителей аборигенной знати (тайши, зайсаны, шуленги и др.). Уездные власти должны были рассматривать лишь значительные уголовные дела. Наиболее важным актом, регламентировавшим порядок судопроизводства, Миллер признает договор посланника Ф.А. Головина с монгольскими тайшами (1689 г.), основные принципы которого были распространены на многие сибирские народы. В целом указанные положения соответствуют современным представлениям о принципах судопроизводства у коренных народов Сибири в первой половине XVIII в., с тем лишь отличием, что в современных исследованиях большее значение придается инструкции Посольской канцелярии графа Саввы Владиславича-Рагузинского (1728 г.).¹

Как показывают экспедиционные материалы Миллера, положение дел в сфере судопроизводства у отдельных народов отличалось большим разнообразием, а общие принципы далеко не всегда соответствовали реальной практике. В частности, у некоторых народов князцы вообще не были наделены судебными функциями. Объясняет это ученый разными причинами. В одном случае он пишет: "Татары в Красноярском уезде ничего не знают о собственном правосудии, ибо иски они были подчинены русскому суду. Их приказчик на Июсе не имеет права уладивать даже вопрос о краже, если не хочет власть в немилость у воевод"². Ненецкие князцы в Мангазейском уезде, по его данным, сами не желали брать на себя отправление правосудия в своих родах, ссылаясь на то, что русское право - самое лучшее. В отношении хантов, селькупов и кетов это было вызвано слабой социальной дифференциацией и отсутствием авторитетной наследственной знати.

Сказанное выше отнюдь не означает, что народы, у которых князцы не выполняли судебных функций, вынуждены были решать все спорные вопросы посредством суда ясачных сборщиков, приказчиков и воевод. Материалы Миллера свидетельствуют о том, что до суда представителей русской администрации дело доходило очень редко даже в случаях серьезных преступлений: заинтересованные стороны предпочитали не вмешиваться в свои дела русские власти. Обычно право господствовало повсеместно.

¹ История Сибири. М.; Л., 1968. Т. 2. С. 131, 310.

² РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 83 об.

сто, в том числе и у тех народов, у которых родовая знать или раннефеодальная аристократия были наделены большими правами и должны были строго следить за соблюдением установленного порядка судопроизводства. Характеризуя судопроизводство у бурят, Миллер пишет, что, несмотря на все усилия властей "ввести русский закон за убийство, так как решать уголовные дела запрещено братским и другим народам императорским указом", у них по-прежнему распространена головщина. "Убийца или его родственники уплачивают ее родственникам убитого, чтобы они этим удовлетворились и не передавали убийцу городскому суду"¹. И это при том, что головщика у бурят редко составляла менее 300 голов скота, к чему иногда еще добавлялись девушки, верблюды и панцирь. Сходная ситуация была и у якутов: "За убийство убийца платят родным убитого, чтобы они не преследовали его городским судом, иногда 100, иногда 200 голов... Кроме того, обычно добавляется еще раб и одна или две девушки"².

По отдельным высказываниям Миллера можно судить о причинах, по которым коренные жители Сибири предпочитали руководствоваться нормами обычного права, а не искать справедливости у властей. Обычное право почти всех сибирских народов предусматривало материальную компенсацию понесенного ущерба, даже если этот ущерб был моральным. Оскорблениe, прелюбодеяние, кража, убийство - все имело свою цену, и эти нормы были освящены вековой традицией. Если виновный был не в состоянии компенсировать нанесенный ущерб, на помощь к нему приходил весь род, в определенной мере несший коллективную ответственность. (Миллер здесь, правда, акцентирует внимание на сострадательности сородичей.) Обычное право не знало тюремного заключения и, за редкими исключениями, телесных наказаний. Такие наказания по суду очень страшили виновных и не устраивали пострадавших, которые ожидали удовлетворения своих материальных претензий.

Миллер отмечает и такое немаловажное обстоятельство: "Все правовые вопросы решаются у всех народов между собою безоглагательно"³. В случае, если вина обвиняемого не была очевидной, вопрос о справедливости обвинения решался обычно просто, быстро и эффективно: обвиняемый должен был дать торжественную клятву, и это было достаточным основанием для его оправдания. Отказ дать клятву рассматривался как неоспоримое доказательство виновности. Несмотря на кажущуюся легкость, с которой преступники могли избежать наказания, редко кто из них, по мнению Миллера, решался на ложную клятву. Страх перед неминуемым возмездием за такое хущунство был сильнее страха перед наказанием. Рассказывая о подобной клятве перед священной скалой у бурят, Миллер

¹ Там же, л. 84 об.

² Там же, л. 84 - 84 об.

³ Там же, л. 83 об.

пишет: "Тот, кто дает клятву... приближается к скале не иначе, как с большим страхом и ужасом. А настоящий злодей, который по совести чувствует себя виновным, и вовсе не решается подойти к скале, ибо ожидает от нее неминуемого возмездия".

Миллер описал десятки вариантов торжественных клятв у разных народов. Наиболее сложной эта церемония была у тунгусов: обвиняемый собирал как можно больше свидетелей, в их присутствии забивал собаку, отлизывал ее крови и затем бросал в специально разведененный большой костер, произнося при этом клятвенные формулы. Тунгусы верили, что дух собаки вместе с ее кровью входил в тело человека и в случае, если он солгал, губил его до истечения годового срока. Самой распространенной клятвой у народов таежной полосы (ханты, кеты, селькупы, удинские буряты, котовцы, красноярские тюрки и др.) было поедание (или кусание) кусочка медвежьей шкуры. Говоря о тюрках Красноярского уезда, Миллер сообщает, что у них есть разные клятвы, но все они, даже призывы несчастий на головы детей в случае обмана, не считаются такими сильными, как клятва с поеданием кусочка медвежьей шкуры: "Если затем у татар обнаруживается, что кто-либо с нечистой совестью съел кусок медвежьей шкуры, хотя он и виноват, то такого человека считают за великого грешника. Он не может жить вблизи того человека, который приводил его к клятве, не имеет пользоваться водой из той реки или ручья, близ которых он живет, и должен со всем своим имуществом уйти в другое место"¹. Данная клятва считалась настолько ответственной и страшной, что названные выше меры распространялись в такой же степени и на того, кто заставил невиновного пройти через эту процедуру.

Вера в неизбежность кары, которая постигнет всякого, кто даст ложную клятву, у всех народов подкреплялась многочисленными рассказами о подобных примерах в прошлом. Русские власти осознавали эффективность традиционных языческих клятв и вносили их элементы в церемонии присяги или клятвы даже для представителей народов, принявших христианство. По свидетельству Миллера, кетских остатков, например, заставляли клясться перед русским судом, прикасаясь губами к медвежьей шкуре, повешенной над саблей ("как бы целуя" ее). Якутов заставляли прикасаться губами к оружию во время клятвы. Это применялось в отношении многих сибирских народов, но якутов, учитывая их особое почтение к огню, приуждали делать это перед особым костром. Ненцев заставляли кусать край иконы, и, казалось бы, этот обряд не имеет ничего общего с языческой клятвой иенцев, сопровождавшейся резанием или рубкой идолов, изготовленных из снега. Однако, по мнению Миллера, суть здесь одна: демонстративные кощунственные действия в отношении священных изображений могли ос-

¹ Там же, л. 88 об.

² Там же, л. 90 - 90 об.

таться безнаказанными лишь тогда, когда человек был невиновен, в противном же случае его ожидала ужасная месть.

Когда дело доходило до суда представителей властей, в итоге длительных разбирательств пострадавшими передко оказывались обе стороны. Пристрастность судей и взяточничество были характерны не только для русских должностных лиц, но и для многих представителей аборигенной знати. В целом положительно оценивая передачу судебных функций князьям, Миллер отмечает и негативные последствия этого, например, для родовых якутов: "Князцы получают еще больше оснований совершать несправедливости по отношению к своим... а если воевода принимает участие в грабеже вместе с князем, то злу нет конца и народ остается в порабощении". Поэтому несмотря на то, что князцы должны были судить по нормам того же обычного права, конфликтующие стороны старались не доводить дело до суда своих родовых начальников, предпочитая договариваться между собой.

Весьма любопытны материалы Миллера и его оценки, касающиеся криминогенной обстановки у разных народов и особенностей разрешения у них однотипных конфликтов. Эти вопросы ученый, как правило, связывает с моральными качествами и темпераментом представителей конкретного народа.

Эталоном нравственности для Миллера служили тунгусы. При этом ученый подчеркивает, что однаковыми моральными принципами руководствуются все тунгусы, будь то бедный пеший охотник тайги или богатый скотовод Забайкалья. "Внутреннее чувство чести не развито ни у одного народа так сильно, как у тунгусов. Среди них ничего не слышно о воровстве, обмане или иных преднамеренных обидах. Они гостепримы и щедры. Я не раз замечал у нерчинских тунгусов, что когда я дарил самому знатному из них китайский табак или кораллы, или иные излюбленные ими веши, то он делил все подаренное ему количество между присутствующими людьми своего племени, притом не из страха или насильственно, а единственно из чувства общности"¹. Казалось бы, в обществе, которое руководствуется подобными принципами, конфликтные ситуации должны быть очень редки. Однако почти полное отсутствие имущественных споров тунгусы с личной компенсировали конфликтами на почве защиты чести и достоинства. У большинства сибирских народов моральный ущерб возмещался уплатой нескольких голов скота или в ходе заурядной драки, щепетильных же в вопросах чести тунгусов могла удовлетворить обычно только смерть обидчика. Если оскорблечение было очевидным, стороны незамедлительно вступали в поединок (Миллер называет такие поединки дуэлями). В противном случае обвиняемый мог доказать свою невиновность, принеся указанным

¹ Там же, л. 76 - 76 об.

² Там же, л. 75.

выше способом клятву. Отказавшегося дать такую клятву обиженный считал себя вправе убить. В свою очередь, тот, кто считал себя несправедливо обвиненным, мог также потребовать сатисфакции за подобное оскорбление. Бывало и так, что сын вызывал отца на поединок и тот принимал вызов. Иногда незначительные по меркам других народов конфликты (например, подозрение в прелюбодеянии) приводили к военным столкновениям целых родов, если род обвиняемого вступался за него. Но и в этом случае действовали рыцарские правила: поле сражения заранее размечалось, участники не имели права переступать через ограничительные линии или специально разложенные костры, использовались лишь луки и стрелы, существовали определенные сигналы о готовности к примирению и т.п. У тунгусов на Подкаменской Тунгуске такие сражения предварялись поединками шаманов с обеих сторон.

Отсутствие "правильного" судопроизводства у тунгусов, их горячность и бескомпромиссность Миллер ироде бы и осуждает как проявления нецивилизованности, но в то же время не может скрыть своего восхищения "рыцарями тайги", их "внутренним чувством чести". О некоторых известных ему фактах, которые могли бросить тень на тунгусов и подвергнуть сомнению их выдающиеся человеческие качества историк предпочел вообще умолчать. Так, в полевом дневнике он приводит данные архивного источника о том, что на реках Верхняя Тунгуска, Кова и Чадобец тунгусы убили и съели в 1631 - 1632 гг. много промышленных¹. Когда же в "Описании сибирских народов" Миллер затрагивает проблему каннибализма, он ничего не сообщает о данном факте.

Сравнивая тунгусов с другими сибирскими народами, Миллер выстраивает такой ряд. Наиболее близки к тунгусам по честности и пониманию справедливости монголы и татары (турки). Буряты помещены на ступеньку ниже, поскольку они "уже довольно вороваты" и даже замечены в грабежах русских купцов. Особое место у Миллера занимают ханты, манси, селькупы и кеты. Им присущи честность, доброта, отсутствие стремления к наожне, неспособность эксплуатировать друг друга. К скверным качествам якутов Миллер относит большое распространение воровства (иногда довольно изобретательного), разного рода обманов, хвастливость и высокомерие знати, которая немилосердно грабила простых людей. Показателем некоморальных отношений внутри якутского общества Миллер признает и то, что среди домашних рабов у них было много не только захваченных в плен в результате военных столкновений (в основном с тунгусами), но и сородичей - беднейших якутов. Говоря о негативных чертах в характере якутов, Миллер использует не только собственные наблюдения, но и ссылается на мнение тунгусов².

¹ Там же, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 277.

² Там же, ф. 181, л. 763/1386, ч. 1, л. 80.

О степени честности и других качествах свидетельствуют, по мнению Миллера, и обычай, связанные с торговлей и обменом между людьми, а также то, как оформляются долговые обязательства. Многочисленные данные на этот счет приведены как в черновых экспедиционных записях, так и в "Описании сибирских народов".

В целом историк отмечает смягчение нравов у сибирских народов со временем вхождения Сибири в состав России. По его мнению, стало гораздо меньше не только межэтнических конфликтов, но и убийства на бытовой почве, многие кровавые обряды из-за преследований их русскими властями ушли в прошлое или стали чрезвычайно редки (в том числе человеческие жертвоприношения, захоронения слуг вместе с их умершим господином у якутов и др.). В "Известиях о якутах..." путешественник приводит слова богатого князца Батуруской волости Ниргая, который говорил перед смертью: "Хотя справедливость и требует того, чтобы его снабдили при смерти для компании рабыней... но все же, поскольку мир сейчас стал таким предусмотрительным и его потомкам от подобного действия может последовать зло, то он не желает, чтобы они подвергали себя опасности"¹. Опасность заключалась в том, что воевода мог воспользоваться случаем и обобрать родственников умершего. Впрочем, согласно показаниям информаторов Миллера, отдельные случаи тайных захоронений слуг вместе с хозяином у якутов еще имели место. Ученый пишет: "Кучуник Мазарин, кангаласский князец, умер за полгода до нашего прибытия в Якутск. О нем тогда говорили, что с ним его родственники похоронили рабыню"².

Пожалуй, ни одна из проблем, относящихся к сфере общественных отношений, так не интересовала Миллера и не была им столь детально изучена, как проблема семьи и брака, рождения и воспитания детей. Соответствующий раздел в этнографической программе, состоящий из 97 пунктов, самый представительный. Еще более показателен объем глав "О браке" и "О рождении и воспитании детей" в "Описании сибирских народов" - 95 страниц, что составляет около 20% всего текста рукописи. Много места отводит учёный этой теме и в "Известиях о якутах...", и в полевом дневнике.

Прежде всего Миллер обращает внимание на то, что жесткие установления, ограничивавшие количество жен у одного мужчины, распространялись лишь на тех сибирских аборигенов, которые приняли мусульманство или христианство (моногамия у новокрещенных и максимум четыре жены у мусульман). У всех остальных сибирских народов, буддистов и язычников, количество жен никакими общими правилами не регламентировалось. Реальное же количество жен у каждого мужчины определялось почти исключительно его материальным достатком: "Иметь две или три жены - это

¹ Там же, ф. 199, портф. 509, л. 3, л. 100 об.-101.

² Там же, л. 101.

уже признак того, что человек очень богат"¹. Тем не менее, по наблюдениям Миллера, даже богатые скотоводы, владельцы многотысячных стад, обычно имели две, очень редко три жены. За все годы путешествия учёный смог лишь один раз непосредственно познакомиться с семьей, глава которой имел четырех жен, да и то это было за пределами Сибири - среди казанских татар. В самой Сибири ему удалось зафиксировать (со слов информаторов) один подобный пример, относящийся к якутам.

У народов таежной полосы, живших в основном за счет охоты и рыбной ловли, многоженство вообще было довольно редким явлением, а у самых бедных из них (камашинцев, тайгищев и др.) Миллеру не удалось обнаружить ни одного такого примера. Впрочем, констатируя положение дел, он оговаривается, что в прежние времена эти народы были не столь бедны и имели больше семей с двумя - тремя женами. Характеризуя, например, тунгусов Ниженеангарской волости, относившейся к Братскому острогу, Миллер пишет в полевом дневнике: "Сейчас они имеют не больше, чем по одной жене, так как бедны"².

В европейской литературе к тому времени существовала давняя и стойкая традиция резко отрицательного отношения к полигинии, что являлось существенным элементом противопоставления христианских ценностей мусульманской культуре и морали. Миллер решительно выступает против предвзятого, по его мнению, взгляда европейцев на политгинию. Он пишет в связи с этим: "Многоженство представляется теми писателями, которые возражали против его отправления, в крайне мрачном свете, как будто из него неизбежно должны следовать величайшие недоразумения, ревность и нелады в браке. Однако у тех народов, где оно имеет место, замечается как раз обратное, что происходит из их установлений и соблюдения порядка"³.

В правилах, регламентирующих отношения в семьях с несколькими женами, учёный усматривает особую разумность, которую, казалось бы, нельзя было ожидать от нецивилизованных народов. Важнейшими из этих правил он считает следующие. У татар-мусульман по закону муж не мог взять вторую, третью или четвертую жену без согласия первой, хотя, признает Миллер, в реальной жизни это правило соблюдалось далеко не всегда. Залогом порядка в таких семьях, где все жены жили в одном доме, было беспрекословное подчинение их первой, или старшей, жене. Муж мог как угодно сильно любить молодую и красивую жену, но это никак не меняло ее подчиненного положения.

Совершенно иным, но, по мнению Миллера, также хорошо организованным было семейное устройство у богатых скотоводов Южной Сибири:

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 1, л. 37 об.

² Там же, ф. 199, портф. 521, ч. 1, л. 253.

³ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 66 об.

(монголы, калмыки, буряты, нерчинские тунгусы, тюркоязычные племена Кузнецкого и Красноярского уездов) и у некоторых лесных тунгусов, имевших большие стада оленей. Каждая из жен у них имела, как правило, свою юрту, свое хозяйство, скот и прислугу. Миллер предполагает, что для такой практики существовали две веские причины. Во-первых, этим предотвращались ссоры между женами. Во-вторых, каждая жена распоряжалась той собственностью, которую она получила в приданое и в виде подарков, и те из них, кого родители лучше обеспечили, были бы недовольны равным распределением благ между женами. Впрочем, имущественное положение жен несколько выравнивалось тем, что муж свою собственность, если таковая оставалась после уплаты кальма, делил поровну между женами. Сам муж оставался без своего отдельного жилья и скота - в его задачу входило поочередное посещение жен и общий надзор над их хозяйством. Одну ночь муж проводил у одной жены, другую - у следующей, и он не мог нарушить этот порядок, исходя из особой любви к одной из жен. Соблюдать это правило легче было тем мужьям, жены которых жили рядом друг с другом (например, у тунгусов). У народов Южной Сибири в силу особенностей их скотоводческого хозяйства юрты жен нередко находились на расстоянии для пути друг от друга, так что большую часть времени муж проводил в переездах между ними. В связи с этим Миллер замечает: "Все это, разумеется, требует таких условий жизни мужа, что у него нет иных занятий, как только угодить своим женам и, кстати, присматривать у них за их хозяйством"¹. Поводом для недовольства и ревности могло послужить то, что муж явился к очередной жене, наевшись перед этим досыта у другой, и, следовательно, не мог по достоинству оценить ее старание угостить его как можно лучше.

В таком семейном устройстве Миллер усматривает лишь один существенный (с точки зрения европейца) недостаток: "Так как муж часто оставляет жен одних, то им представляется случай более свободно вступать в обычные недозволенные отношения со своими пасынками и братьями мужа. Если муж ночует у одной жены, сын или брат его приходит к другой"². Однако сами мужья не придавали особого значения таким фактам. Скандалы возникали, как правило, лишь в том случае, если виновные в пре любодеяния забывали об осторожности и, следовательно, об элементарных правилах приличия, которые позволяли мужу "не знать" о происходящем.

По мнению Миллера, весь опыт сибирских народов свидетельствует о том, что разделенная любовь мужа к нескольким женщинам такая же полноценная, как и любовь к единственной жене, а каждая жена вполне удовлетворена той частью любви, которую дарит ей муж. Преимущество такой

¹ Там же, л. 70.

² Там же, л. 70 - 70 об.

любви в том, что "каждая из женщин старается одна перед другой оказать мужу больше внимания, чтобы заслужить с его стороны большую любовь"¹. Еще одно преимущество полигинии Миллер видит в возможности обеспечить себя потомством в случае, если жена оказывается бесплодной: "Муж... женится еще на другой, не отказывая, однако, первой в любви и супружеском сожительстве"².

В данных высказываниях можно усмотреть, не без оснований, как чисто мужской, односторонний подход к проблеме брака, так и идеализацию многоженства. Однако, как это будет показано ниже, когда Миллер рассматривает вопрос о положении женщины в аборигенном обществе, картина представляется ему далеко не идиллической.

Одним из важнейших достижений Миллера в области этнографии явилось открытие им родовой экзогамии у языческих народов Сибири, носящей всеобъемлющий и универсальный характер. Рассматривая вопрос о степенях родства, допустимых при заключении брака, он обнаружил кардинальное различие во взглядах на этот вопрос у аборигенов Сибири и европейцев.

В сжатом виде рассуждения Миллера об экзогамии у сибирских народов таковы. Как и у европейцев, у языческих народов Сибири категорически запрещены браки между близкими кровными родственниками, однако родство определяется совершенно иначе. Каждый человек относится к тому или иному роду, и все члены этого рода, независимо от его величины, считаются кровными родственниками. "В этом отношении, - пишет Миллер, - они щепетильны, как в религиозном деле, так что ни один не возьмет жену из того рода, к которому он себя причисляет, если даже этот род весьма многочислен. Если даже он насчитывает 300 - 400 семейств и распространен на 1000 и более верст и никто уже не может припомнить или сказать, что он когда-либо слышал, в каком именно родстве они состоят между собою, - это для них совершенно безразлично. Простое родовое имя имеет у них гораздо большее значения, чем самое близкое родство, которое у них на глазах"³.

Последнее положение Миллер объясняет тем, что, согласно представлениям сибирских народов, после выхода замуж у женщины прерывается ее кровное родство с родом родителей и она становится членом рода мужа. Вследствие этого возможны браки между людьми, состоящими, в соответствии с христианскими нормами, в самом близком родстве или свойстве (женитьба на сестре матери, двоюродной сестре, племяннице, женитьба отца и сына на двух родных сестрах и т.д.). Предвидя возможные сомнения читателей в достоверности его данных об экзогамии у сибир-

¹ Там же, л. 68.

² Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 65 об.

³ Там же, л. 41 об.

ких народов, Миллер пишет: "Если такое обыкновение, столь противоречащее нашим обычаям, кажется нам удивительным, то я в подкрепление скажу, что это вначале казалось и мне весьма странным, и я с тем большим вниманием всюду об этом осведомлялся, причем нашел, что этот обычай вносит постоянный характер. Из этого нужно, однако, исключить народы магометанской религии и те, которые приняли христианство; они, в согласии с исповедуемым ими учением, держатся своих законов относительно запрещенных степеней родства при заключении браков".

С родовой экзогамией Миллер связывает и обычай сорората, распространенный у сибирских народов. Жениться на двух сестрах, в том числе родных, могли не только отец и сын или два брата, но и один мужчина. При этом мужчина мог брать в жены сестер как последовательно одну за другой, так и одновременно.

Детально характеризует Миллер и "столь удивительный для нас" обычай левирата (по его терминологии - "закон Левитов"). Истоки традиции, согласно которой у сибирских народов вдова во втором браке, как правило, становилась женой своего ближайшего родственника, а также библейского "закона Левитова" и мусульманского правила, согласно которым младший брат должен был жениться на не имеющей наследства вдове своего старшего брата, следует искать, по мнению Миллера, в обычаях, общем для Древнего Востока, едином уже в библейские времена. Отличительная его особенность у сибирских народов состояла в том, что у них на вдове мог жениться (но это не было обязательным) не только младший брат умершего, но и его старший брат, отец, сын от другой жены и другие ближайшие родственники. Не имело значения и то, было ли у вдовы наследство.

У разных сибирских народов Миллер отмечает все же определенные ограничения на этот счет. Вариантов таких ограничений он приводит очень много, укажем лишь некоторые. Если сургутские остыки в Мангазейском уезде до принятия христианства могли жениться на вдовеющей мачехе, то инбатские остыки и раньше считали это грехом; у тунгусов на мачехе можно было жениться только в том случае, если у нее не было детей (в отношении вдовы брата это не имело значения). У якутов мачеха обычно доставалась старшему пасынку (который мог отказаться от нее в пользу младшего брата), но большим грехом считалась женитьба на невестке или вдове младшего брата. Большинство подобных ограничений носило рекомендательный характер, а их нарушение влекло за собой лишь общественное осуждение и веру в неизбежность наказания со стороны потусторонних сил. Среди якутов, в частности, ходили рассказы о горбатых и страдавших иными уродствами, что связывалось с греховной женитьбой. Рассказывая о женитьбе старика-татарина Красноярского уезда на овдо-

¹ Там же, л. 42 - 42 об.

вившей невестке, Миллер сообщает, что это произошло вопреки протестам родителей вдовы и ссылкам на то, что такие браки издавна считаются большим грехом.

Казалось бы, женитьба одного из близких родственников умершего на вдове противоречит закону экзогамии, но Миллер вполне разделяет мнение на этот счет самих сибирских аборигнов: "Эти народы напрасно упрекают в отвратительном грехе кровосмешения. Они говорят, что смерть уничтожает всякое родство, и на вдову нужно смотреть так, как если бы она принадлежала опять к своему прежнему роду"¹. Законы экзогамии и в этом случае соблюдались неукоснительно, и если родные умершего мужа хотели выдать вдову замуж за постороннего человека, то из числа претендентов исключались все мужчины из прежнего ее рода.

В любом случае вдова находилась в полном распоряжении родных умершего мужа и объяснялось это следующим образом: "Основным правилом у них является то, что вдова во всем повинуется воле ближайших родственников своего покойного мужа. Она ему не наследует, а наследуют ближайшие родные, причем в наследство им достается и вдова, ибо, как они говорят, вследствие уплаченного халымы она переходит в собственность их рода"². Этой собственностью родственники стремились воспользоваться как можно более практично: если вдова была хорошей хозяйкой и пользовалась расположением родственников, ее оставляли в семье ("Никто не бросит без использования купленную плодородную землю и не прощаст ее другому, если хочет использовать ее сам"³), если же ее не любили и к тому же она неумела как хозяйка, ее выдавали замуж на сторону, чтобы взять халым и тем самым частично компенсировать предыдущие расходы. То обстоятельство, что у вдовы изменилась ее родовая принадлежность, делало возможным брак между ее родными детьми. По свидетельству Миллера, если вдову выдавали замуж в другой род, то дети от первого брака оставались у ближайших родственников умершего мужа и, следовательно, они и дети, рожденные во втором браке, считались относящимися к разным родам.

Говоря о возрасте, в котором вступают в брак, Миллер предостерегает от поспешных выводов, которые могут быть сделаны на основании отдельных примеров, являющихся не правилом, а лишь исключением из него. Такими исключениями он называет случаи очень ранних браков у кетов в низовых Енисея, когда девочек 5 - 10 лет выдавали замуж за мальчиков такого же возраста или старше, а иногда и маленький мальчик получал жену 15 - 20 лет. У якутов он также отмечает редкие примеры женитьбы маленьких детей приблизительно одного возраста и объясняет это желани-

¹ Там же, к. 43 об.

² Там же, л. 43.

³ Там же, д. 43 об.

см престарелых родителей "иметь от молодой пары развлечение и утешение в старости"¹.

Гораздо более распространенным было обручение малолетних детей и даже обещание поженить еще не родившихся. И все же, по заключению путешественника, "повсюду лишь половая зрелость полностью узаконивает брак, который без этого не может иметь места, и по большей части принято отдавать, когда обе стороны как окрепнут телом, так и приобретут с годами опыт, который позволит им с пользою вести хозяйство"².

При выборе невесты основное внимание обращалось на ее качества хозяйки, работницы. Все другое, в том числе и красота, имело второстепенное значение, хотя и учитывалось. К сожалению, Миллер ничего не говорит о критериях, по которым оценивалась красота женщины у разных народов, единственное исключение здесь составляют его пояснения к эпитетам, которыми якуты награждали одну из богинь высшего ранга, обладавшую, согласно миллеровскому переводу с якутского языка на немецкий, большой грудью и толстыми бедрами: "Вышеуказанные два качества являются в глазах якутов наиболее важными показателями красоты"³.

Браки по любви, согласно материалам Миллера, хотя и имели место у сибирских народов, были все же достаточно редким явлением. В любом случае выбор невесты был прерогативой родителей жениха или его ближайших родственников: "Так, отец выбирает невесту своему сыну, или старший брат младшему, или для племяннику, и он должен быть доволен этим выбором"⁴. Естественно, речь здесь идет о первом браке; вторую жену каждый выбирал себе по своему усмотрению. В очень редких случаях влюбленные, если родители не соглашались на их брак, могли сбежать, но тогда они должны были искать пути к примирению и достичь соглашения с родителями, без чего их брак считался недействительным и невесту родители были вправе вернуть в свою семью.

При описании обрядов сватовства основное внимание Миллер уделяет их важнейшему элементу - соглашению сторон о составе калмыма и приданого. Институт калмыма у сибирских народов давно привлек к себе внимание исследователей, но до сих пор его оценки у разных учёных существенно отличаются друг от друга, в особенности когда речь идет о его бытованиях в XVII - XVIII вв. Недостаток достоверных массовых сведений по этому периоду заставляет специалистов обращаться к материалам XIX в., когда данный институт находился уже в стадии разложения.

Предметом разногласий учёных является в основном определение сути института калмыма: был ли он покупкой невесты или все же формой

¹ Там же, л. 38.

² Там же.

³ Там же, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 20.

⁴ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 37.

обмена на равнозначное приданое, которое получала невеста. Так, по мнению Н.А. Минченко, «нет оснований считать уплату калыма у северообских народов фактической покупкой невесты. Это был обмен, когда-то осуществлявшийся целыми родами, а теперь ограничившийся кругом близких родственников и прививший форму "калым-приданое"». Л.В. Хомич, рассматривая институт калыма у иенцев, приходит к выводу, что реальная стоимость калыма значительно превосходила стоимость приданого и подарков со стороны невесты: «Таким образом, можно предположить, что приобретение жены у иенцев во второй половине XVIII - начале XX в. носило форму выкупа ее, первоначально у рода, затем у ближайших ее родственников и, наконец, у ее отца»².

В связи со сказанным сведениями Миллера об институте калыма у сибирских народов и его личные оценки представляют значительный интерес. Говоря о калыме в общем, Миллер пишет: «Во всей Сибири, да едва ли и не во всей Азии, принято, чтобы жених как бы покупал свою невесту. Цена, которая уплачивается за невесту, на татарском языке называется Kalmo или Kalum, и этим же словом пользуются для ее обозначения и в русском языке»³. В дальнейшем ученый уже не делает оговорок «как бы» и рассматривает калым как сделку, при которой мужчина, уплачивая его, получает взамен другое движимое имущество - жену. В прошлом, согласно Миллеру, нечто подобное калыму имело место у многих европейских народов, в том числе и у германцев. «Судя по этимологии слова свадьба, которая на обоих диалектах называлась Brudkaip, то есть покупка невесты»⁴.

Получение невестой приданого не meanло, по мнению Миллера, существа дела, ибо, «согласно повсеместно распространенному обычаю», отец невесты не обязан был давать дочери какое-либо определенное приданое, считаясь с размерами калыма. «Ибо они смотрят на выданье невесты действительно как на торговую сделку и считают поэтому, что жених в лице своей невесты получает достаточное возмещение за калым»⁵. И все же, приводя данные о размерах калыма у каждого народа, Миллер почти всегда сообщает о «приличных» соотношениях между калымом и приданым. Обычно приданое составляло по стоимости приблизительно половину калыма.

По наблюдениям Миллера, институт калыма сохранялся и у тех народов, которые приняли христианство (ханты, манси, селькупы, чулымские татары, кеты), и духовенство не возражало против этого, понимая, что «если

¹ Минченко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII - первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 187.

² Хомич Л.В. Иенцы: Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 180.

³ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, в. 2, л. 38.

⁴ Там же, л. 38 об.

⁵ Там же, л. 39 об. - 40.

бы даже их и хотели от этого отучить, это было бы весьма трудно, ибо этим народам кажется весьма несправедливым, чтобы отец, который поддерживал свою дочь до возмужалого возраста трудами и расходами, не получил какого-либо возмещения за свою дочь, когда она уходит из его рода в другой и он уже не может ожидать от нее ни каких-либо услуг, ни памяти о себе”¹. Поскольку калым по стоимости обычно значительно превосходил приданое, бедные люди больше радовались рождению дочерей, нежели сыновей: выдача дочери замуж могла поправить их материальное положение, тогда как женитьба сына лишь вводила в большие расходы.

Размеры калыма сильно варьировались как у разных народов, так и в пределах одного народа. Так, у бедных кетов на Енисее калым обычно составляла одежда из китайки или ситец на рубашки для родителей невесты. У ненеангарских тунгусов и красноярских котовцев калым доходил до 20 лошадей, у бурят - до 100 голов скота (а у бедных он состоял лишь из 5 - 10 голов), у западносибирских татар - до 30 голов скота, у ненцев - до 30 оленей (у юраков - до 100 оленей) и т.д. Существовали и определенные нормы относительно подсчета голов скота. У западносибирских татар, например, согласно Миллеру, из 10 голов лошадей в калыме одна была полноценной лошадью, остальные же могли быть жеребятами, меринами. Жеребая кобыла приравнивалась к двум головам, две овцы - к одной голове рогатого скота и т.п.

Размеры и структура калыма и приданого, а у некоторых народов даже соответствующая терминология могли существенно различаться в зависимости от степени богатства и знатности родителей жениха и невесты, красоты и других качеств невесты, любви к ней родителей. Наиболее подробно Мишнер освещает эти моменты при описании брачных обычая якутов в “Известиях о якутах...”². Здесь он дает сведения о следующих разновидностях калыма и приданого.

У якутов учёный обнаружил две основные разновидности калыма, называемые Atu и Sulu. Первый род калыма (Atu) “означает покупку и является обычным калымом, когда заключается сделка по поводу невесты, чтобы купить ее как любое другое движимое имущество”³. В зависимости от достатка, такой калым мог составлять от 3 до 20 голов скота (у северных якутов он выплачивался собаками, рыбой, мехами). При калыме Atu отец невесты был волен дать в приданое столько, сколько он хотел, или вообще ничего не давать. Такая разновидность калыма, пишет Миллер, в некоторой степени презиралась якутами, поскольку в данном случае муж мог делать со своей женой все, что ему заблагорассудится, вплоть до ее перепродажи другому человеку. Поэтому люди, “обладающие чувством

¹ Там же, д. 41.

² Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 90 об. - 94.

³ Там же, л. 90 об.

чести", выдавали своих дочерей замуж лишь посредством калыма Sulu. В этом случае отец невесты возвращал обратно почти столько же, а иногда даже и больше, и "с обеих сторон это рассматривается как подарки, которые они делают друг другу, а не как продажа"¹. Калым Sulu выплачивался обязательно четырьмя видами скота - меринами, кобылами, быками и коровами. Количество скота каждого вида у бедных составляло 2 головы, у богатых доходило до 8 голов. Ответный дар отца невесты жениху, называемый Еще, должен был состоять из половины Sulu. Так, если калым Sulu состоял из 8 меринов, 8 кобыл, 8 быков и 8 коров, то Еще - соответственно из 4 меринов, 4 быков, 4 коров и 4 кобыл. В связи с этим Миллер замечает, что жадные отцы невест требовали, чтобы Sulu состоял из нечетного количества голов скота каждой категории, в этом случае они могли сэкономить - дар Еще был меньше половины калыма (половину 7 голов составляли 3 головы, а не 3,5 и не 4).

Этим, однако, обязательства сторон не исчерпывались. Помимо калыма Sulu жених должен был преподнести отцу невесты еще и подарки, называемые Кигиш и состоявшие из забитого скота, количество которого вдвое превышало количество голов скота в одной части Sulu (т. е. если в каждой части Sulu было по 8 голов скота, то Кигиш состоял из 16 голов забитого скота). При этом среди битой скотины обязательно находились 2-3 жеребенка, а также крупный рогатый скот. Кигиш жених передавал будущему тестю постепенно, имея тем самым возможность встречаться со своей невестой. После передачи третьей части Кигиш жених даже получал разрешение вступать в интимные отношения с невестой.

В свою очередь, отец невесты должен был отдать отцу и мать жениха за Sulu и Кигиш различной одеждой, по стоимости примерно равной калыму Sulu. При этом существовали определенные нормы, предусматривающие даже вид материала, из которого изготавливается одежда. Так, если Sulu состоял из 4 голов скота каждого вида, то предусматривалась следующая одежда: шуба из волчьего меха, рысья шапка с серебряной пластинкой, низкая шуба из ровдуги, тагалай и женская шапка с обычными украшениями для головы, шеи и ушей, сутуры и торбасы.

У богатых якутов во время свадьбы отец невесты делал подарки отцу жениха, называемые Uii. Они состояли из собольих и лисьих шкурок, которые привязывались к коновязи во дворе, у входа в юрту и в самой юрте. Количество мехов доходило до 25 штук. Ответный дар отца жениха отцу невесты состоял из скота - быков, коров, телят и жеребят (взрослые лошади исключались). Стоимость этого скота должна была примерно соответствовать стоимости полученных от отца невесты мехов. Эти подарки назывались Charamdschi. На следующий день после свадьбы жених одаривал

¹ Там же, л. 91.

тестя, тещу и ближайших родственников жены (дядей, теток, старших братьев) лошадьми и рогатым скотом, что называлось *Billjach*. В ответ родственники жены должны были также сделать подарки жениху.

Приданое невесты (*Seti*), которое она получала перед свадьбой, состояло лишь из её одежды. Но некоторое время спустя, когда ее родители уже имели возможность убедиться в добром отношении их зятя к дочери, она отправлялась к родителям под предлогом забрать свою летнюю юрту и при этом получала оставшееся приданое в виде скота и домашней утвари. Через год после свадьбы молодая женщина еще раз "официально" посещала родителей и родственников и каждому из них должна была сделать подарок какой-нибудь скотиной. Миллер пишет, что невеста стремилась никого не забыть, ибо во время таких посещений получала ответные дары, называемые *Torkut*, состоящие из скота, которые по количеству должны были превосходить ее собственные подарки.

По свидетельству Миллера, редко кто был в состоянии сразу выплатить весь калым и передко проходило много лет, прежде чем жених мог, наконец, полностью рассчитаться и забрать невесту. В течение этого времени жених обычно регулярно встречался со своей невестой и даже сожительствовал с нею, но якобы "тайно". Ко времени свадьбы у невесты могло быть уже несколько детей, что воспринималось как вполне нормальное явление.

В случае, если жених уже заплатил часть калыма и отказывался от соглашения о браке, калым оставался у отца невесты. Однако, пишет Миллер, "со стороны жениха такое заявление бывает весьма редко, потому что тех же результатов можно, причем с большей выгодой, добиться и хитростью"¹. Хитрость эта заключалась в следующем. Жених делал вид, что по-прежнему добивается невесты, но не в состоянии заплатить оставшуюся часть калыма, а сам тем временем женился на другой. Прождав безрезуль-татно несколько лет, отец невесты выдавал дочь замуж за другого, что и нужно было первому жениху. Он заявлял о нарушении соглашения и добивался возвращения уплаченной части калыма.

По мнению ученого, хотя у всех сибирских народов обращалось внимание на то, девственна ли невеста, "это интересует мужа лишь постольку, поскольку он заставляет того, кто его опередил, уплатить за бесчес-тье. Но никогда не бывает, чтобы муж из-за этого перестал любить свою жену или отпустил ее от себя"². Единственное исключение здесь составляли тунгусы, "которые несколько более щепетильны, чем другие народы". У бурят, согласно данным полевого дневника Миллера, жених, обнару-живший, что его невеста недевственна, считал себя вправе забрать на-зад половину уплаченного калыма³. Говоря об этой проблеме, Миллер

¹ Там же, л. 46 об.

² Там же, л. 65.

³ Там же, портф. 521, ч. 1, л. 182.

замечает: "При этом они не ждут физических или медицинских доказательств, а считают себя вправе при малейших поводах к подозрению при нуждать невесту или молодую женщину к признанию, кому она подарила первые плоды любви".

Вообще ученый довольно подробно освещает вопросы, которых этнографы обычно не касаются. Рассказывая об интимных отношениях у различных народов, о первой брачной ночи, поясах "стыдливости" и т.п., он нередко признает, что приводить эти сведения, конечно, довольно стыдно, но что поделаешь, если того требует наука, для которой слова "стыдно" не должно существовать. Что касается собственно свадебных обрядов, то наиболее детально они описаны у тобольских татар-мусульман, монголов-буддистов, бурят-язычников, у якутов и ненцев.

Основной вывод, который делает Миллер при характеристике внутрисемейных отношений, - это повсеместно униженное и даже рабское положение женщины. "В сущности, - замечает он, - у всех сибирских народов и нет большого различия между рабыней и женой. Мужчина - господин, а жена - слуга. Лишь иногда крепость в супружеской любви делает более переносимым рабское подчинение женщины мужчине"².

Характеризуя семейные отношения у бурят, Миллер в "Известиях о якутах..." пишет, что муж может в любое время оставить жену, она его никогда. С женой, как и с любой другой собственностью, можно обращаться как заблагорассудится: "Мужу дозволено переломать ей руки и ноги без того, чтобы она могла защищать перед ним свои права"³. Но у бурят женщина получала определенные права хотя бы после смерти мужа, именно она считалась наследницей его состояния. У большинства же других народов, как отмечалось выше, вдова оставалась в полной собственности у ближайших родственников мужа.

Отношение к женщине как товару имело следствия: муж, недовольный женой как хозяйкой или уличивший ее в неверности, мог расторгнуть сделку и вернуть ее родителям с возвратом капыма. В этом случае у женщины еще оставался шанс устроить свою судьбу, однако наказание могло быть и более суровым, особенно если речь шла о нарушении супружеской верности с посторонним мужчиной. В этом случае муж нередко переводил жену в разряд рабынь и отдавал ее в услужение другой жене.

Основываясь на литературных источниках и собственных наблюдениях, ученый замечает, что европейская любезность и снисхождение в отношениях с женщинами кажутся всем восточным народам смешными и противоречащими самой природе. У сибирских народов женщина считается существом не только именем по отношению к мужчине, но и нечистым

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 63 об.

² Там же, л. 64.

³ Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 83.

в свирепом значении. Говоря о русских жителях Камчатки, вынужденных из-за отсутствия там русских женщин жениться на рабынях из числа коренных народов, Миллер сообщает, что они охотно переняли подобное отношение к женщинам: "Жена должна одна выполнять всю домашнюю работу, одевать и раздевать мужа, прислуживать за столом и т.д. А чтобы мужчина хоть иногда помог жене в чем-нибудь или посадил во время еды рядом с собою за стол, это является там совершенно неслыханным делом"¹.

Характеризуя положение женщин у сибирских народов как один из важнейших показателей нецивилизованности аборигенного общества, Миллер не склонен ожидать здесь каких-либо существенных перемен в ближайшем будущем: "Ожидать от женщины непослушания и противодействия мужчине не приходится. Женщина еще не осознала в себе сил, данных ей природой, которые у цивилизованных народов быстро вырвали женщину из рабства"².

Нормы морали, связанные с сексуальными отношениями и понятиями о стыде, у сибирских народов, согласно Миллеру, сильно различались и находились в прямой зависимости от степени цивилизованности того или иного народа. В отношении чукчей они стали для ученого даже определяющими. К числу неоспоримых свидетельств дикости чукчей он относит отсутствие всякого стыда у мужчин и женщин, которые могут находиться в юртах совершенно обнаженными даже в присутствии посторонних. Еще более диким показался ученому обычай приглашать гостей и даже русских пленных к плотской связи с женой или дочерьми хозяина, отказ от которой рассматривался чукчами как оскорблениe и показатель недобрых намерений. Бесстыдство чукотских женщин таково, пишет Миллер, что когда во время военного похода против чукчей в 1730 г. капитан Павлуцкий запретил связи с пленницами, "и женщины, и девушки пришли в такое негодование, что осыпали русских солдат и казаков презрительными словами и говорили, что они не настоящие мужчины, если так плохо ухаживают за своими гостями"³. По словам информаторов Миллера, чукотские и корякские пленницы, обращенные в рабство, отказывались работать, если хозяин не соглашался на сожительство с ними. О том же они сообщали и в отношении рабынь-камчадалок, которые в случае нежелания или неспособности своего господина уделять им мужское внимание, считали нарушенными их естественные права и убегали от хозяина.

Что касается других сибирских народов, то их представления о стыде и нормах в сексуальных отношениях имели, по оценке Миллера, довольно много общего с европейскими (особенно, у татар-мусульман), а в некоторых моментах они обнаруживали даже большую щепетильность. Так, уче-

¹ Там же, ф. 181, л. 763/1386, ч. 2, л. 64 об.

² Там же.

³ Там же, л. 63 об.

ный приходит к выводу, что хотя половые извращения, известные европейцам, и имеют место у сибирских народов, однако они чрезвычайно редки и считаются большим грехом. В связи с этим Миллер рассказывает об одном случае, когда якуты обнаружили противоестественную связь с мальчикамипольского пленного, служившего казаком в Якутске¹. Весть об этом, как о чем-то в высшей степени отвратительном, молниеносно распространялась не только среди якутов, но и среди соседних с ними народов, нанеся немалый ущерб престижу русских, которым была приписана склонность к этому пороку. Отсутствием причин, ведущих к пресыщению и разврату, объясняет Миллер меньшее, нежели у европейцев, распространение супружеских измен.

Собственно настоящей изменой почти у всех сибирских народов считалась связь жены с посторонним мужчиной. Недозволенная связь с братьями мужа и другими ближайшими родственниками рассматривалась скорее как шалость, заслуживающая наказания, но не очень строгого. У якутов совершенно непростительным грехом женщины считалась связь с русским. Миллер пишет, что в этом случае предусматривались лишь два варианта наказания - либо женщину переводили в разряд рабынь, либо вовсе прогоняли без всяких средств к существованию.

Миллер не обнаружил у сибирских народов института наложниц, но у тех из них, у которых практиковалось рабство, такую функцию в определенной мере выполняли рабыни, что приводило к ссорам и даже дракам между супругами.

Рассматривая вопросы, связанные с деторождением, Миллер констатирует тот факт, что, несмотря на явные преимущества сибирских народов перед европейскими (холодный и ясный климат, здоровое и сильное телосложение, скучное питание и планомерное воздержание в супружеских отношениях), у них не меньше бесплодных браков и не больше многодетных семей. Ученый описывает целый ряд рациональных и магических средств, используемых для борьбы с бесплодием у сибирских народов, и признает самым эффективным лечение по предписаниям буддийских священников теплыми водами.

Рассказывая о широком распространении мнения, что женщины сибирских народов рожают не так болезненно, как европейские, Миллер допускает, что это отчасти соответствует действительности и объясняется суровым образом жизни. Однако при этом он отмечает, что сибирские женщины, как и европейские, нередко умирают при родах. Ни у одного сибирского народа путешественник не обнаружил ничего похожего на настоящих повивальных бабок, однако роженицы не оставались без помощи, поскольку всюду имелись опытные женщины, которые могли помочь при

¹ Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 10.

самых тяжелых родах, включая поворачивание неправильно лежащего ребенка. "Они, - пишет Миллер, - умеют оказывать ту помощь, которой у нас отыскают только от лучших акушерок и операторов"¹.

Роды ученый описывает довольно подробно и по каждому народу в отдельности. Стандартный набор сведений обычно таков: где рожает женщина, кто при этом может присутствовать, в каком положении происходят роды, какие предпринимаются действия для их облегчения, какие обряды совершаются до и после родов, кто и как обрезает пуповину и т.д. Особое внимание уделяется обрядам очищения огнем, дымом, водой, которым подвергались роженица и новорожденный.

Наиболее своеобразными и суровыми Миллер нашел условия, в которых приходилось рожать тунгусским женщинам. Это происходило за пределами юрты, в противном случае женщина могла ее осквернить. Лишь в редких случаях мужья, очень любившие своих жен, строили для рожениц специальные маленькие хижинки из веток, да и то только зимой. Обычно же роды протекали под открытым небом, даже если это случалось в сильный мороз и в пути. В последнем случае остановка делалась лишь на время родов, а затем женщина должна была продолжать путь на олене, к которому привязывалась люлька с новорожденным. При этом она ехала не по дороге, проторенной в снегу другими, а несколько в стороне, чтобы никто не мог оскверниться. Но и после родов, до тех пор, пока не отойдет послед, женщина считалась настолько нечистой, что не могла находиться в юрте. Иногда она оставалась под открытым небом до пяти дней. Не очистившейся окончательно ее считали в течение месяца после родов, и в юрте она могла занимать лишь строго определенное место, от которого муж отгораживался смизкой дров.

Рассказывает Миллер и о поверье, распространенном "у простых людей в Сибири" (и благополучно дожившем до XX в.), будто "тунгусы сразу после рождения закапывают ребенка в снег и оставляют его там на несколько часов, чтобы он лучше закалился"². Ничего похожего Миллеру, однако, не удалось выявить, и, по его мнению, это было бы совершенно излишним, так как условия жизни лесных тунгусов настолько суровы, что им не было смысла изобретать что-либо еще в дополнение.

Некоторое сходство с тунгусами в отношении к роженицам Миллер обнаружил и у иенцев: они также не допускали, чтобы роды происходили в жилой юрте. Однако на этот случай у них всегда имелись специальные небольшие "родильные" юрты, и под открытым небом никто никогда не рожал.

Имяненчение происходило у разных народов в разное время: у татар и якутов - сразу после рождения, у монголов, калмыков и бурят - на третий день, когда мать пройдет обряд очищения, у иенцев - после перехода ро-

¹ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 74 об.

² Там же, л. 76 об.

женщины в жилую юрту. Лишь у тунгусов и тюрков Кузнецкого уезда, согласно показаниям информаторов Миллера, имижаречение откладывалось до времени, когда у ребенка начнут появляться зубы.

Выбор имени обычно предоставлялся первому гостю или самому старому и почтенному из них, иногда имя давала повивальная бабка (точнее женщина, выполнявшая ее функции). По мнению Миллера, выбор имени носил совершенно случайный характер, хотя отдельные его замечания по некоторым народам опровергают этот категоричный вывод. Среди сибирских язычников путешественнику встречались люди, носившие русские христианские имена. Как правило, их давали ребенку служилые, случайно оказавшиеся рядом при рождении. "Бывает иногда, - замечает Миллер, - что эти казаки дают, шутки ради, мальчику женское имя, а девочке - мужское, причем язычники в своей простоте либо не замечают этого, либо если и знают об этом, не считают это столь важным, чтобы менять ребенку имя".

Наиболее своеобразным Миллер признает отношение к именам у якутов: "Они верят, что дьявол, который... имеет полную власть над жизнью и смертью, ведет точный список всех имен, данных детям при рождении, и, согласно этому списку, то на одного, то на другого падает смертный приговор. Чтобы обмануть дьявола, некоторые, уже будучи взрослыми, принимают другие имена - тогда дьявол не так легко их найдет"¹. Нередко имена якутов менялись и по другой причине - друзья давали человеку прозвище, которое постепенно заменило настоящее имя; последнее иногда совсем забывалось. Указанной причиной Миллер объясняет наличие у якутов некрасивых имен ("собачий кал", "дурно пахнущий", "змея" и т.п.): их давали в семьях, где дети преждевременно умирали, а иногда выбирали при смене имени в зрелом возрасте в расчете на то, что некрасивое имя отпугнет дьявола.

Как и у европейцев, у сибирских народов принято было держать детей в колыбели (конструкции колыбелей Миллер описывает) и укачивать их. Однако ни у одного народа не практиковалось тугое пеленание ребенка. Некоторое подобие этому у нещев и тунгусов Миллер объясняет исключительно тем, что иначе во время путешествий ребенок мог выпасть из колыбели. "У нас же считается, - замечает в связи с этим ученый, - что тугое пеленание детей способствует более правильному формированию членов; то, что мы видим у сибирских народов, могло бы возбудить в этом сомнение, поскольку... у них встречается гораздо меньше уродливых, горбатых и кривобоких, чем у европейцев"².

О воспитании детей у сибирских народов Миллер был невысокого мнения, считая его недостаточно строгим. Много пишет он о праздности

¹ Там же, л. 79.

² Там же, л. 79 - 79 об.

³ Там же, л. 82 об.

молодежи у скотоводов Южной Сибири, которая участвовала лишь в так называемых облавах, рассматриваемых скорее как развлечения, нежели труд. Недостаточная строгость, редкость телесных наказаний имели следствием непочтительное отношение к родителям: "Молодежь растет в первобытной дикости, и, когда они достигают возмужалости, то не совестятся обходиться с отцом, который, по их мнению, их обидел, как с чужим человеком". Наиболее правильным ученым считал воспитание детей у татар, занимавшихся земледелием, и у остыков - они с раннего детства приучали детей к повседневному труду. Ученый пишет, к примеру, о том, что дети обских и енисейских остыков с ранних лет помогают взрослым тащить нарты: "Мальчик 6 лет и девочка 7 - 8 лет должны уже начинать тянуть свою лямку, им делают лыжи и нарты сообразно их росту и силам и сначала дают им лишь самый малый груз, который все время увеличивается по мере того, как они становятся взрослее и сильнее"¹².

Проблемам досуга, играм и развлечениям у сибирских народов Миллер отводит в своих сочинениях относительно немного места, особенно это касается детей. Основное внимание он уделяет описанию разного рода спортивных состязаний, многие из которых выполняли одновременно функцию военной подготовки молодежи (гонки на лошадях, стрельба из луков в цель, прыжки на расстояние и через препятствия, борьба, бои с деревянным оружием и др.). О давней и устоявшейся традиции многих состязаний свидетельствуют данные Миллера о строгой регламентации их проведения, правилах, судействе. У скотоводческих народов (татары, калмыки, монголы, буряты, нерчинские тунгусы и якуты) наиболее популярными были конные состязания, без которых не обходилось ни одно торжество. Присутствуя в качестве почетного гостя на татарской свадьбе в ауле Сабанак Тобольского уезда в 1734 г., Миллер был свидетелем приуроченных к этому событию скачек. Для этого было собрано около 40 лучших скакунов из всей округи, установлены 10 призов для победителей (меха, выделанные кожи, ткани), избраны судьи. Хотя свадьба была татарской и проходила в ауле, населенном лишь татарами и бухарцами, в состязаниях принимали участие как татары, так и русские (наездниками были мальчики). При раздаче призов не обошлось и без традиционных жалоб на необъективное судейство¹³.

Почти невероятной показалась Миллеру точность, с которой умели поражать цели из лука на полном скаку калмыцкие, бурятские и монгольские всадники. Рассказывая о своего рода показательных выступлениях калмыков на Колывано-Воскресенском заводе, устроенных по его просьбе, он пишет: "Я видел с изумлением... что все они, скакая галопом мимо трех различ-

¹ Там же, л. 86.

² Там же, л. 85 об.

³ Там же, л. 48 - 49.

ных целей из небольших расстояний друг от друга, умели ловко попасть в них"¹. Об этом же он сообщает и в описании сибирского путешествия².

Особое восхищение у Миллера вызывало искусство стрельбы из лука тунгусов, которых он считал непревзойденными в этом отношении среди всех сибирских народов. Поскольку от меткости тунгуса-охотника зависело все его существование, обучению детей стрельбе придавалось первостепенное значение. Уже пятилетний мальчик имел свой лук и стрелы, размеры которых менялись с его ростом. Ученик пишет: "Ребенок обучается стрельбе из лука играющи, и если много детей собираются вместе, то их игры обычно состоят в том, что они соревнуются в стрельбе. Во многих городах, в особенности в Якутске, Иркутске и Мангазее, мне доставляли много удовольствия тунгусские аманаты, которых я побуждал показать свою ловкость в стрельбе, и они, зачастую, превосходили в этом взрослых людей из других народов"³. По оценке Миллера, даже тунгусы-скотоводы в Забайкалье, для которых охота имела второстепенное значение, все же были более искусными стрелками, чем представители других народов, в том числе и тех, для которых охота была основным занятием.

К числу излюбленных развлечений якутов, бурят, монголов, калмыков и ненцев Миллер относит и борьбу. Особых различий в приемах борьбы у этих народов он не обнаружил: "Они раздеваются догола, оставив только штаны, подходят друг к другу, сблизив головы, обхватывают друг друга за верхнюю часть тела, затем хватают и за штаны, иногда поджимают ноги и борются до тех пор, пока тот, у кого больше силы, не бросит на землю своего утомленного противника"⁴. В отличие от других народов, ненцы устраивали состязания по борьбе (как и другие развлечения) только зимой, поскольку летом все их время было занято рыбной ловлей и оленным промыслом. "Это особенно их занимает, - пишет Миллер, - когда они зимой находятся в ясашных зимовых лагерях и стараются всячески уладить себе это неприятное время, ибо иногда их долго там задерживают"⁵.

Нередко в традиционных состязаниях принимали участие и русские жители. Так, описав "физическое упражнение и развлечение" якутов, заключавшееся в прыжках по отмеренным с помощью луков знакам, Миллер добавляет, что среди русских служилых есть также немало очень искусных в этом виде состязаний. Однако гораздо большее внимание он уделяет играм и развлечениям, которыеaborигенные народы заимствовали у русских.

По мнению Миллера, до прихода русских в Сибирь здесь отсутствовало само понятие азартных игр. Ко времени его путешествия такие игры

¹ Там же, л. 29 об.

² СПБО АРАН, ф. 21, оп. 5, л. 63, л. 67 об.

³ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 85 - 85 об.

⁴ Там же, л. 29 об. - 30.

⁵ Там же, л. 29об.

получили здесь довольно широкое распространение, особенно на Севере и Северо-Востоке. Причину этого ученый видит в корыстном интересе русских служилых и приказчиков, которые втягивали в игру коренных жителей (а зачастую и принуждали их к этому) и получали тем самым возможность обогащения без применения грубого вымогательства. Говоря о карточных играх, Миллер пишет: "В отдаленных зимовых и острогах Якутского уезда, и особенно на Камчатке, посылаемые из Якутска сборщики податей уже много лет назад завели в собственных интересах карточную игру. Там трудно найти такого известного якута, юкагира, тунгуса или камчадала, который бы не умел играть в обычные русские игры на трех или на семи листах. Ибо таким путем он должен угощать сборщику податей: хоть это и не имеет вида, что он делает ему подарки, однако он делит с ним свое имущество"¹. Игра велась, как правило, не на деньги, а на ценные меха. В "Известиях о якутах..." Миллер сообщает, что, отбыв карточную повинность, сами между собой коренные жители никогда не играли в карты². Исключение составляли аманаты в острогах и зимовых, которые не знали, чем занять свой досуг, и разгоняли скучу игрой в карты между собой и с казаками. Не останавливало игроков даже отсутствие настоящих картонных карт - их изготавливали из бересты и других подручных средств. На Камчатке, как об этом рассказывали Миллеру информаторы, русские жители научились вырезать карты даже из моржовых клыков.

Более широкое распространение получила у коренных жителей Сибири игра в шашки и шахматы - ею увлекались и многие народы таежной полосы, в частности ханты, селькупы, кеты.

Рассмотренные нами материалы Миллера в целом свидетельствуют о преобладании у сибирских народов традиционных институтов в общественных отношениях. Это, собственно, и неудивительно, так как государство вовсе не стремилось к радикальным преобразованиям в аборигенном обществе, к унификации его институтов с общероссийскими. Однако даже и там, где власти пытались что-то сделать в этом направлении (например, в сфере судопроизводства), осуществить это оказалось непросто. Устойчивое существование традиционных институтов объясняется не только консервативностью аборигенного общества, но и другими факторами, в частности нежеланием коренных жителей попадать в зависимость от властей при решении своих внутренних проблем, убеждением (нередко вполне оправданным), что традиционные нормы более справедливы. Среди личных оценок историка по рассмотренной проблеме следует особо выделить его вывод о принципиальной схожести европейского института дворянства и института сибирского аборигенного дворянства (тойонства, нойонства) у якутов и бурят.

¹ Там же, л. 29.

² Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 71 об.

3. Духовная культура

Запланированные Миллером главы "Описания сибирских народов", посвященные анализу мировоззрения сибирских народов, их религиозных представлений и обрядов, остались, как отмечалось выше, ненаписанными. В других рукописных работах ученого содержатся преимущественно фактические данные, редко сопровождаемые оценочными характеристиками самого автора.

Сфера духовной культуры аборигенного населения Сибири наиболее полно представлена у Миллера материалами по следующим проблемам: божества и духи, их влияние на судьбы людей; шаманы как посредники между людьми, божествами и духами; дутца у человека и животных; представления о болезнях и смерти; погребальный культ и потусторонний мир; тотемические, промысловые, родовые и семейные культуры; культа коня и культа медведя; магия (лечебная, любовная и др.); разного рода гадания и предсказания.

Как и других путешественников XVIII в., Миллера более всего интересовал сибирский шаманизм. За время десятилетнего путешествия по Сибири учёный встретился с десятками шаманов, присутствовал на сессиях камланий. К одному из них он специально приезжал, других вызывал для расспросов в город и, как правило, добивался откровенности, получая подробнейшие сведения по самым разным сторонам шаманского мировоззрения и обрядности. По его мнению, для шаманов их занятия - своего рода ремесло, которым они зарабатывали себе на жизнь. Ремесло это, как правило, носило наследственный характер, и если в роду однажды появлялся шаман, то почти неизбежно шаманом становился кто-либо из его детей или внуков.

Ученый детально характеризует различные типы камланий и при этом немало места отводит описанию разного рода ухищрений, с помощью которых шаманы вынуждали людей, больных или тех, кого удавалось запугать, тратить на камлания (для жертвоприношений и вознаграждения шаману) скот, меха и другое имущество. Рассказывая о якутских шаманах, учёный сообщает, что, посещая в первый раз больного, они не надевали шаманской одежды и не брали с собой бубна: они якобы лишь высказали, кто из "чертей" похитил душу больного, и вели с ним предварительные переговоры о жертве, которой тот мог бы удовлетвориться взамен этой души. В некоторых случаях шаманы объявляли результаты переговоров неблагоприятными и признавали свое бессилие. Миллер объясняет это так: "Создается впечатление, что эта церемония проводится шаманом, может быть, лишь для того, чтобы он мог прежде как следует осмотреть больного и определить, не находится ли он, возможно, уже в таком состоянии, когда нет совершенно никакой надежды на выздоровление. Там, где он это видит, шаман не испытывает свое искусство на больном с тем, чтобы оно не могло быть дискредитированным последовавшей затем смертью па-

циента"¹. Нередко шаман, который во время камлания у больного объявлял о том, что должен спуститься в подземный мир за душой, "по возвращении" говорил о том, что ему удалось заодно освободить и обнаруженные в присподней души некоторых присутствующих. "А некоторым другим, - пишет Миллер, - он говорит, что не смог добиться освобождения их душ, и это он обычно объявляет самым богатым и знатным с тем, чтобы это могло принести ему новый заработка. Ибо подобные люди пугаются по этому поводу, приглашают шамана к себе для камлания, и при этом вновь закалывается жертвенная скотина..."². Правда, Миллер признает, что наряду с юристолюбивыми шаманами были и "честные", довольствовавшиеся ничтожным вознаграждением или вовсе обходившиеся без него.

Рассказывая о разного рода чудесах, на которые якобы были способны "сильные" шаманы (исчезновение слезливого шамана из юрты, протыканье тела ножом, хождение босиком по раскаленным углем, натирание лица этими углами и т.п.), Миллер неизменно дает им рационалистическое объяснение. После многократных наблюдений за камланиями, учёный пришел к выводу, что "фокусы" шаманов могут произвести впечатление лишь на простодушных или несведущих людей, которые впервые сталкиваются с подобными действиями. "Для меня же, - пишет он, - они являлись пошлыми и жалкими и никак не могут быть приравнены даже к штукам, ежедневно проделываемым нашими странствующими фокусниками"³. В одном случае Миллер даже протокольно оформил в Якутской канцелярии "скаксу" шаманки "в славе", искусство которой он испытывал дважды в присутствии свидетелей, среди которых был и Гмелин. В этом документе шаманка признается, что, "не хотя своей славы потерять", она пыталась обмануть учёных, но это ей не удалось, поскольку "подлинно себя колоть не может, чтоб раны не было" (см. Приложение 3).

Более высокого мнения был Миллер об актерских способностях шаманов, в особенности когда они представляли путешествие в подземный мир, во время которого должны были преодолевать различные препятствия, вести переговоры о возвращении души больного. Мгновенные перевоплощения шамана в гагару, владыку подземного мира, его жену, слуг, самого себя, скачущего на коне-бубне, он сравнивает с игрой в театре актера, изображающего сразу несколько персонажей (см. Приложение 2).

Представления Миллера о шаманах как сознательных обманщиках полностью разделал и его товарищ И.Г. Гмелин. Об односторонности такого взгляда учёных на шаманизм и шаманов писал еще в конце XIX в. А.Н. Пыпин, используя при этом, правда, лишь высказывания по этому поводу Гмелина

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 62 об. - 63.

² Там же, л. 63 об.

³ Ридлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. I. Вып. 3 / Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 15. С. 72.

в "Reise durch Sibirien": "Как рационалисты XVIII-го века, они видели в шаманстве только один голый обман (который здесь, конечно, и бывал), но им не приходила мысль о бытовой стороне тех экстатических возбуждений, которые отличают шаманство и в демонический источник которых верили до известной степени, без сомнения, и сами шаманы"!¹.

У народов со слабой социальной дифференциацией шаманы выполняли разнообразные и зачастую очень важные функции. В кризисных ситуациях они нередко играли консолидирующую роль в обществе. Среди дневниковых записей Миллера имеются рассказы о знаменитых шаманах, выступавших в роли вождей. В одном из таких рассказов повествуется о вооруженной борьбе илимпейских тунгусов с русскими служилыми в 80-х гг. XVII в., которую возглавлял шаман Амеда, пользовавшийся непрекращаемым авторитетом среди современников. Схваченный ясачными сборщиками, он был повешен на берегу Нижней Тунгуски, напротив ясачного зимовья. Миллер пишет: "Это тунгусы еще хранят в памяти и пересказывают друг другу в сказках. Говорят также, что они воспевают смерть своего героя в песнях".

Помимо камланий, Миллер был свидетелем большого числа других религиозных церемоний. Обычно они проводились шаманами, но иногда присутствие шаманов даже не предполагалось. Сопоставление описаний одного и того же обряда, сделанных одновременно Миллером и кем-либо еще из числа сотрудников Академического отряда, наглядно демонстрирует принципиальную разницу между ними. Примером могут служить яхонтовское и миллеровское описание якутского обряда кумысного жертвоприношения ысыах, состоявшегося 31 мая 1737 г. Опубликованное в книге В.Ф. Троццанского "протокольное", как его называют, описание И. Яхонтова (приписываемое Миллеру) признается очень важным источником для воссоздания древнейших форм обряда ысыах, поскольку некоторые черты этого обряда, в том числе руководство "белым", или "летним", шаманом, позднее были утрачены. И все же в сравнении с описанием Миллера в его дневнике оно выглядит гораздо более бедным. Так, Яхонтов пишет: "Потом шаман говорил 22 молитвы к разным своим богам и к их слугам, к дьяволам..."². Миллер же приводит примеры этих молитвенных обращений на якутском языке с переводом на немецкий, указывает имена всех божеств и духов (числом около 30), сообщает об их функциях, иерархическом положении, родственных отношениях и т.д. Каждое действие шамана и других лиц ученый сопровождает подробнейшими пояснениями, описывает все задействованные в церемонии предметы с указанием их названий на якутском языке. В результате миллеровское описание обряда кумысного жертвоприношения ысыах предстает как своего рода трактат о

¹ Пыжин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV: Белоруссия и Сибирь. С. 232.

² РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 344 об.

³ Там же, портф. 509, д. 2, л. 2 об.

правилах, регламентирующих проведение этого самого важного в жизни якутов праздника¹. Велика разница и в объеме описаний, сделанных Миллером и Яхонтовым (соответственно 20 и 3,5 стр. рукописного текста).

Основные разъяснения, составившие основу описания Миллера, получены от "знатнейшего" из шаманов, проводивших церемонию, по имени Оонье-ойун из рода Хорин Кангаласской волости (праздник состоялся у князца этой волости Мекчиргая, в 18 верстах от Якутска). Для этой цели после завершения церемонии ученый пригласил шамана поехать с ним в Якутск, где после расспросов и было окончательно оформлено описание.

Вскоре после этого Миллер составил еще одно подобное описание, которое предваряется примечанием: "Кусаган-ойун Борогонской волости и Ысынас-ойун Батулинской волости Кангаласского улуса 3 июня 1737 г. проводили Yssjescb, или кумыское жертвоприношение, у якута Балыка Дабакаева, князца Мегинской волости, и сообщили об этом следующие правила"². В этом описании, а также в сообщениях других шаманов из разных частей Якутии, помещенных в дневнике, приводятся чрезвычайно важные данные о различиях в верованиях у разных этнических групп якутов, в особенности в отношении пантеонов почитаемых божеств. Миллер называет эти группы сектами. Во всех других источниках XVIII в. таких данных до сих пор не обнаружено. Столь же подробно, как и праздник ысымах, описаны Миллером и некоторые другие религиозные обряды якутов. Так, описание вполне заурядного жертвоприношения теленка, которое ученый наблюдал в июне 1737 г. недалеко от Якутска, посвящены 28 страниц дневника³.

Богатейшие материалы по сибирскому шаманизму, собранные в экспедиции, дали Миллеру основание для некоторых гипотез и выводов обобщшающего характера. Наиболее важные из них высказаны им в описании Второй Камчатской экспедиции и в работе, посвященной сибирским писанищам⁴.

Шаманизм, согласно Миллеру, - это явление, присущее не только сибирским народам. Аналогичные верования, обряды и атрибутику можно обнаружить и в Азии за пределами Сибири (например, у монголов), и в Европе (лапландцы), и у многих народов Северной Америки. Относительно происхождения шаманизма ученый высказывает несколько версий. В одном случае он говорит о двух возможных вариантах⁵. Согласно первому, шаманизм мог произойти от манихейского учения, с которым его роднит деление божеств и духов на добрых и злых. Принимая этот вариант, следует признать, что ни одно религиозное учение в мире не распространялось

¹ Там же, портф. 507, ч. 2, л. 208 об. - 217 об.

² Там же, л. 218.

³ Там же, л. 223 об. - 236 об.

⁴ Фрагменты данной работы опубликованы в кн.: Радлов В.В. Сибирские древности.

⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. VI: История Академии наук Г.Ф. Миллера с продолжениями И.Г. Штромтейка (1725 - 1743). С. 361 - 362.

так широко, как манихейство. Если же отказаться от него, то придется признать вариант, согласно которому шаманизм органически присущ непросвещенному разуму человека. В другом случае¹ Миллер высказывает совершенно иную гипотезу: языческая религия прежде была одинаковой во всей Сибири, она очень древняя (древнее "браминства", под которым ученый понимает, судя по всему, индийский вариант раннего буддизма) и источники ее следует искать в Индии. Некоторые европейские писатели сравнивали сибирских шаманов с "саманеллами" Индии, которых изгнали оттуда "брамины". Миллер не исключал того, что возникновение шаманизма действительно могло быть связано с религией "саманелл", которые после изгнания из Индии утратили часть мудрости своих предков. Сибирские вароды переняли от них главным образом поклонение низшим божествам и духам. Широкое распространение шаманизма ученый объясняет так: "Это могло случиться не иначе, как с течением времени и с переходом шаманства от одного народа к другому, если мы не захотим допустить, что такое превратное учение самою природою привито и как бы прирождено всем этим народам"².

Интересны наблюдения Миллера относительно влияния шаманизма на русских жителей Сибири. Многие из них были уверены в могуществе и сверхъестественных способностях шаманов. Промышленный человек Панзируев, например, уверял ученого, что неоднократно внимательно наблюдал за действиями юракского (ненецкого) шамана, который не только разрезал собственный живот, но и вынимал из него внутренности; он исключает какой-либо обман. Любопытна, кстати, судьба шамана, о котором рассказывал Панзируев. В детстве он попал в рабство к русскому промышленному человеку, был крещен и пробыл в христианстве 15 лет. Затем ему удалось бежать к сородичам, и вскоре он стал "знаменитейшим шаманом своего времени"³.

Там, где контакты между русскими и аборигенными жителями были особенно тесными, появлялись даже русские шаманы. Документальное подтверждение этому было найдено Миллером в Якутском архиве: здесь скопирован "Реэстр шаманам", который составил в 1724 г. якутский дворянин Д. Кичкин в ответ на императорский указ о присыпке ко двору четырех лучших шаманов Якутского уезда. Среди представленных Кичкиным на выбор шаманов названы также "шаманы ж, Якуцкого города тамошние уроженцы, русские люди: Федор Турбин, Семен Трубачев".

Прослеживается и явная аналогия между языческими представлениями коренных жителей Сибири и теми "суевериями" сибиряков-русских, о которых сообщает путешественник (вера в духов - хозяев местностей, обожествление природных объектов и др.). Попытки ученого вразумить

¹ Радлов В.В. Сибирские древности. С. 72 - 73.

² Там же. С. 72.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 310 об. - 311.

⁴ СПбО АРАН, ф. 21, оп. 4, л. 33, л. 191 об. - 192.

людей, подвергенных "суевериям", его объяснения, что такие представления несовместимы с христианством, успеха не имели, а в некоторых случаях даже давали прямо противоположный результат.

Рассказывая о переправе через Байкал в сентябре 1735 г., Миллер пишет: "Весьма скучно было смотреть на простых людей, как озеру почти такую же честь, какая Богу приличествует, отдавали, умилостивляя его часто не только словами "О, святое море!", но едва не всякой и по нескольку денет в воду бросал, якобы ему в жертву, чтоб благополучно и скоро перехать"¹. "Не стерпев", Миллер принадлежал "суеверных людей увершевать, чтоб они единому Богу честь возсыпали и его молили, от озера же, яко от бездушной твари, ни добра не надеялись и ни худа не боялись. Сего довольно было к приведению каждого в ужас и в отчаянне о благословенном через озеро переселене"². Не приходится удивляться, что поднявшаяся во время плавания буря, обрыв якорного каната и другие несчастья были восприняты спутниками ученого как неизбежное и справедливое возмездие за хошунство. Похожий случай имел место и во время путешествия Миллера по Енисею летом 1739 г. - тогда утонула тянувшая его дощаник лошадь и именно в той Грязной курье, где, по убеждению местных русских жителей, обитал утаскивавший под воду скот злой дух, в существование которого путешественников отказывался верить и пытался дать рационалистическое объяснение несчастьям, связанным с этим местом³.

Сведения о религиозных воззрениях сибирских мусульман и буддистов имеют для современных исследователей гораздо меньшее значение и представляют главным образом историографический интерес. Более важны записи Миллера, в которых говорится об истории взаимодействия мусульманства и буддизма с языческими верованиями коренных народов Сибири. Миллер был одним из первых ученых-востоковедов в России, он сумел не только собрать все известные к тому времени данные о мусульманстве и буддизме в Сибири и в целом в Азии, но и получить интересные материалы, которые отсутствуют в других источниках того времени. В этом ему значительно помогла дружба с несколькими авторитетными мусульманскими священниками в Томске и Тобольске, а также с буддийским ламой, выходцем из Тибета. Сведения об этапах и особенностях распространения мировых религий у разных сибирских народов, полученные от этих лиц, заслуживают самого пристального внимания.

Собранные Миллером материалы, его наблюдения и оценки свидетельствуют о том, что за время пребывания в составе России духовная жизнь сибирских народов претерпела весьма незначительные изменения. Особенно показательны данные ученого относительно результатов массо-

¹ Там же, с. 5, л. 63, л. 105.

² Там же, л. 105 - 105 об.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 517, ч. 2, д. 1, л. 9 об. - 10.

вой христианизации манси, кетов, хантов и селькупов в первой четверти XVIII в. Эту акцию Миллер считал насилиственной и совершенно неэффективной. Подавляющее большинство новохрещенных оставалось тайными язычниками, избегало общения со священниками и соблюдало православные нормы только тогда, когда этого требовали обстоятельства.

В ходе путешествий по Иртышу, Оби и Енисею Миллер детально ознакомился с жизнью этих народов и сумел обнаружить в ней очень мало изменений, привнесенных христианством. Практически все они (эпизодическое посещение церквей, ношение одежды русского образца и др.) носили поверхностный характер и не затрагивали основ традиционного мировоззрения и образа жизни. Многие новохрещенные появлялись вблизи церкви не чаще одного раза в два-три года. В связи с этим ученый пишет: "Они, следовательно, не имеют связи с церковью, но когда они все же приходят в окрестности своего церковного прихода, то допускают к себе пола и принимают от него молитву".

Как это ни парадоксально, приняв официально православие, многие из новохрещенных стали ограничивать свои контакты с russkimi, поскольку изобличенных в "идолопоклонстве" наказывали. Путешествуя по Оби и Иртышу, Миллер обнаружил, что некоторые значительные в прошлом поселения хантов и манси после строительства в них церквей запустели. Он замечает в связи с этим: "Остяки не большие любители жить рядом с церквями"¹. Описывая туринских татар, он сообщает, что те не желают жениться на русских девушках, даже в том случае, если их предлагают в жены без ущерба кальмыкам. Сами татары объясняли это разными причинами (в основном неумением русских женщин вести хозяйство по-татарски), но, по мнению Миллера, дело было в следующем: "Христианство у них является еще во всем одним лишь принуждением, между тем как тайно они остаются приверженными своим языческим верованиям. Они носят кресты, кланяются перед иконами и соблюдают посты лишь тогда, когда это видят русские... По поводу всего этого они должны опасаться, что русская жена расскажет об этом священнику и тогда их за это подвергнут наказанию".

В условиях жесткого преследования властями любой деятельности шаманов среди новохрещенных им было сложно осуществлять свои обычные функции и люди, привыкшие прибегать к их помощи по самым разным поводам, чувствовали себя беззащитными. Рассказывая о результатах крещения енисейских остяков (кетов), Миллер пишет: "Они говорят, что со временем крещения очень многие из них умерли, не имея при этом никакой помощи. Раньше им во время болезней хоть иногда помогали шаманы, в сейчас они вынуждены пока умирать без всякой помощи"².

¹ Там же, портф. 509, д. 3, л. 89.

² Там же, портф. 517, ч. 2, д. 7, л. 46.

³ Там же, портф. 509, д. 3, л. 175.

⁴ Там же, д. 89.

У тех народов, которые в основной своей массе оставались язычниками, новокрещеные нередко становились изгоями. Так, Миллер пишет о коттаках Красноярского уезда: "Среди них много крещеных, как и среди качинцев... Те, кто дал себя крестить, ненавидимы остальными. Они, собственно, и крещены почти все насильно". Сходная ситуация была отмечена и среди верхоленских бурят, у которых новокрещенные уже не назывались так, как все остальные сородичи (мяхачин), а получали презрительное прозвище манту (т.е. русский)².

Более эффективной, хотя внешне и менее заметной, показалась учено-му деятельность мусульманских и буддийских миссионеров. В описании сибирского путешествия Миллер среди важнейших особенностей сибирского шаманизма отмечает то, что он гораздо труднее вытесняется христианством, нежели мусульманством и буддизмом, и приводит примеры, подтверждающие его мнение³. Мусульманские и в особенности буддийские миссионеры и священники проявляли большую гибкость, нередко не только мирились с сохранением некоторых языческих верований и обрядов, но даже использова-вали их в своей практике. В связи с этим Миллер приводит данные о религиозном синcretизме у бурят Забайкалья, среди которых в первой половине XVIII в. активно распространялся ламаизм. Ярким примером сосуществова-ния шаманизма с буддизмом он считает и Монголию, где при полном гос-подстве ламаизма не только сохранились языческие верования, но и продол-жали активно действовать многочисленные шаманы.

О деятельности Миллера как собирателя и исследователя фольклора сибирских народов до сих пор было известно относительно немного. Опубликованные труды, и в первую очередь "История Сибири", позволили сделать вывод лишь о большом внимании путешественника к историческим легендам и преданиям, которые он тщательно выявил, подвергал критическому анали-зу и нередко использовал в качестве одного из основных источников при решении важнейших проблем древнейшей истории сибирских народов и истории освоения Сибири русскими. Детальное знакомство с архивными рукописями Миллера дает возможность говорить о нем как об ученом, в сферу интересов которого входили и другие жанры фольклора аборигенного населения Сибири - музыкальное творчество, песни, танцы, былички, мифологические рассказы, сказки, календарные представления и обряды.

Следует отметить, что собранные Миллером материалы по некоторым жанрам фольклора сибирских народов - музыкальному творчеству, песням, танцам, сказкам - довольно скучны, а его суждения относительно уровня раз-вития этих жанров нередко страдают поверхностностью. Исследование этих жанров фольклора сибирских народов Миллер не относил к числу своих при-

¹ Там же, портф. 521, ч. I, л. 179.

² Там же, л. 293 об.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. VI. С. 362.

оритетных задач в области этнографии, это хорошо видно из анализа содержания его этнографических трудов в целом. В "Описании сибирских народов" характеристику указанных жанров автор поместил в главу "Об играх и упражнениях", которая занимает лишь 9 страниц рукописи. Правда, следует иметь в виду, что многие явления, относящиеся к фольклору (музыкальное и поэтическое творчество, мифы, былички и др.), Миллер рассматривал в контексте мировоззрения и религиозной обрядности и, судя по всему, предполагал проанализировать в заключительных главах работы, оставшихся ненаписанными.

Почти невероятным показалось путешественнику то, как мало следов светской музыки удалось обнаружить ему у аборигенных жителей Сибири. В "Описании сибирских народов" он вначале даже утверждает, что "настоящие" музыкальные инструменты имеются только у тобольских татар-мусульман, называя при этом дудочки наподобие свирелей и горшки с натянутой на них кожей, используемые в качестве барабанов. При описании свадьбы тобольских татар, наряду с этими инструментами, он упоминает еще и "скверные скрипки с еще более скверным пением"¹. Удивило его при этом то, что как ни плоха была, по его мнению, музыка, она производила глубокое впечатление на самих татар. Кстати, к самой хорошей европейской музыке сибирские народы, как считал Миллер, в лучшем случае равнодушны: "Кажется даже, что некоторым она неприята, в особенности, как уверяют, это относится к камчадалам"².

Здесь следует добавить, что в дневниковых записях Миллер называет и некоторые другие музыкальные инструменты - гусли у татар, домру у остяков, варган у якутов и др., не говоря уже о музыкальных инструментах, используемых лишь при религиозных церемониях. Последние Миллер не считает возможным отнести к подлинно народным инструментам, как и вокальную музыку буддийских священников к народному творчеству, "ибо обыкновенный человек не имеет со всем этим никакого дела".

Слабо развитым показалось ученым вокальное искусство сибирских народов. Лишь у некоторых из них он обнаружил "настоящие" песни, к каковым отнес, например, услышанную у татар песню о завоевании Сибири Ермаком. Примечательно, что эту песню татары считали очень грустной и специально обратили внимание путешественника на эту ее особенность, однако он не нашел в ней ничего печального. Говоря о самоедах, Миллер отмечает, что несмотря на отсутствие у них хоть какого-нибудь подобия музыкальных инструментов, они довольно часто собираются вместе, особенно зимой, поют песни и под них танцуют. Но лишь "у юраков есть настоящие законченные песни, по большей части на темы о войне. Остальные самоеды поют обо всем, что только приходит в голову... например, о своем богатстве, о числе оленей, об охоте, о большом числе жени-

¹ РГАДА, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 47 об.

² Там же, л. 28 об.

³ Там же.

хов у девушки и т. п.¹). К "ненастолщим" песням он отнес и те, которые пели во время "увеселительных сборищ" самоедские женщины и девушки, нередко подражавшие пению птиц. Во время пребывания в 1739 г. в Мангазее путешественнику довелось увидеть танцы в кругу ненецких женщин, которые "ревели при этом самым страшным образом"².

Песни большинства сибирских народов показались Миллеру очень монотонными и лишеными смысла. Так, в "Известиях о якутах..." он пишет о тунгусах: "Не имеют ни малейшей музыки... Поют, однако, постоянно одно слово и в одном тоне; смысла не имеет - как русские пьяные"³. Пожалуй, лучше всего о неполноте и категоричности суждений Миллера по данному вопросу свидетельствует следующий пример. Ни в одном этнографическом описании Миллера нам не удалось встретить даже упоминания о любовных песнях (хотя теме любви он посвятил немало страниц). Между тем, в "Описании сибирских народов" имеются именные записи двух любовных песен чагров Томского уезда и сагайцев Кузнецкого уезда, сделанные, судя по почерку, Гмелиным⁴. Тексты песен и пояснительные надписи к этим текстам позволяют сделать вывод о том, что исключать эти песни из числа "настоящих" у Миллера не было никаких оснований.

К числу любимейших развлечений сибирских народов Миллер относит рассказывание сказок, в которых, по его словам, наиболее отчетливо проявляется их простодушный ум. В качестве примера простодушия ума он приводит тунгусскую сказку, сюжет которой перекликается с сюжетом множества сказок европейских народов (о трех братьях, младший из которых ленив и глуповат, но в finale оставляет в дураках старших)⁵. В экспедиционных записях имеются тексты и некоторых других сказок, среди которых выделяется сказка обдорских самоедов и осяков о дикарях-людоедах (по некоторым признакам ее можно отнести и к жанру быличек)⁶.

В экспедиционных рукописях Миллера нет текстов героических сказаний, что вполне понятно, учитывая исключительную сложность воспроизведения шаманских эпического творчества в письменном виде. Однако трудно объяснить, почему ученый вообще нигде не пишет об эпосе, - создается впечатление, что этот жанр фольклора сибирских народов остался ему неизвестным. Можно лишь допустить, что дать характеристику героическому эпосу он намеревался в "Описании сибирских народов", которое не закончил.

Изучая культуру коренного населения Сибири, Миллер проявлял особый интерес к его древнейшей истории и религиозным верованиям. Не слу-

¹ Там же, л. 28.

² Там же, л. 29.

³ Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 34 об.

⁴ Там же, ф. 181, д. 763/1386, ч. 2, л. 31 - 31 об.

⁵ Там же, л. 30 об., 32.

⁶ Там же, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 128 - 129 об.

чайно наиболее представительны собранные им фольклорные материалы, в которых отражены именно эти проблемы: исторические легенды и предания. Миллеру удалось записать немало легенд и преданий о происхождении и этнической истории целого ряда народов. Часть из них воспроизведена им в "Истории Сибири". Так, в 1735 г. в Красноярском уезде путешественник записал со слов старика-аринца легенду, объяснявшую причину почти полного исчезновения некогда многочисленного народа аринцев¹. Почти дословно запись этой легенды повторена в "Истории Сибири"².

Отношение Миллера к легендам и преданиям как историческому источнику было достаточно сложным: активно используя их в своих трудах, он в то же время предостерегал от увлечения построениями и домыслами, основанными лишь на таких ненадежных источниках. Относительно упомянутой легенды аринцев он, например, писал: "Человек непредубежденный ни в коем случае не может признать этот рассказ настолько важным, чтоб на основании его можно было говорить что-либо о происхождении целого народа. Все народы, как культурные, так и некультурные, имеют свои сказки, которые матери рассказывают детям в часы отдыха. Но кто же станет искать в них разрешения исторических тайн?"³.

О критическом отношении Миллера к устным легендам и преданиям пишет и В.Г. Мирзоев, который, правда, здесь же утверждает и прямо противоположное: «Интересно, что Миллер ищет аргументы в пользу устных преданий как исторического источника - не в определении их как отражения реальной действительности, украшенном в отдельных случаях фантазией, а в наименее недопущении выдумки из-за соображений морального порядка. "Какое бы то ни было дерзновение выдумывать, чего не бывало, где надлежит опасаться, чтоб тотчас во лжи изобличену не быть", - говорит он, приглашая читателя разделить его точку зрения на вопрос»⁴. Однако данное противоречие в характеристике взглядов Миллера легко устраняется, если мы прочтем процитированное Мирзоевым в контексте всего фрагмента. Миллер в данном случае призывает верить не легендам и преданиям, которые он приводит в тексте "Истории Сибири", а тому, что он, Миллер, не выдумал эти рассказы, а действительно записал их со слов информаторов в Сибири⁵.

Большое число мифов, легенд и преданий, которые, как считалось, были впервые зафиксированы учеными в XIX и XX вв., можно обнаружить в их гораздо более раннем варианте в экспедиционных рукописях Миллера. Рамки настоящей работы не позволяют детально охарактеризовать все многообразие этих текстов. Возможности, которые открывает современ-

¹ Там же, портф. 521, ч. 1, л. 162 - 163 об.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 186 - 187.

³ Там же. С. 187.

⁴ Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово, 1963. С. 139.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 164.

ным исследователям изучение этих источников, хорошо иллюстрируют несколько записей, сделанных Миллером осенью 1736 г. в Якутске.

В Якутске Миллер записал в полевом дневнике ставшее широко известным благодаря публикации в "Истории Сибири" предание о южной прародине якутов¹. Он сопроводил запись весьма важным примечанием, которого нет в "Истории Сибири". Согласно этому примечанию, хранителями данного предания являлись якутские шаманы, а из простых людей о нем знали лишь те, кого посвятили в это шаманы. В "Истории Сибири" Миллер приводит целую систему доказательств того, что в данном предании отражены реальные исторические события, но не упоминает об еще одном предании, которое косвенно подтверждает его гипотезу о переселении якутов на Лену с юга². В "Известиях о якутах..." он дает подробные сведения о 13-месячном лунном календаре якутов. Рассказывая о первом весеннем месяце Kulun-tular-čia (месяц ловли жеребят), он приводит предание якутов, согласно которому в старые времена весна начиналась гораздо раньше, чем в настоящее время. Сам Миллер высказывает здесь предположение, что якуты "имеют это предание еще со времён их первоначального местожительства, которое, разумеется, было более теплым, чем нынешнее"³.

В мифологии и легендарной истории якутов центральное место занимают два персонажа - первопредок кангаласов и культурный герой якутов Эллэй (Эллэй-Бостур, Эр-Эллэй, Эр-Соготох, Эр-Соготох-Эллэй) и грозный повелитель якутов к моменту появления здесь русских Тыгын, явившийся, согласно легендарной традиции, потомком Эллэя. Выдающимся исследователем якутского фольклора Г.В. Ксенофонтовым в 1921 - 1926 гг. в различных районах Якутии было записано множество преданий и мифологических рассказов, опубликованных лишь в 1977 г.⁴. Из 269 текстов, вошедших в сборник, большая часть повествует о деяниях Эллэя, Тыгына и их потомков, в частности о приключениях хитроумного внука Тыгына Масары в Москве.

Миллер записал наиболее ранние из известных ныне варианты рассказов об этих героях якутского фольклора. Его рукопись "Известия о якутах..." начинается с пространной записи под заголовком "Якутская легенда о происхождении чоканья" (т.е. обряда жертвоприношения кумыса во время праздника ысыах)⁵. На самом деле содержание легенды гораздо шире, в основных деталях она совпадает с большинством позднейших записей эллэевского мифа: Эр-Соготох приплывает в район современного города Якутска на единственном дереве; обнаруживают его по брошенным в воду

¹ РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 19 об.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 183 - 184.

³ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 4 об.

⁴ Ксенофонтов Г.В. Эллэйда. Материалы по мифологии и легендарной истории Якутии. М., 1977.

⁵ РГАДА, ф. 199, портф. 509, д. 3, л. 1 - 4 об.

перьям добытых им птиц; вначале он работает скотником у богатого батулинца, которому внушает необъяснимый страх; Эр-Соготох женится на дочери хозяина; он изготавливает первую берестяную юрту, первые берестяные и кожаные посудины и чашки, используемые при церемониях жертвования кумыса божествам, начало которым положил все тот же Эр-Соготох.

За два столетия миф об Эр-Соготохе (Эллэ) не претерпел существенных изменений, что свидетельствует о его глубокой древности. Может быть, не так уж неправ Г.В. Ксенофонтов, связывавший его с переселением якутов с юга на север¹. И все же некоторые сведения, содержащиеся в записях Миллера, в мифах, зафиксированных в ХХ в., отсутствуют. Нет в них, в частности, указания на то, что в районе Якутска до прибытия Эр-Соготоха жили лишь батулинцы, отсутствует сцена знакомства с богатым батулинцем, который будил спящего чужака, стреляя в него деревянными стрелами, и др.

Можно предположить, что текст легенды об Эр-Соготохе был записан Миллером со слов двух князцов Кангалацкого улуса - Оелто Кунинекова и Идельги Бигекова. Текст легенды находится в самом начале "Известий о якутах...". На начало пребывания Миллера в Якутске приходится и его встреча с названными князьями, которые возводили свой род ко вполне реальной исторической личности - Тыгыну, а следовательно, и к легендарному Эр-Соготоху. В портф. 365, где содержатся собранные Миллером материалы в основном географического характера, имеется "скаска", которую Кунинеков и Бигеков 4 ноября 1736 г. предъявили Миллеру (записана она на русском языке пищиком Якутской канцелярии, а переводчиком служил толмач ученого Федот Климовской)².

Помимо прочего, в документе князцы сообщают чрезвычайно подробные данные о роде Тыгына, начиная с преданий о его собственном происхождении и кончая сведениями о живших в то время правоправнуках Тыгына. В общей сложности князцы смогли назвать по именам 146 чел. из семи поколений рода Тыгына и еще 18 чел., имена которых они не сумели точно вспомнить. Сами князцы относили себя к двум линиям потомков Тыгына: Оелто Кунинеков был правнуком сына Тыгына Беджоко, а Идельги Бигеков был внуком другого сына Тыгына - Ыбаха.

По времени записи и характеру источника эти сведения занимают промежуточное положение между русскими документальными источниками первой половины XVII в., в которых отложились данные о внуках и сыновьях Тыгына, и историческими преданиями, записанными в первой половине XX в. Проблема достоверности исторических преданий о Тыгыне и его эпохе имеет большое значение в связи с тем, что их активно используют для решения важнейших вопросов истории якутов: об их первоначальном расселении в бассейне р. Лены, об освоении бассейна Вилоя, о взаимоот-

¹ См.: Окладников А.П. "Эллэйда" Г.В. Ксенофонтова // Ксенофонтов Г.В. Эллэйда... С. 5 - 8.

² РГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2, л. 142 - 145.

ношениях якутов с тунгусами и др. В литературе, в частности, высказывалось мнение, что якутские предания, повествующие о событиях трехсотлетней давности, гораздо более точно передают имена действующих лиц, чем русские письменные источники XVII в., где они сильно искажены¹.

В документальных источниках XVII в. нет точных сведений о происхождении Тыгына. Согласно преданиям, записанным Г.В. Ксенофонтовым, Тыгин - сын Мунныак-Дархана, внук Эллея. По сообщению князцов Кунинекова и Бигекова, Тыгин - один из восьми сыновей первого предводителя кангаласов Мугджана.

Что касается сыновей Тыгына, то их имена приводятся во всех трех указанных видах источников, однако совпадения можно обнаружить лишь в ясачных книгах, челобитных и других документах XVII в. и материалах Миллера. Князцы назвали ученому имена четырех сыновей Тыгына - Беджокко, Ыбах, Оккорей и Чабда. В русских документах первой половины XVII в. называется большее число сыновей Тыгына (или Тынина, как его здесь обычно именуют), но четверо из них, несомненно, соотносятся с указанными выше: Божеко (Бозеко), Ивак (Иван), Откурай и Чабда². В преданиях, записанных в 20-х гг. XX в., фигурируют совершенно иные имена сыновей Тыгына: Чаллаайы, Мечёкё, Мечёкё-Бёгё, Усун-Ойун, Кёнчёк-Кюёчэй, Муос-Уол, Таас-Уллунгах и др. Князец Оелго Кунинеков называет своего деда Мазары, а прадеда - Беджокко. Так же они именуются и в документальных источниках³, а вот в позднейших преданиях речь идет о Масары, отцом которого был Мечёкё-Бёгё.

Еще более показательно сопоставление имен правнука Тыгына, в особенности, когда речь идет о ближайших родственниках информаторов Миллера. Оелго Кунинеков, например, назвал 10 своих дядей, сыновей Мазары: Иттыкы, Мохсоиа, Тения, Эринга, Оджу, Борток, Кутуняк, Деганча, Тюсонек, Ортука, из которых первые пять были еще живы в 1736 г. В преданиях, записанных Г.В. Ксенофонтовым, называются следующие имена сыновей Масары: Ырыса-Тэнгийэ, Баий-Баабыкый, Кюннэт-Киннэс, Айаныыт-Ыстарыан, Айгаан-Кюрююкю, Сабарча-Киннэзэн, Хара-Бытык-Кючюонек.

Эти и некоторые другие сопоставления убедительно свидетельствуют о том, что предания якутов, записанные в XX в., можно использовать в качестве источника при воссоздании истории Якутии XVII - XVIII в. с большой осторожностью, проверяя их данными письменных источников соответствующего времени.

В своих взглядах на духовную жизнь сибирских народов Миллер далек от крайностей, характерных для многих европейских ученых XVIII в. В его

¹ См.: Окладников А.П. "Энгэйца" Г.В. Ксенофонтова. С. 5.

² Материалы по истории Якутии XVII века: Документы ясачного сбора. М., 1970. Ч. I. С. 15; Ч. II. С. 164, 165, 186, 187, 194, 195, 204 - 206, 209, 564; Ч. III. С. 922, 952, 954, 963, 1092.

³ Там же. Ч. II. С. 164; Ч. III. С. 922, 952, 963.

работах мы не обнаружим идеализации первобытности, рассуждений о золотом веке, в котором пребывают добродетельные и счастливые в своей простоте дикари, о чём писали Ж.Ж. Руссо и Д. Дидро. В жизни сибирских народов он обнаружил многие противоречия и негативные черты, которые были характерны и для других народов: эксплуатацию простых людей знатью, бедность, переходящую в "крайнее убожество", голод, воровство, нарушение супружеской верности, нечистоплотность, суеверия, бесправие женщин и т.д.

И все же некоторые идеи Миллера вполне соотносятся с воззрениями Руссо и Дидро. В основе этих идей - признание условности многих распространенных у цивилизованных наций представлений о добре и зле,личном и неприличном, благополучии и несчастье и т.п. Он, например, не видит ничего предосудительного в многоженстве. Добрачная связь жениха и невесты, появление у них детей до свадьбы также не шокировало ученого, которого вполне удовлетворяли объяснения на этот счет самих сибирских аборигенов, и здесь он близок к рассуждениям Дидро по вопросам семьи, брака и любви. Находит понимание у Миллера и многие представления коренных жителей Сибири о счастливой жизни, о чести, ответственности за судьбу родных и др. Пожалуй, самыми привлекательными для ученого были нравственные качества аборигенов, которые могли бы, по его мнению, стать образцом для европейских народов.

Взаимодействие аборигенной культуры с европейской (через русских) имело, по мнению историка, противоречивые последствия. При этом положительные перемены под русским влиянием он обнаруживает преимущественно в сфере материальной культуры и экономики, но очень редко связывает их с централизованной политикой государства. Будучи сторонником сильного централизованного государства, Миллер тем не менее избегает (за редкими исключениями) давать рекомендации по усилению роли государственных органов в управлении коренными народами Сибири. Судя по всему, причиной этого было скептическое отношение к возможностям тех людей, которые были проводниками правительственной политики в крае.

Колоссальное значение для современной этнографии экспедиционных материалов Миллера не вызывает сомнений. Анализ его экспедиционных рукописей показывает, что как этнограф-полевик, собиратель фактов он не имеет себе равных среди ученых не только своего времени. Собственно, эта сторона деятельности отмечалась исследователями и ранее, но при этом передко как почти единственное достоинство историка, якобы отставшего в своих теоретических воззрениях от передовой западноевропейской науки. Экспедиционные труды и материалы ученого доказывают, что в постановке задач этнографической науки, определении основных методов исследования народов Миллер не только не отстал от мировой науки, но и значительно опередил свое время. Больших успехов он достиг и в реализации этих программных установок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труды и материалы Г.Ф. Миллера по этнической истории и этнографии сибирских народов - явление в высшей степени неординарное в отечественной, да и мировой, науке. Их значение определяется в первую очередь колоссальным объемом достоверной информации практически по всем сторонам жизни коренного населения Сибири. Актуальность этнографических рукописей ученого особенно очевидна сейчас, когда традиционная этнография народов Сибири переживает серьезный кризис. Полевые исследования дают все более скучные материалы по самобытной культуре сибирских народов. По ним трудно судить о реалиях даже XIX в., не говоря уже о более раннем времени. В этой связи значительно возрастает роль письменных источников. Их выявление, изучение и вовлечение в научный оборот - одно из условий выживания этнографии. Неопубликованные и практически не известные специалистам немецкоязычные работы Г.Ф. Миллера открывают в этом отношении огромные возможности. Ни один из исследователей прошлого не оставил для потомков такого количества сведений по материальной и духовной культуре коренных жителей Сибири, их взаимоотношениям друг с другом и с русскими, топонимике и этнонимике, этническому составу, численности, расселению и миграциям, ассимиляционным процессам. В ряде случаев эти материалы имеют действительно уникальный характер, поскольку их просто не с чем сравнивать, в особенности, когда речь идет о малочисленных народностях, находившихся на грани исчезновения уже в первой половине XVIII в. (аринцы, ассаны, пумпокольцы, тайгинцы и др.).

Но не только богатейшим фактическим материалом насыщены труды Миллера. Следует отметить и удивительный для XVIII в. научный подход к решению важнейших проблем истории и этнографии сибирских народов. Собственно, Миллер первым обосновал необходимость превращения описаний народов в науку, являющуюся составной частью исторической науки, тесно связанную с археологией, лингвистикой, фольклористикой. Многие научные принципы, которыми он руководствовался в своих этнографических трудах, и сейчас признаются важнейшими в этнографической науке. Так, испытание временем выдержали принципы, по которым Миллер разделял народы на самостоятельные этнические образования и объединял их в группы. Главный из них - языковой. Он дополнялся наличием этнического самосознания, антропологическими данными, общностью образа жизни, обычаями, производственной деятельности, религии. Ученый также делал народы на кочевые и оседлые, на обитателей степей, таежной зоны и тундр.

Миллера отличают непредвзятость и доброжелательность по отношению к сибирским народам. В его трудах мы не обнаружим идеализированный образ "дикаря", не испорченного цивилизацией, но нет и высокомерной снисходительности, а тем более презрения к народам, столь отличным от его собственного. Особо привлекает ученого в сибирских народах их умение находить радости и удовлетворение, казалось бы, в самых трудных обстоятельствах жизни. Даже очень бедные кочевники, отмечает он, не хотели бы менять своего образа жизни и сравнивают себя с вольными птицами, не привязанными к какому-либо месту.

Не призываю к коренному изменению жизни аборигенов, Миллер тем не менее считал необходимым преодоление ими проявлений дикости. Россия - часть цивилизованной Европы, и ее историческую миссию ученый видел в распространении европейской культуры на восток, в приобщении аборигенов Сибири к достижениям цивилизованных наций. Дикость - это следствие изолированности народов, цивилизованность - результат их общения между собой. В отношении тех народов, которые отстаивают свое право оставаться дикими, проявляют "упрямство" и не желают подчиняться, для них же блага допустимо, по мнению Миллера, применение военной силы.

Эти общие положения ученого вступают в противоречие с его же собственными оценками, когда он характеризует современное положение сибирских народов. Здесь он акцентирует внимание на негативных последствиях вхождения сибирских народов в состав России. Находясь в составе России, многие народы пришли, по выражению историка, "во всенечное убожество", сократилась их численность. Восстания коренных жителей против русской власти Миллер неизменно расценивает как акты отчаяния людей, измученных произволом, поборами и откровенными грабежами со стороны представителей русской администрации. Оценивая результаты русского влияния на аборигенов Сибири, он исходит главным образом из интересов самих коренных народов. В его этнографических работах, как и в опубликованных исторических, сам факт присоединения Сибири к России оценивается положительно, однако к формам и методам реализации этого процесса он относится критически. В "Истории Сибири" на первом месте стоят интересы государства, в этнографических же трудах - интересы человека. Миллер стоял у истоков отечественной этнографии, и можно со всей определенностью сказать, что гуманистические традиции русской школы этнографии, окончательно оформившиеся в XIX в., имеют давние и прочные корни.

При описании сибирских народов Миллер стремился следовать принципам, которые он считал обязательными для историка: быть верным истине, беспристрастным и скромным. Даже если мы все же обнаруживаем в его работах некоторую пристрастность, то она продиктована симпатиями к проявлениям у сибирских народов лучших человеческих качеств, которые

сохраняют свою ценность и в наши дни. Все это делает этнографические сочинения Миллера не только уникальным источником по этнографии народов Сибири, но и ярким памятником гуманистической мысли XVIII в.

Значение этнографической деятельности Г.Ф. Миллера определяется не только тем, что он первым предпринял попытку комплексного описания всех сибирских народов, их этнической истории, материальной и духовной культуры, а также собрал ценные материалы по этим проблемам. Его теоретические разработки, специальные инструкции и программы оказали существенное влияние на труды И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, Г.В. Степлера, И.Э. Фишера, Я.И. Линденгау. С именем Миллера связана также деятельность многих других этнографов-ученых и энтузиастов-собирателей: И.Г. Георги, П.С. Палласа, П.И. Рычкова, братьев Тимофея и Василия Шмалевских, Ф.Х. Пленкиснера и др.

В отечественной историографии прочно утвердилось положение, согласно которому этнографическая наука как "особая самостоятельная область знания" с системой составляющих ее "понятий, принципов и методов" сложилась в России только к середине XIX в.¹ Миллеру в процессе становления отечественной этнографии никакой существенной роли не отводится. Настало время внести корректировки в эту устоявшуюся схему, принципиальные положения которой до сих пор не пересматривались. Анализ деятельности Г.Ф. Миллера как теоретика и организатора этнографических исследований, этнографа-полевика и автора оригинальных сочинений позволяет сделать вывод о том, что этот выдающийся ученый XVII в. значительно опередил свое время. Его представления о предмете этнографической науки, ее задачах, источниках и методах исследования оказали огромное влияние на всю последующую историю русской этнографии и до сих пор не устарели.

¹ См.: Токарев С.А. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М., 1966. С. 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО	- Всесоюзное географическое общество
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов
СПбО АРАН	- Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Этнографическая программа Г.Ф. Миллера

РГАДА, ф. 199, портф. 508, д. 1*

л. 1

// ПОКАЗАНИЕ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПРИ ОПИСАНИИ НАРОДОВ, А ПАЧЕ СИБИРСКИХ, ПОСТУПАТЬ ДОЛЖНО

1. Как из описания народов большая часть в свете людей великую приятность почерпают, сколько им путешествующие о незнаемых землях объявить могут, толь не менше оное описание имеет свою пользу и в истории для показаниями между народами по их общим языкам и нравам сходства. Чего ради в предприятии описания народов обое // наблюдать надлежит, писать о увеселительных и важных материах, притом же всяких мелочей и самых малейших обстоятельств пропускать не должно, потому что каждой вещи пользу не всегда наперед видеть можно.

2. Во-первых, надлежит иметь расписание всем в Сибири обитающимся языческим и другим иеруским народам с показанием по рекам и по другим знатнейшим странам и местам их подлинного // жительства и границ.

3. Потом по некоторым общим свойствам можно народы расположить в главные разделения для того, что состоящие в главном разделении в их нравах и поведениях много между собою сходствуют.

4. Разделять народы на кочевых и некочевых.

5. Разделить по различным странам Сибири на степных, на лесных и на таких, которые жительство имеют в северных местах. //

6. Разделять по различному их пропитанию, а именно, чем кормятся - торговли ли, земледелием ли, скотоводством ли, держанием ли оленей или токмо рыбным и звериным промыслом.

7. Разделять по разности законов.

8. Понеже часто случается, что звания, под которыми народы нам известны, от тех имян, которыми они сами себя

* Перевод с немецкоязычного автографа Г.Ф. Миллера (РГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 1, л. 36 - 82 об.) переводчика Академии наук И. Голубцова. Все исправления в публикуемом тексте сделаны нами по тексту автографа портф. 526, ч. 1 и оговариваются в подстрочных примечаниях.

л. 3 называют, несъма различают, то при описании каждого народа примечать, // как они на собственном своем языке себя и других соседственных народов называют, и обратно, как другие соседственные народы их именуют.

9. У российских называются син народы также разными именами, которым знаменования спрашивать и сыскивать с показанием к тому причин и случаев.

л. 3 об. 10. Которые народы между собою по видимому сходствуют или один от другого произошел; и о том рассуждать от большой части по их языку // и того ради по некоторому словеснику из разных языков и диалектов главнейшая слова написать. В пример тому на конце сего сочинения приобщен словесник.

11. Хотя между прочим в обыкновение вошло для опыта переводить "Отче наш", но редко находятся такие люди, которые бы в переводе окой молитвы надлежащее вспоможение дать умели. К тому же такие переводы почти никакой пользы не имеют. Впрочем, ежели к тому случай есть, можно последовать сему наставлению. //

л. 4 12. Полезнее будет собирать виды склонений и спряжений, что за простотою народа хотя не по грамматическому расположению, а однако переводом некоторых наречий учинить можно, в которых вносят склонения и спряжения.

13. Между прочим в языках вообще примечать, сколько каждой язык диалектов имеет и сколь много оние диалекты между собою различаются.

л. 4 об. 14. Которым языкам // пред прочими труднее учится и которым по видимому лёжко кажется и в чём состоит трудность каждого языка.

15. Каким образом у каждого народа первоначальной его языке помалу портится и вместо того чужестранной язык входит.

л. 5 16. Что в одном языку пред другим примечается достопамятного, например: на котором слоге обыкновенно бывает ударение голоса; все ли слова выговариваются совсем чисто до последнего слогу или // последнего слогу по большой части не выговаривают; не имеют ли каких особливых звонов, которых европейскими литерами совершенно изобразить невозможно; как они руския словь выговаривают и прочая.

л. 5 об. 17. Телесные дарования и внешней вид народов суть таких обстоятельства, которые прежде всего в глазах представляются. Притом же вообще, рассуждая по большому числу людей, примечать: крупен ли какой народ или мелок, жирен или сух, силен или слаб членами, // широкогрудой ли и широкоплечий, и прочая.

18. Что касается до лица - долго или узко, широко или кругло, или плоско.

19. Что надлежит до глаз, то именно показать - круглы ли или продолговаты, малы или велики, каковы цветом, у всех ли около зрачка есть звезда, как то пишут, что у некоторых американских народов оной звезды не примечено.

20. В рассуждении бровей - редки ли или густы, волосами широки или узки, круглы или высоко вверх подняли или равны и каковы цветом. //

л. 6

21. Каков нос - с горбом или плоской, долог или короток.

22. Каковы ноздри - широки или узки.

23. Каковы щеки - мясисты или полны, ровны или ямою впадут.

24. Каковы уши - велики или малы и далеко ли от головы отстали.

25. Каков рот - велик или мал, губы тонки или толсты.

26. Каковы зубы - белы или черны, велики и широки ли, часты или редки.

27. Какова бородка - широка, долга или клином вышла*. //

л. 6 об.

28. Какова борода и усы - волосами густы или редки и какова цвету.

29. Каковы на голове волосы - долги или коротки, густы, редки или кудрявы, жоски или мягки и каковы цветом.

30. Есть ли такие люди, у которых на голове волосы легкие.

31. Есть ли такие чрезвычайно долгие волосы, как у Избранца некоторой телембинской тунгус описан.

л. 7

32. Хотя кажется неблагопристойно, к тому же и за стыдливостью описывать сдва возможно, // однако же надлежит спрашивать про мужской и женской пол - помногу или помалу около тайных уд волосов имеют. Ибо, как сказывают, то большая часть сибирских народов, а паче женский пол, с вами европейцами рожнется. И о сем спрашивать наизначе у курил, ибо упомянуто, что мушкины, имея большие бороды, с прочими сибирскими народами в том много не сходствуют, то равным образом и женской пол нечто особливое имеет. // Естественная история тем получит приращение, когда между бородами и тайными местами съетсятся пропорция, а без сих обстоятельств и описание народов недостаточно будет.

л. 7 об.

33. Не рожнствует ли чем женской пол от мужеского, например ростом или лицом.

* Испр., в рукл. вышл.

34. Между женским полом более пригожих или дурных находится.
- л. 8   35. В каких летах у женщин красота спадает.
- 184   36. Какова у мужского и женского полу на лице // и на теле иска - исхва или жеска и какова видом.
37. Нет ли у кого по телу больших волосов и где - на груди, на руках или на ногах.
38. Есть ли такие люди, у которых по телу пятна или веснушки и каковы цветом, как они показываются с какими обстоятельствами, в каких летах, от болезней или родимые.
39. Откуда оная басня произошла, будто, по объявлению Страненбергову, при Чулиме⁵ есть в Сибири пегой народ или Пегая орда, проспросить обстоятельно. //
- л. 8 об.   40. Велики ли у женщин груди.
41. У мужчин и у женщин от большой части пуп выставился или впал ямкою.
42. Много ли робят толстобрююхих бывает.
43. Много ли срослых людей обоего полу толстобрююхих.
44. Сколько кривоногих.
45. Большие или малые икры ног имеют.
46. Велики ли ноги.
47. У всех ли северных народов ноги меньше, нежели в срединных и в полуденных странах сибирских. //
- л. 9   48. Как они ходят - ноги загнувши крюком или врознь, или прямо ступают.
49. Много ли дурных, горбатых и уродов.
50. Содержат ли в чистоте тело, руки и лицо, моются и парятся ли.
51. Моются ли коряки и чухчи урикою.
52. О направлении всяких фигур на руках и на других местах тела, что у остыков и ногуячей иногда бывает и на лице.
- л. 9 об.   53. О вышивании фигур на лице у тунгусов // и чем вышивают, и для чего.
54. О чернигии и вышивании губ и рук у курилов.
55. О крашении ногтей у татарских женщин в Тобольске, на Таре и в Тюмени - какую травою краску наводят и каким образом краску делают, и сколь долго оная на ногтях бывает.
56. Мужчины волосы на голове стригут или бреют, или растяг и чешут ли.

---

* Испр., в рук. Шулиме.

57. Бороду и усы бреют или стригут, щиплют или клещами вырывают. //

л. 10 58. О хохлах и косах у мужчин, у баб и у девок, где - на голове или на лице и по скользкую.

59. О фальшивых пришитых косах у баб в некоторых народах.

60. О мази, згоняющей волосы у татарских баб бухарской породы, чтоб по примеру турецких и персидских женщин с тайных мест згонять волосы.

61. Или вместо помянутой мази оных волосы бреют или с молодых лет выщипывают.

л. 10 об. 62. О головных повязках женских и какия с окных висят // около ушей и под бородком украшения.

63. Какие к косам приплетаются украшения.

64. О яуляке или фате, которой татарки махометанского закону покрывают головы, что принято в обычай також у ногуличей и у остиков.

65. О сергах и о прикрепленных к оким украшениях.

66. О кольцах, какия продеваются в ноздри татарки.

67. О кольцах или перстнях, какия на руках носят.

68. Об ожерельях и запястьях. //

л. 11 69. Есть ли в таковых женских уборах какая разность между девками, бабами и вдовами.

70. Не носят ли такого женского убору и мужчины.

71. Каким образом чукчи прокалывают у себя щеки и вздевают моржовые зубы, что Витцен показал и о некоторых американских народах.

72. Обстоятельно описать зимнее и летнее всякого народа платье, каждое порознь, и как оное по их называется.

л. 11 об. 73. В том числе полагается верхнее и нижнее платье, // шубы, душагрейки, рубахи, штаны, чулки, сапоги, башмаки, рукавицы, поясы и прочая.

74. Есть ли наудники, которые вместо шапок, також и под шапками носят.

75. Носят ли вместо шапок повязки из бельих хвостов, как то у тунгусов водится.

76. Какое церемониальное платье у замужних жен степных татар, бурятов и якутов, что по-татарски называется цртедек, по-бурятски дигиди, а по-якутски тагалай.

л. 12 77. Мужская и женская // штаны между собою различаются ли и чем.

78. Каким образом бабы и девки на Камчатке штаны своим ремнями наскрепко завязывают, так что оных скоро и развязать невозможно.

- л. 12 об.
79. В котором народе женщины без штанов ходят.
80. О замке, которым замыкают тайные места или так называемом воропе, или уропе, у остатков и ногуличей.
81. Каких зверей из кож всякое платье делается.
82. Или из птичьих и рыбьих кож и каких птиц и рыб*. //
83. Из какой материи - российской, китайской или немецкой, шерстяной или шелковой.
84. Чем разнится между собою мужское, женское, вдовье и девичье, и ребачье платье.
85. Из какой мягкой рухи делают у платья опушки.
86. Чем платье строчат и вышивают.
87. Какими украшениями убирают и чем обвещивают платье, а паче женское.
88. О разных мешонках, которые на боку носят и что в оных у них кладется. //
- л. 13
89. О всяких потребностях, которые носятся на поясах, у штанов или инде где.
90. О широких лопостях брацких татар, которые у них по обеим сторонам висят и называются хормоючи'; такия же носят и якуты.
91. О похожем у некоторых народов, принявших христианской закон, платье на русскую стать, а паче, что надлежит до головного убора у женщин.
92. Какова цвету больше любят сукна или окотиес носят, шелковый и из хлопчатой бумаги // материи, с большими или малыми пестями, нанизанными корольками.
- л. 13 об.
93. Не ходят ли где как мужского, так и женского полу летом до пояса обнаженные или по которое место обнажают тело.
94. Как то на Камчатке и у коряков, и у чукчей всякой дома нагой ходят.
95. По описанию вышелоказанным образом народов по их телесному виду и платью можно рассматривать их жилища и домовой скарб.
- л. 14
96. Что надлежит до // жилищ, то напаче примечать, постоянны ли их жилища или нет.
97. Непостоянны жилища свойственно можно назвать те, которые с одного места на другое переносятся, а постоянны - которые всегда на одном месте бывают. Есть же притом у иных народов и такое обыкновение, что хотя жительство имеют и не

* Испр., еркл. зверей.

* Испр., еркл. хормоючи.

и в одном месте, однако то бывает у них смотря по разности времен года, ибо они летом живут в летних дворах, а зимою в зимних. Другие же жительство // имеют зимою на одном месте, а летом на переменных местах.

л. 14 об. 98. Чем различаются зимние и летние жилища, каким образом строятся и чем покрывают и на каких местах обыкновенно бывают, и какое у каждого народа название имеют.

99. Как часто непостоянны жилища с одного места на другое переносятся, какие места в разные годы времена под оные выбираются и что за строение. //

л. 15 100. На которую страну света их жилища стоят дверьми или входами, из чего те двери делаются и как запираются.

101. Какие бывают оконницы в стенах и на кровле.

102. О комлях, очагах и дымовых окошках.

103. О бываемой в некоторых жилищах от дыма нужде.

104. О вмазанных у татар котлах, в которых они варят естvu.

105. О внутренних в их жилищах украшениях и обоях.

л. 15 об. 106. О каморках и перегородках // для мужеского и женского полу, где то есть в обыкновении, или для разных в одной юрте вместе живущих семей.

107. Какие кровати и постели и из чего делаются, какие занавески и где хозяйская и хозяйственная постель обыкновенно бывает.

108. О чуланах, анбарах, погребах и конюшнях при их жилищах.

109. Много ли жилищ вместе или по большой части тоже по одному бывает.

л. 16 110. Не живут ли у какого народа в одной юрте // многие семьи или паче многих семейств не по одной юрте имеют.

111. Наиначе обстоятельно описать камчадальские землики, в которых они живут зимою, также и летния их балаганы.

112. Для какой причины оные летния балаганы строятся на сваях и какая от того есть способность.

113. Находящейся в жилищах домовой скарб весь описать - в чем варят, из чего едят и пьют и в чем запас держат и прочая.

л. 16 об. 114. В том числе разумеются // котлы, блюда, глиняная посуда, ступы, толоры, ножи, ложки, огнива, кремки, трут⁴, таганы, кочерги, деревянная и берестяная посуда, коженные мешки и чумаданы и прочая.

⁴ Испр., в рук. труд.

115. О деревянных корытах, костяных топорах и о состоящем из двух чурок орудии, которым огонь добывают, яко о старинных домовых вещах многих народов, пока им употребление железа еще известно не было, как то поныне есть все на Камчатке. //

л. 17

116. О курительных горшках, которых лесные тунгусы на спине носят, а другие в лодках с собою возят от комаров.

117. Об осколбленных корках разных дерев у ногуличей и у остатков, которые они вместо ручных платков употребляют.

118. Описание внутренним свойствам каждого народа зачинать с их разума и вообще рассуждать, нет ли между ими по большой части от природы умных, острых и лукавых или глупых и простаков и который народ пред // другим в том имеет преимущество.

л. 17 об.

119. Много ли есть таких примеров, что люди иногда рождаются совсем без ума или в срослых летах от меланхолии или от других каких причин лишаются разума.

120. О некоторых якутах, а по большой части о их женщинах: ежели кто их нечаянно толкнет, то он взбешивается и всякия безумным людем подобные виды показывает.

121. Нет ли у них чего-нибудь и от наук или художеств и в чем то состоит. //

л. 18

122. Которые народы имеют письма и книги и которые не имеют. Сколько давно оных письма у них введены и откуда взяты.

123. Много ли таких, которые читать и писать умеют, какого звания люди, у кого они тому обучаются, какия установлены учреждения в школах и не обучаются ли кроме того чему другому.

124. Какие у них книги и что в оных писано, кто сочинял и когда.

л. 18 об.

125. Притом же надлежит иметь старание, чтоб с таких // книг, в которых что есть географического, исторического и до веры касающегося, делать списки или бы по крайней мере помощию искусного толмача выбирать из оных сокращения.

126. Каких у них повести о сотворении мира и о произшествии первых людей, которая не только у имеющих письма и книги людей, а именно мюхометанского закону у татар, у калмыков и у мунгалов, но и у других, а паче у камчадалов находятся. //

л. 19

127. Система света, по мнению Платонову, которую мунгалы и калмыки содержат, есть в сей материи главным пунктом, а о сем только из их писем обстоятельное известие получить можно.

128. Можно иногда нечто особливаго найти и в тех мнениях, которые имеет каждой народ о Земли и о прочих небесных телах.

129. К тому же принадлежит и то, как у них называются некоторые звезды, а именно: Большая и Малая Медведица, Вечерняя и Утренняя звезда. //

л. 19 об.

130. О четырех странах света, то есть восток, запад, юг и север и как они по их называются.

131. Какое у них мнение о солнечных и лунных затмениях, от чего они происходят и не почитают ли за нещастия предзнаменования.

132. Что они думают о молнии и громе, и о прочих воздушных приключениях и для чего они боятся. Також какое о северном сиянии имеют мнение.

133. От чего бывает земли трясение. //

л. 20

134. От чего происходит прилив и отлив моря.

135. Какий у камчадалов есть повести о находящихся на Камчатке горящих горах и о горячих ключах.

136. С которого времени щитают они годы - с весны или с осени и не почитают ли лета за год, а зиму за другой.

137. О двенадцати- и шестидесятоисленном хронологическом круге мюхометанского закона у татар, мунголов и у калмыков.

138. Разделяется ли год на четыре времена и как они называются. //

л. 20 об.

139. Разделяется ли год на месяцы, по солнечному или по лунному течению.

140. О двойном месячном счислении мюхометанского закона у татар по солнечным и по лунным годам и в каких случаях которое счисление употребительно.

141. О высокосном, по счислению лунного течения годов, месяце и между которыми месяцами оной высокосной месяц полагается и какое имеет название. //

л. 21

142. Каким именем месяцы у каждого народа называются по солнечному и лунному годовому счислению и сколько каждой месяц дней имеет.

143. Притом же примечать, что почти все языческие народы, хотя у них ни писем, ни книг нет, а однако годы делят на месяцы и дают им имена, которых от большой части по бывающим у них в каждом месяце работам взяты, и того ради спрашивать надобно, какое все такие имена знаменование имеют. //

л. 21 об.

144. Имеют ли они счисление лунному течению или по крайней мере не могут ли наугад показать, когда луна родится или полна будет.

145. Делят ли месяцы на недели, а недели на дни и имеют ли они имена, и что они значат.
146. Не почитают ли иных дней прасливее других и о монгольских и калмыцких астрологах.
147. Делятся ли дни на часы.
148. О искусстве монгольских и калмыцких духовных // людей в лечебной науке.
- л. 22 149. Нет ли между прочими народами таких людей, которые бы всякия болезни лечили и какими лекарствами.
150. О употреблении целительных теплиц у монголов и у калмыков.
151. О лекарственной силе воды из выпадшего впервые снегу у тех же народов.
152. О моксе, или ядне, яко универсальном лекарстве, употребительном у всех сибирских и прочих азиятских народов от лому составов. //
- л. 22 об. 153. Из чего оная ядна делается, каким образом составляется, прикладывается и называется.
154. К каким болезням пригодна и в каких местах тела, и какое имеет действие.
155. О вышивании кожи на больных местах и о направлении фигур таким образом, как они тунгусы на лице вышивают, а остатки разных фигуры на руках вытравливают.
156. О лекарствах от французской болезни, от горячки, от лихорадки, от воспалы и от прочих болезней. //
- л. 23 157. О внутренних болезнях и чем ония лечат, а между прочим о употреблении травы, называемой арчанги, у чулимских⁶ татар от грыжи.
158. О лекарствах от цынготной болезни.
159. Чем лечат озаблленные тела члены.
160. О лекарствах от чирьев, а паче о употреблении бобровой струи от бывающей у младенцев около тайных уд болезни у остатков при реке Оби.
161. Об очной болезни и о ношении от оной пред глазами сита. //
- л. 23 об. 162. О ранах и о всяких предупредительных от того лекарствах.
163. О сушечных и мелко истолченных лягушках, яко о яде, каковой, по скажкам, у чулимских татар бывает.
164. О средстве от унятия течения крови.

* Испр., в рук. чулимских.

165. Ежели изломится^{*} рука или нога и буде вывихнется какой член, то как опять вправливают, обвязывают ли поврежденные места и чем. //

л. 24

166. Ежели расшибен будет головной череп, то чем такую язву лечат.

167. О мунгальских и калмыцких идолописцах.

168. О деланни глины на идольские болваны у тех же народов.

169. О печатании у них книг и прочих фигур.

170. О добродетелях и пороках каждого народа, к чему оной наибольше склонен или, по мнению прочих, что больше любит.

л. 24 об.

171. Притом же примечать надлежит честность, // обман, воровство, убийство, самоубийство, стыдливость, сластолюбие, блудодение, мужеложство, прелюбодение, ревность, храбрость, боязливость, лукавство, упрямство, упорство, равнодушие, гнев, гордость, хвастовство, способность, трудолюбие, леничество, чревонеистовство, воздержание, пиры, сребролюбие и прочая.

л. 25

172. О их политическом состоянни, не имеют ли они над собою каких главных начальников // своего же роду, как они их называют и почитают и не было ли у них таковых из давних лет еще прежде покорения оных под Российской державу.

173. О татарских би и башлыке, и есауле, о мунгальских, брацких и калмыцких ташах, заиссанах, даргах, шупенгах, есаулах, или сасулах, и бошках, о якуцком тайоне и о прочих.

л. 25 об.

174. Прежде завоевания россиянами платили ли они таковым начальникам своим дань и не давали ли // оной другим народам.

175. Из сколь давних лет разделяется какой народ на поколения и не живет ли какой народ от другого особливо, и не называется ли собственным именем и притом показать, коим образом и при каком случае сие учинилось. Також не имеют ли они какого известия, как прежде сего с ними происходило.

л. 26

176. Есть ли между ими какой суд и расправа, кем оной суд производится. // Нет ли при том какого пристрастия и не бывает ли от знатных подлым обиды.

177. Сколько жестоко по прежним поведенням было у них наказание за смертоубийство, за прелюбодение, за блуд, воровство и прочая и сколько тяжко за то же ныне наказывают.

* Испр., в рок. изложится.

178. Каким образом они между собою божатся, когда, например, кто хочет себя очистить от изведенного на него подозрения.
179. О бытии собак и о сосании крови у тунгусов. //
- л. 26 об. 180. О опасных камнях, по-брашки - аеху-чолок, по-русски - шаманской камень.
181. О сидении лоскутка медвежьей кожи, о лизании кожей, о целовании идолов и о кусании их, и о прочем.
182. Каким образом при торжественных случаях происходит у них присяга или присягают они пред городским судом.
- л. 27 183. Каким образом при заеме долгов заключаются у них контракты и каких // те, которые писать не умеют, на себя дают обязательства, что один другому должен и сколько.
184. Не нажигают ли они при том на коже знаков, как пишет об остриях Миллер, или зарубают зарубки на деревах и на палочках, или дают русским письмом писанные, с приложением их рук, обязательства, или довольно бывает и одних слов.
- л. 27 об. 185. Какие у них рукоприложения знаки имеют // и не бывает ли у них того, что такие знаки каждого рукоприлагающего у них равны бывакут, как Витген пишет, так что узнать можно, что такой знак подлинно того человека, а не другого.
186. О мере и весах, где омыя введенны и как по их называются, и какую с российскою мерою и весами пропорцию имеют.
187. О мере верстовой и как по их называется, и какую с русскими верстами пропорцию имеет. //
- л. 28 188. Какое они между собою имеют обходительство. Родники и соседы живут ли между собою дружно и часто ли друг к другу ходят.
189. О участии к друзьям и приходящим к ним гостям.
190. Каким образом друг друга поздравляют и между собою прощаются и в каких словах.
191. Целуются ли в щеки и губы.
192. Кланяются ли и снимают ли с голов шапки, где есть в обыкновении, не приклоняют ли где колен // и отдают ли начальнейшим своим в хождении и в сидении какое почтение.
- л. 28 об. 193. Не зовут ли гостей для плотского смешения, как то бывает у тукчай.
194. О обычье якутов, когда добрые друзья один другого подчиваются, чтоб с дерева сорвать верхушку.
195. Есть ли обычай поздравлять при чихании.

- л. 29   196. Есть ли в обыкновении, чтоб один другого из своих, также и из чужих, чем-нибудь подчывал. //
197. В каких словах они своих неприятелей или в побранке между собою бранятся.
198. Во времена брани не бывает ли у них драки и друг друга не ранит ли, и до смерти не убивают ли.
199. Не выходят ли на поединки, как то бывает у тунгусов не только между чужими, но и между самыми кровными родниками.
200. О задавлении у курилов.
- л. 29 об. 201. Не имеет ли когда какой народ // или разные фамилии между собою войны или по крайней мере прежде того не имели ли.
202. Какие причины к таким войнам подали повод.
203. Бывает ли наперед объявление войны или нечаянным образомчинят нападения.
204. Имеют ли они на войне у себя начальников и предводителей и как называются.
205. И таковые их предводители делают ли войско на части, есть ли знамена или вместо оных другие какие значки в каждой войска части. //
- л. 30   206. Становятся ли на сражениях боевым порядком и с каждой стороны бывает ли пограничной лагерь.
207. О раскладывании между обеими воюющими сторонами огня, как то бывает у тунгусов, и есть ли то и обычай у других народов.
208. Сперва ли отправляются шаманства, или церемонии их волхвов, и в чем оные состоят.
209. С каким орудием и ружьем они на войну ходят.
- л. 30 об. 210. Какие у них панцыри. //
211. Какие стрелы, которыми на войне стреляют.
212. О копьях, дротиках и рогатинах, и о прочих.
213. О хитростях чукчей.
214. Прямо ли от себя стрелыпускают или в верх косо.
215. О камчадальских, коряцких и чукческих острогах, как оныестроены и каким образом приступать надлежит.
216. По пролитии крови чукчи в поход далее ходят ли или назад отступают.
- л. 31   217. Каким образом мирные // договоры происходят и мир заключается, на каких статьях и содержится ли оный твердо.

*** В рядах пунктов не заполнен и на конце стоят знак +.

218. От чего какой народ получает пропитание, а именно: какие торги бывают, покупают ли они сами какие товары и откуда продают ли кому.

219. У которых народов есть земледельство и у которых нет.

220. Какой хлеб сеют - рожь, пшеницу, ячмень, овес, днекую гречиху, или кырлык. //

л. 31 об.

221. На каких местах бывает земледельство - на горах или в долинах, на степях, на лугах или на еланях.

222. Лошадьми ли пашут и боронят или просто руками землю взрывают.

223. Какими каждой народ орудиями землю пашет и как они называются.

224. Возят ли навоз на пашни.

225. Как хлеб жнут - вместе с соломою или одне только забирают колосы. //

л. 32

226. О бываемых на пашнях у мунгалов, бухарцев и у прежних киргизов⁴ квалах, которых и поныне при Иртыше и на степях около реки Абакана остатки видны.

227. Садят ли огородные овощи и прочие плоды.

228. Которые народы скот водят и какой именно.

229. Которые народы держат всякой скот и которые только одних лошадей и рогатую скотину, и которые только одних лошадей водят. //

л. 32 об.

230. Причиною тому быть могут способность места, корм скотской, опасность от диких зверей и прочая.

231. Сколько долго каждой народ скот у себя водит и сколько скоро оной плодится.

232. Сколько много у каждого народа или у знатнейших между им всякого скота.

233. О разделении скота, а паче лошадей, на табуны.

234. О табунных жеребцах и как они правят своими табунами. //

л. 33

235. О посвященных⁵ табунных жеребцах и меринах, которые по-татарски сетер, по-брацки онто называются, и каким при том находится обстоятельства.

236. Можно⁶ ли лишить сетера святости и каким образом⁷.

237. Как кладут жеребцов и при том всегда ноздри прорезывают.

⁴ Испр., в ржк. киргизов.

⁵ Испр., в ржк. привученных.

⁶ .. Испр., в ржк. Кажи образом сетера опять отучить можно.

238. Кладут ли быков и баранов и каким образом то происходит.

239. Всех ли кладут жеребцов, быков и баранов, которых на племя непускают. //

л. 33 об. 240. Все ли лошади объежжены и в работу употребляемы бывают или много диких ходят.

241. Которые места в рассуждении корму и других обстоятельств скоту каждого рода наилучшие.

242. Какая разность в доброте скота в разных местах.

243. Чем лучше татарские, а паче сагайские, лошади.

244. Какое преимущество имеет рогатой скот в полуденных и северных странах пред срединными местами сибирскими. //

л. 34 245. Какую доброту пред другими овцы имеют с толстыми хвостами.

246. В зимнее время весь ли скот или некоторое число кормят сеном или сам себе корму искать принужден.

247. Познают ли по чему чреватую скотину.

248. Что они делают после родов с местом.

249. Разные названия жеребят, телят и ягнят по 1, по 2, по 3 и по 4 году.

л. 34 об. 250. Жеребята, телята и ягнята всегда ли при своих материах остаются // и как с ними обходятся тогда, когда у кобыл и у коров молока достать надобно.

251. Даются ли кобылы и коровы без телят доить себя.

252. Как то барабинские татары, когда телята падут, выворачивают их же кожн, коров обманывают и таким образом у них молоко достают.

253. Как якуты коровам в брюхо дуют, чтоб они более молока давали.

254. Доят ли овец.

л. 35 255. Каждая ли семья // собственных своих лошадей, коров и овец имеет.

256. О верблюдах у брацких татар, у муигалов и у перчинских тунгусов.

257. О ручных оленях у северных и у лесных народов.

258. О несправедливом разделении тунгусов на оленные, юрные и собачьи.

259. О вероятнейшем разделении некоторых тунгусов при Пенжинском море и при всем коряцком народе на оленные и сидячие. //

л. 35 об. 260. О тунгусах разных родов, которых прежде оленей имели, а ныне нет.

261. Есть ли в обыкновении диких оленей делать домашними.

262. О разделении звания ручных и диких оленей на разных языках.

263. По Шефферову объявлению, есть ли какая разность между домашними и дикими оленями в их величине.

264. Дикие и домашние олени дружно ли между собою живут и потому сии последние к первым не бегают ли. //

л. 36 265. Которой народ оленями пред другими богатейший и сколь велики стада знатнейшие у себя имеют.

266. Всех ли домашних оленей в верховую и в санную езду употребляют и много ли диких у них водится.

267. Бьют ли они их для ежи и в еду употребляют ли.

268. Каковы олени шерстью в разных местах.

269. Чем олени зимою и летом кормятся.

270. Кладут ли оленей и каким образом. //

л. 36 об. 271. В каком стаде по скольку оленевых самцов ходят.

272. Сколь далеко стада от яилья заходят и каким образом оленевому самцу колокольчик привещивают, чтоб их опять собрать можно было.

273. В которое время они ходятся и рожают молодых оленей.

274. Что делают после родов с местом.

л. 37 275. Не почитается ли за худой знак, когда самка оленя родит двойни, и того ради нет ли // в обыкновении у некоторых народов, чтоб после родов одного из них убивать.

276. Какие разные названия молодым оленям по 1, по 2 и по 3 году и так далее, как то некоторые народы по разности лет молодых лосей разными именами называют.

277. Как у них рога растут и в которое время и когда спадывают.

278. Как они ту кожницу, которая сперва на рогах наростила, сскабливают и чем их от того пользуют. //

л. 37 об. 279. Доят ли оленей и каким образом и не бывает ли при том молодого оленя.

280. Как часто доят и по скольку молока достают.

281. Сколь стари олени бывають.

282. Всякой ли человек в семье собственных оленей имеет.

283. О антиплаки оленей и лошадей.

284. О заразительной болезни, которая бывает у домашних оленей.

л. 38 285. О держании собак. У иного народу их больше, // а у иного меньше и во что оных употребляют.

286. Которые народы много и которые мало у себя собак имеют и до какого числа их держат.

287. Какая разность между собаками в полуденных, срединных и северных местах в Сибири и на Камчатке, сколь велики, толсты и долги на шерсти волосы и какова цветом, сколь способны на промыслах, и сторожки ли, и прочая.

288. Для чего собаки держатся - для зверного промыслу или для езды на них, или токмо для однех кож на опушку пальца. //

л. 38 об. 289. Каким образом молодых собак на промысел ходить приучают.

290. Чем собак кормят.

291. Можно бы было наперед объявить о кочевые и о езде народов, токмо о скотоводстве и что к оному принадлежит неотменно надлежит наперед упомянуть, ибо описание сей материи может быть вместо приготовления опять другой материи, а именно, о ходбе на промысел звериной и рыбной. //

л. 39 292. При сем надлежит рассматривать все камеренки и обстоятельства езды народов: на какой конец оных происходят - для жительства или для промыслу звериного, или для направления других общих дел, вместе с семьями или без семей.

293. О верховой езде и о перевоске скарбу на лошадах и верблюдах.

294. Которые народы высоко поднявши стремена и скручивши ноги на лошадях ездят и какую от того имеют пользу. //

л. 39 об. 295. О морении голодом и о истомлении лошадей, которая назначены в дальней путь.

296. Какая способность на верблюдах ездить чрез сухия степи.

297. Которые народы ездят на телегах или на качках и каковы делом.

298. О неосновательном объявлении некоторого арапского автора, которое находится у Витзена, якобы мунгали ездят на телегах парусами.

л. 40 299. Лошади или быки порознь или вместе запрягаются. //

300. О езде санями на лошадях и на быках и как делаются сани.

301. О неосновательном объявлении у Витзена, якобы калмыки на санях парусами ездят.

302. О езде санями на оленях и каковы делом оных сани.

303. Ездят ли летом в санях на оленях.

304. По скольку оленей в зимнее и летнее время запрягается.

305. Каким образом запрягают и как оленями правят.

- л. 40 об. 306. Сколько поклажи бывает и сколь скоро ездят. //
307. О верховой езде и о перевозке скарбу на оленях.
308. О нартах: собаки или люди оных возят или люди вместе с собаками.
309. О обычье между рускими в некоторых северных местах в Сибири, которые на нартах парусы подымают и по ветру ездят или по крайней мере тем собакам делают помочь.
310. Описать наряды по их делу, по величине и по всем частям со всеми к оным принадлежностями. //
- л. 41 311. По скольку собак обыкновенно запрягают.
312. Как запрягают и правят.
313. Сколько поклажи на некоторое число собак кладут и сколь скоро на них ездят.
314. О малых тунгуских санках, которых они сами возят.
315. О лыжах и о различии оных у разных народов.
316. Сколь оных велики смотря по человеческому возрасту.
- л. 41 об. 317. Одна лыжа больше ли, // а другая меньше ли, как Шефффер пишет.
318. Как оных к ногам прикрепляют.
319. Чтоб лыжи ходчее ходили, то чем оных подбиваются или намазываются.
320. О исподбных лыжах, или голицах, и о употреблении оных.
321. Помянутые голицы видом и величиною от лыж различаются ли.
322. О тростях, которые для способнейшаго на лыжах ходу берутся.
323. Каким порядком со всеми семьями в кочевые обращаются. //
- л. 42 324. Каким образом что на телеги, на сани, на верблюдов, на лошадей, на оленей, на нарты кладут и увязывают.
325. Кто наперед едет на возу или верхом, или пешком идет провожатым, також и для приготовления или расчиски в густых лесах дороги и кто скарб возит.
326. О водяном ходе и какия при том употребляются суда.
327. У которых народов делаются суда или лодки по рускому обычью и у которых // отменено.
- л. 42 об. 328. О тех называемых у остиков, самоедов и юкагиров облассах и ветках и о поспешности править оными.
329. О лодках берестяных у лесных тунгусов и у некоторых лесных народов в Красноярском уезде, и у якутов и о различном оных виде.

330. О шитиках⁹, или о сплоченных из досок и связанных ремнями судах, у якутов.

л. 43 331. О коженных лодках у мунгаль и у степных // тунгусов, которые из растянутых воловьих кож бывают.

332. О байдарах, или кожаных лодках, у коряков и камчадалов, которые состоят из тюленевых кож и из рыбьих костей.

333. О коженных пузырях, в которых чукчи по рекам и по морю ездят.

334. Какие веслы у всех вышеупомянутого рода судов бывают.

335. О переправе через реки на лоромах и на плотах.

л. 43 об. 336. О переправе через реки // вплавь, держучись за гриву и хвост лошадиной, как то у Казацкой Орды есть в обыкновении.

337. Притом описать их звериную и птичью ловлю со всеми обстоятельствами.

338. В которое время на промысел ездят за какими зверьми и с каким орудием.

339. Которые народы обучились стрелять из винтовок и в каких случаях оными действуют:

340. О стрелании из луков и о пользе оных. //

л. 44 341. Какова свойства луки и каким образом делаются.

342. Из каких частей луки составляются и какие тетивы.

343. Которые луки за самые хорошие почитаются и в чем состоит доброта.

344. Как луки держат и стреляют из оных.

345. Которые народы в стрелании из луков поспешны и искуснейшие и какая при том выдают штуки.

346. Всякого¹⁰ рода стрельбы¹¹, которая на звериной промысл употребляются. //

л. 44 об. 347. О¹² широких и узких ромбовидных стрелах, по-русски кибиры и копейчатые¹³.

348. О¹⁴ ромбовидных стрелах со свистящим шариком, по-русски свистуны¹⁵.

349. О¹⁶ вилообразных стрелах, по-русски оргышы, также вылчатые, или вилловатые¹⁷.

350. О¹⁸ долотообразных стрелах, по-русски долочатые¹⁹.

⁹ Испр., в ркн. шитиках.

¹⁰ Испр., в ркн. всякия пошли.

¹¹ Испр., в ркн. О кибирах и копейчатых стрелах.

¹² Испр., в ркн. О свистунах.

¹³ Испр., в ркн. О оргышах и вылчатых, или вилловатых, стрелах.

¹⁴ Испр., в ркн. О долочетых стрелах.

351. О¹ шилообразных стрелах, по-русски шилчателье².

352. О¹ костяных стрелах, по-русски костеница³.

353. О¹ деревянных стрелах, по-русски тамары⁴.

354. О¹ вилобразных и ромбовидных стрелах, а также деревянных стрелах с одним и с пятью остриями, называемых по-русски поводники и скакуски⁵.

355. Какого рода стрелы у какого народа наибольше употребительны и какую из того имеют прибыль.

л. 45

356. Из чего состоят // стрелы и с какими перьями.

357. О разности летних и зимних стрел у некоторых народов в опушке перьями.

358. О преимуществе орловых перьев в опушке стрел.

359. О сайдаках и тулах, или волчанах, и как они насят.

360. О наручение при стрелянии из лука, чтоб тетивою левой руки не повредить.

361. О⁶ больших и малых охотничих ножах, по-русски откас, или палма⁷.

362. О копьях и рогатинах, или витиях.

л. 45 об.

363. У которых народов // откасы и рогатины во употреблении.

364. О ловле больших зверей, в именно, во-первых, о облаве на лошадах, когда ловят изубров и коз, и прочих зверей изуброва роду у степных народов.

365. О облаве пешком у некоторых северных народов, когда ловят оленей, и о разных при том обыкновенных способах.

366. О одинакой ловле всяких больших вышеупомянутых зверей на лошадах по степям и лесам собаками.

367. О употреблении на оленном промыслу охотничих рогов. //

л. 46

368. Об охотничих трубочках для приманы кабарг и саиг⁸.

369. О ловле лосей, изубров и коз, когда их на высоких озерах, которые так называемы цветками-солонцами бывают усланы, ловят.

370. О ловле лосей и диких оленей лыжами по насту.

371. О ловле лосей по рекам летом.

¹⁻⁴ Испр., в рукн. О шилчательах стрелах.

²⁻⁴ Испр., в рукн. О костеницах.

³⁻⁴ Испр., в рукн. О тамарах.

⁵⁻⁶ Испр., в рукн. О поводниках и скакушках.

⁷⁻⁸ Испр., в рукн. Об откасах, или пальмах.

⁸ Испр., в рукн. самт.

372. О ловле диких оленей по рекам весною и осенью на олених переплавах, где олени в великом множестве переплавляются*. //

л. 46 об. 373. О ловле диких оленей, когда их загоняют в реки или в расставленные сети.

374. О ловле домашними оленями диких оленей.

375. О ловле под прикрытием обученных² быков, чтобы близко подойти к крупным зверям и пернатой дичин³.

376. О ловле лосей, оленей и юнков ямами.

377. О приманке всякой дичин мочью огнем.

л. 47 378. О ловле волков, лисиц и россомаков отравлением супеною, кичилибухою, или цылнбухою; у обдорских // остиков и самоедов - встречающейся⁴ у них красною землею.

379. Об⁵ охоте на волков с помощью установленных вырубленных вилкообразно бревен, по-русски вилы⁶.

380. О ловле волков, лисиц и россомаков клепцами.

381. О ловле медведей стрелянкем и пальмами.

382. О ловле медведей в берлогах рогатинами.

383. О ловле белых медведей при Ледовитом море теми же рогатинами.

384. Которых медведей опаснее убивать - белых или черных. //

л. 47 об. 385. О ловле сурков водою в норах, в которых они бывают.

386. О ловле песцов кулемами, пастыми и черканами.

387. О ловле пешком собаками всяких мелких и середних зверей.

388. О ловле соболей кулемами и черканами.

389. О ловле соболей сельми.

390. О ловле соболей дымом, собаками и томарами.

391. О сырах и силях, чем осенью ловятся соболи, а паче в Красноярском уезде. //

л. 48 392. О самострельных луках, из которых стреляют по саболям и по другим мелким и крупным зверям.

393. О ловле горностаев черканами и о разных таковых орудиях у разных народов.

394. О ловле белых собаками, деревянными⁷ стрелами⁸, черканами и плашками, как бывает при реке Лене.

* Испр., в ркп. переваливают.

** Испр., в ркп. устроенных быков, больших оленей и птиц.

† Испр., в ркп. с падающим.

‡-§ Испр., в ркп. О ловле волков вилами.

¶ В ркп. пропущено.

- л. 48 об.
- 395. О ловле бобров в реках и в бобровых берлогах.
  - 396. О заказанной ловле бобров кабханами. //
  - 397. О ловле птиц, яко лебедей, гусей, уток, глухих и полевых тетеревов, рабчиков, куропаток стрелянием из луков на сухом пути и на воде скакушками.
  - 398. О ловле гусей и уток в" устаковленные и лежащие сети, по-русски" перевесами и понджами.
  - 399. О ловле их же петлями и силками.
  - 400. О слопцах, которыми ловят глухих и полевых тетеревов и куропаток, и прочих.
  - 401. О ловле водяных птиц по рекам, по озерам, когда они линяют. //
- л. 49
- 402. О ловле учоными соколами и ястребами, и прочими птицами у татар.
  - 403. Об охотничьей трубочке у остыков за рабчиками и куропатками.
  - 404. О ловле молодых зверков и птичек и о вскормлении оных до возраста.
  - 405. О вынимании молодых орлов из гнезд и о содержании оных для перья, которая втыкают в стрелы.
  - 406. Сколь долго орлов держат и сколь часто выдирают из них перья. //
- л. 49 об.
- 407. Ходят ли женщины на промысел или что изловлено, то домой относят, или не поитают ли их за нечистых, чтобы быть им на промыслу. О чем спрашивать у самоедов, у юкагиров, у коряков и у чукчей.
  - 408. О жалобе народов на русских промышленных, что они им в промыслах чинят помешательство и дичину искосяняют.
  - 409. О ловле рыбкой: которые народы рыбу ловят и которые нет.
- л. 50
- 410. О ловле рыб разного рода // и о различных употребительных при том способах и о названиях оных.
  - 411. В какое время какие способы при ловле рыбной употребляются, какая рыбы ловится и в каком множестве.
  - 412. Какие способы у какого народа наибольше употребительны.
  - 413. О неводах: сколь долги и широки, с мотнями или без мотней.
  - 414. О плавальных^{*} сетях^{**} и пущальницах. //

^{*} " В ркл. пронучено.

^{**} Испр., в ркл. сетях-пощцах.

- л. 50 об. 415. О зайцах и кильдзанах².
 416. О крицах.
 417. Из чего делаются у какого народа сети - из пеньки или из волосов лошадиных, из тонких ремней, из кроливных жил, из чёрной тонконогой коры.
 418. О сакках.
 419. О мордах и гынгах.
 420. О удах и переметах.
 421. О удах с блесникою или дорогою.
 422. О удах, называемых в Енисейском крае хандачит.
 423. О самоловах, которые делаются наподобие перегородок. //
- л. 51 424. О холотье рыб алерою.
 425. О холотье рыб острогою ноцью при огне, что называется лучить.
 426. О запорах, или варах.
 427. О ловле рыб глушением окых посредством удара в лед при огне ночью.
 428. О ловле рыб из-под льду неводами и поплавковыми сетками³.
 429. О китовой ловле, паче у кориков и у чукчей.
 430. О ловле тюленей, белут, моржов и прочих морских зверей. //
- л. 51 об. 431. О ловле тюленей на озере Байкале.
 432. О ловле бобров на Камчатке.
 433. Ходят ли женщины на промысел рыб и морских зверей или около того ходят одни мужчины.
 434. О рукodelье и о прочих трудах мужских и женских в домостроительстве.
 435. О плавке железа: каким образом она бывает, в каких печах и сколь велики крицы.
- л. 52 436. О всякой кузнецкой // работе ко употреблению домашнему и для промыслу звериного и которые народы оную работу делают, которые плавить железа не умеют.
 437. О работе у брацких татар, которые кладут серебро в железо.
 438. О делании всякого ружья, домашнего скарбу и посуды.
 439. О работе на полях и о кошении сена.
 440. О пастве и о бережении скота. //
- л. 52 об. 441. О ткании холста из крапивы.

² Испр., в рядах кильдзанах.

³ Испр., в рядах сестими-поплавками.

442. О сыромятном деле и выделке кожи на платье, на сапоги и на другие домовые припасы.
443. О выделке рыбьей кожи на платье и на сапоги.
444. О крашении рыбных и других кож: кожм образом то делается и чем.
445. О крашении оленьей щерсти для украшения платья и о других крашениях. //
- л. 53
446. О портной и сапожной работе.
447. О шитье звериными жилами: какия те жилы и каких зверей.
448. О шитье и опушивании разными манерами по обычью каждого народа.
449. О делании войлоков.
450. О делании некоторого рода ковров из лошадиных волосов на мешки у брацких татар, которые называются копны.
451. О коврах из тростника и о рогожах.
- л. 53 об.
452. О варении клею: // из чего и каким образом оной варится и о употреблении оного.
453. О приготовлении к варению ествы.
454. О всяких домашних и диких зверях, которых мясо едят и которых нет, а паче показать тех, которых мяса не едят.
455. О птицах, рыbach и морских зверях, которых не едят и что тому за причина.
456. Между домашними зверями щитаются собаки, а между дикими - волки, лисицы, песцы, // горки, крысы и мыши; между птицами - орлы, лебеди, ястребы, соколы, вороны, вороньи, галки, гагары; между рыбами - ерши; между морскими зверями белуги сумнительны, потому что иные народы их едят, а иные нет.
457. О общем народов мерзении свиным мясом.
458. О падеже скота: своюю ли смертью от старости или от болезни умер.
459. Каким образом бьют скотину. //
- л. 54 об.
460. О лакомстве народов, а именно: о медведях, а паче о белых, и о малых зверках, яко тарбаганах, сурках и еврушкиах, барсуках⁷, а у якутов паче о кротах.
461. Между прочими лакомствами полагаются выкидыши скотский или домашних оленей, жеребенки, телята или ягнята, которые во время родов умирают, вырезышки из брюха диких зверей, которых непраздных застрелят или покмают,

⁷ В рук. пропущено, в строке оставлено пустое место.

- л. 55 а паче у якутов // после рождения оставшиеся места коровыи и лошадиныи.
462. Между локомствами же щитаются жир, масло, молоко, масло коровье, сметана.
463. О хлебе, муке и крупах.
464. О курмаче и о кутзе^{*} у татар.
465. Таким образом тем народам, которые не привыкли, сперва трудно бывает есть хлеб и прочую составленную из муки пищу.
- л. 55 об. 466. О разных травах, // ягодах и кореных, которые в снедь употребляются.
467. О черемше.
468. О борщу и пучках снитковых.
469. О разных ягодах, которые едят, а паче о тех, которых не едят.
470. Не почитаются ли те ягоды за нечистыи, которые растут ниско по земле.
471. Едят ли грибы и какие.
472. О саране, яко таком корене, которой все народы, где оной ростет, едят. Также // и о разности онаго кореня, которой бывает белой и желтой и у некоторых народов каждой называется особливым именем.
473. О корене маринаке.
474. О некотором корене у живущих по Иртышу татар, которой у них называется сробык.
475. О другом корене у тех же татар и у остяков при реке Оби, по-татарски суссаток, по-остяки касс.
476. О хре.
477. О земляных орехах подле Красноярска, по-татарски чина. //
- л. 56 об. 478. О некотором корене, по-татарски кандин, или без, которой растет в Томске, в Кузнецке и в верхних местах в Красноярском уезде.
479. О корене травы пижинеллы, по-татарски сюдон, по-якуцки юмоях.
480. О корене травы бысторты, по-брацки и по-мунгальски мукá, по-якуцки мыкá.
481. О корене дикаго чесноку некоторого роду, по-мунгальски мангир, по-брацки мангуссан.
482. О коренях худун и мекер у брацких татар. //

* Испр., в ржл. кутье.

- л. 57   483. О коренях кенг-эс и ондшула, или киель-асса, у якутов.
484. О корене шенкта у тунгусов.
485. О корене сардана при реке Яне у якутов.
486. О корене бадуй, или ванкуй, у самоедов.
487. Как то татары, брацкие и якуты множество помянутых кореньев из нор мышных вынимают.
488. О кедровых орехах и о способе лупить оные у татар.
489. О внутренней коре сосновой и пихтиной и каким образом оную собирать и сохранять. //
- л. 57 об.   490. О внутренней^{**} коре бересовой для того же.
491. О разных способах приготовлять рыбу и для запасу держать в зиму.
492. О порсе, или о истолченных или намелко истертых рыбах.
493. О поземе и юколе, или о тех рыбах, которые на воздухе заявлены или на огне засушены.
494. О кончовых рыбах, или павленной рыбе.
495. О сущенных рыбах у якутов, которых они хах называют.
496. О хранении рыб в ямах, по-якуцки аргыс. //
- л. 58   497. О замороженных рыбах и о обыкновении есть оных замерзлых и столь крепких.
498. О хранении замерзлого мяса в потребах.
499. Каким образом мясо ломтиками или четырехугольными кусочками режут и сушат или конят, и для запасу держат.
500. О кончовых оленевых и лосиных языках, яко о особливой деликатной естестве у тунгусов, которые едят они не варивши.
- л. 58 об.   501. Как то некоторые народы также едят // и мясо совсем сырое, а все, которые варят или жарят, только до половины.
502. Сырые и замороженные олени головы яко особая деликатесная пища у самоедов.
503. Как то живущие по реке Енисею остыки у живых рыб головы откусывают и едят сырье.
504. О нечистоте в варении и в стряпанье пищи у многих народов.
505. О обыкновении жарить на малинках деревянных роженках, которые подле огня в землю втыкают. //
- л. 59   506. Едят ли с солью.

---

^{**} Испр., в рук. пиште.

507. О разных особых у каждого народа естцах, которых
наиличе описать, а именно, например:

508. О татарской естце бишбармак, что они едят пятернко.

509. О кутье татарской, урлы называемой.

510. О брацкой мукё и мясной каще, по их таташи.

511. О брацкой и мунгальской мясной естце тулунку, что
по-русски тулунит называется.

л. 59 об. 512. О самоедской естце - оленых желудках, которые, //
не вычищивши, колят и сырье едят.

513. О варке остицкой и самоедской.

514. Как то между прочим рыбной жир вываривают, хранят и в естце употребляют. То же делают с жиром тюленевым, моржовым, белужьим и китовым.

515. Как то у разных народов варится кровь с мукою, с словою корюю, с сараною*, с мясом и с жиром вместе.

л. 60 516. Как то брацкие и прочие татары // овечьи грудники
вместе с кожею жарят и едят.

517. О варении печонки, которую завертывают в збирамой с брюха жир и жарят у тех же народов.

518. Как некоторые народы не едят никогда сырого, но
всегда вареное молоко.

519. О делании коровьих масла и сыру.

520. Масло делается из свежего молока или из сыво-
ротки. //

л. 60 об. 521. Делается ли масло и сыр из оленяго молока.

522. О кислом молоке для питья.

523. О кумызе, или заквашенном юбыльем молоке, и как
оное молоко делается.

524. О делании вина из кумызу.

525. О перегонении оставшейся после молока воды и о
употреблении окой для питья.

526. О делании сыра из оставшегося молока.

л. 61 527. О преимуществе русского хлебного вина // перед мо-
лошным вином и коим образом все народы, кроме тех, кото-
рым запрещает махометанский закон, вина пьют весьма много.

528. О камчатском вине, которое из травы высаживается.

529. О китайском вине и как оное сидят, которое случаем
на Кахте бывает.

530. О китайском паразуне.

531. Какой чай пьют и как оной приготовляют.

* Испр., в рук. заранее.

- л. 61 об. 532. О брацком и мунгальском затуране. //
533. О курении тобака: каким образом сибирские народы
тому научились и как то помалу вошло в общее употребление.
534. О китайском тобаке.
535. О черкасском тобаке.
536. Которой они больше любят и как разного рода тобак
называют.
537. Какая у них тобачные труппки и как называются.
538. О курении чрез воду тобака у осяков и vogуличей. //
л. 62 539. О глотании тобашного дыма.
540. Сколько каждой человек в год тобаку издержит.
541. О действиях от курительного тобаку.
542. О употреблении носового тобаку.
543. О употреблении загубного тобаку.
544. О употреблении опиума* у татар, по-татарски офи,
також и афим.
545. О употреблении мухомора, или панги, у осяков при
реке Оби и какая бывают от оного действия. //
л. 62 об. 546. Употребляют ли мухоморов юкагиры, коряки и кам-
чадалы.
547. Убогие между юкагирями, как Страненберг пишет,
не збирают ли у богатых сцак и не бывает ли от того такого же
действия, бутто бы они самых мухоморов ели.
548. Не бросают ли и не льют ли пред едою и питьем сколь-
ко-нибудь ествы и питья в огонь.
549. О обычьях при их обедах.
550. О разных увеселениях и забавах. //
л. 63 551. О пеник песен и что оне в себе содержат.
552. О инструментальной музыке, какая у них музыкаль-
ные инструменты и как называются.
553. Пляшут ли и каким образом и мужской пол имеет
ли в том участие.
554. О хонной взапуски езде и о положенности за то цене.
555. О стрелянии в цель скакучи из лошади или пешком.
556. О борбе.
557. О скаканки и о треноженье чрез некоторое опреде-
ленное расстояние. //
л. 63 об. 558. О игре в карты и в шашки.
559. О сказывании всяких сказок, которым собирать при-
меры.

* Испр., в ржн. сонного зелья.

560. О супружестве и о случающихся при том обстоятельствах.

561. Кто супружество утверждает и каким образом происходит сватовство.

562. О калыме, или деньгах, которых за невесту платят.

563. Сколько высок за какую невесту калым бывает и чем окой отдается. //

л. 64

564. О размене двух невест без калыма.

565. О обычье у остыков и камчедалов, чтоб за невесту несколько лет служить.

566. Как на Камчатке прежде свадьбы с невестою плотски сообщиться надобно.

567. В каких летах мужеского полу живятся, а женского замуж выходят.

568. О многоженстве и более какого числа у себя жон не держат.

569. Свойства хорошей замужной женщины, по которым выбирается хорошая невеста. //

л. 64 об.

570. До которого колена в сродстве запрещено брать за себя жен.

571. Нет ли такого обыкновения, чтоб брать невест из другого рода.

572. Не позволяет ли брать за себя двоюродных сестр.

573. Может ли кто жениться на сестре матери своей.

574. Не запрещено ли брать за себя дочь сестры своей.

575. Позволено ли двум родным братам жениться на двух родных сестрах.

576. Могут ли отец и сын двух родных сестр иметь за собою. //

л. 65

577. Может ли отец взять за себя дочь, а сын мать.

578. Позволяется ли одному не породнить, но вдруг жениться на двух сестрах.

579. Можно ли кому овдовевшую мачиху взять за себя.

580. Может ли кто жениться на жене после брата своего и не берет ли большой брат за себя жены после меньшаго брата и обратно.

581. Может ли жениться дед на своей внучке.

582. Не запрещается ли отцу взять за себя свою пагчицу. //

л. 65 об.

583. О выдавании замуж вдов.

584. О похищении жен и о насильственном уведении.

585. О позволении взять к себе невесту, хотя калым и не спопка отдан, и о супружественном житье еще прежде свадьбы.

586. Прежде настоящего супружества рожденные дети за законные почитаются ли.
587. Об отмененном^{**} супружестве, когда оно еще не закреплено свадебным торжеством^{***}. //
- л. 66 588. Для каких причин то делается и с данным за невесту калымом что бывает.
589. И в таком случае приживые в супружестве дети кому отдаются.
590. При заключении брака, а паче между вдовцами и вдовами, бывают ли какие волхвания.
591. Что происходит при взятие невесты.
592. Описать обстоятельно все свадебные обряды и празднования у каждого народа.
593. О приданом, в чем оное у каждого народа состоит и до какой цены по пропорции калыма тростирается. //
- л. 66 об. 594. О бываемых обыкновенно при зговоре и совершении брака кроме калыма и приданого невестина с обеих сторон подарков.
595. О насильном принуждении невесты на первой ночи, как то у многих народов есть обыкновенно.
596. Разбирают ли знаки девства.
597. Что тогда делается, когда невеста придет несожранна.
598. О подобострастии жен к свекрам, к старшему деревню и к другим персонам, отеческого почитания // достойным. Каким образом оное почитание к ним показывают.
599. О имении наложниц.
600. О камчатских жупанах.
601. Лекарства от французской болезни знаемы ли им и употребляют ли оные.
602. Татары и калмыки держали^{*} ли и ели ли Bulbones Orchidum[†].
603. О несогласии в супружественном ложье и о причинах, которые подают повод к разводу и каким образом оной происходит.
604. О супружестве многоженном. //
- л. 67 605. Одна жена другой бывает ли послушна и молодая старшим обязаны ли отдавать почтение.
606. Многие жены у одного мужа не имеют ли разных покоя и каждая свой собственный дом или, по крайней мере, в одной избе живут в разных чуланах.

* -> Испр., в роз. утверждении во-прежнему супружества, пока оно не недействием женихом с невестою уничтожено не будет.

** В рук. пропущено, на поле стоят знак +.

607. Каким образом муж то, что он в день, будучи на промыслу, добудет, раздает женам своим.

л. 68 608. Должен ли муж спать с женами своими по переменам и ежели он // одну ночь или больше в отлучке будет, то оные ночи считаются ли.

609. О обычье курил, что муж к жене ночью приходит, ложится тайно, дабы никто не видал.

610. О той позитуре, как муж с женой спит.

611. О недействии по супружественному обыкновению во время месячной немоши, беременности и звериного промыслу.

612. О употребительном у некоторых народов очищении и окурении жен над огнем.

613. Чем окуриваются.

л. 68 об. 614. По прошествии месяца // тамож над огнем очищаются и окуриваются ли.

615. О рождении и о воспитании детей.

616. О плодородии и неплодородии в супружестве.

617. Нет ли у них каких средств ю отвращению неплодородия у жен и каких, хотя бы были они естественные или суеверные.

618. Что за средства, особенно якуты, от неплодородия жен в лесах на деревах собирают.

л. 69 619. Родить младенцев таково ли тяжко, как у европейцев, бывает им и не умирают ли женщины родами. //

620. Бывают ли у них бабушки или вместо их кто другой.

621. Бывают ли у них такие искусные бабушки, чтоб худо лежащего во утробе младенца поправить могли.

622. О умерщвлении последнего из двоен у камчадалов и у курилов.

623. Где рожают, в обыкновенных ли юртах и в котором месте или за юртами на дворе, или в особой, нарочно для того поставленной юрте.

624. Всегда ли рожают при огне.

625. В каком положении роженица во время родов бывает. //

л. 69 об. 626. Как им во время тяжких родов помогают:

627. Сродники и друзья обоего полу, также и девицы при родах бывают ли.

628. Кем и чем пупки обрезывают и завязывают и тот же ли, которым оные пупки обрезывают, употребляется ли к резанию других вещей.

629. Не почитается ли у них самая нечистота в завязке пупка.

630. Что они делают с местом.

- л. 70
631. Моют ли после родов роженицу и младенца.
632. О той басне, бутто // у тунгусов новорожденного младенца для укрепления тела на несколько времек в снег за-
рывают.
633. Не шагает ли роженица после родов для очищения чрез огонь и как часто.
634. И не с младенцом ли.
635. И при том чем не курят ли.
636. Должны ли и бабушки очищаться огнем.
637. По прошествии 3 или 4 дней после родов роженица, вставши с постели, повторительное предпринимает ли¹ очищение.
- л. 70 об.
638. Во все ли шесть недель или по крайней мере в первые дни роженица с бабушкою // из особых суден едят и сколь долго.
639. Чистят ли и окуривают ли те судна потом на огне.
640. Во все шесть недель роженица одна ли спит, в котором месте в юрте и когда она вместе с мужем опять спать начинет.
641. Носят ли какие дары роженице и новорожденному младенцу.
642. Бываю ли на родинах каких увеселения и в чем состоят.
643. О различных люльках и пеленках у каждого народа // и люльки потом не переминаятся ли.
- л. 71
644. Когда младенцу имя дается и от кого и бываю ли при том каких увеселения.
645. Имеют ли имена какое знаменование, причем сообщить примеры мужским и женским именам у всех народов.
646. Не дают ли имена по умершим сродникам.
647. Не назначают ли иногда имен по некоторым случай-
ным обстоятельствам младенца.
648. Не выбирают ли нарочно // имен худаго знаменова-
ния и для чего.
649. Не переминаят ли имена сросlyм и для каких причин.
650. Сколько долго кормят грудью младенцов и не берут ли к тому кормилиц.
- л. 71 об.
651. Чем в первые годы кроме грудей младенцев кормят.
652. Даётся ли от отцов молодым детям в их собствен-
ное владение что-нибудь, а именно: лошади, рогатой скот, овцы и олени.

¹ В рук. пропущено.

- л. 72   653. Учат ли родители // детей своих обоего пола и чему.
654. Какое воспитание - строгое или слабое.
655. Показывают ли дети к своим родителям почтение.
656. Принимают ли приемышев и как с ними поступают.
657. Много ли таких, которые доживают до глубокой старости, и до скольких лет обыкновенно живут.
658. Имеют ли старые люди седые волосы или иногда и прежде времени седые волосы у кого бывают.
659. Много ли таких, которые, доживши свой век, умирают или по большой части от болезней смерть случается. //
- л. 72 об.   660. Какие наибольше у какого народу болезни бывают и как они по их называются.
661. Какие болезни из давных лет у них бывали и какие со временем завоевания с российской стороны или незадолго пред тем у них появились.
662. Какие болезни, по их мнению, общее смертоносны и шаманством не исцелимы.
- л. 73   663. Все ли они обыкновенные болезни, а паче моровую язву, за дьяволов почитают, которые, вокруг везде ходя, людей пожирают. //
664. Какое они от прилипчивых болезней, яко от воспры, горячки и от прочих, употребляют предохранение.
665. Какую они, будучи в болезнях, держат меру в еде, в питье и теплоте.
666. До самого ли конца больных берегут или при оказавшейся опасности к смерти их оставляют.
667. В обычных ли жилищах разболевшагося к смерти оставляют или еще прежде кончины заныносят.
- л. 73 об.   668. Престарелым людем, // которые им скучны бывают и своею смертью скоро не умирают, не советуют ли умереть своевольно и в том не помогают ли, как то напаче у якутов бывает.
669. О часто бываемом самоубийстве у коряков, у камчадалов и у курил.
670. При умирающих бывает ли отправление молитв.
671. Воют ли и плачут ли по умершем и сколь долго.
672. Моют ли мертваго.
673. Во что умершаго одевают, завертывают или зашивают. //
- л. 74   674. Есть ли в употреблении гробы и какие.
675. Сколько скоро мертваго для погребения выносят.
676. Такое погребение ночью или днем бывает и для чего.
677. В те ли двери выносят мертваго, которыми обыкновенно входят, или, как то у самоди обыкновенно, на том мес-

те, где больной лежал и умер, делают в юрте окно и тем мертваго выносят.

678. Не выносят ли мертваго по большой части шаманы или и всякому то делать свободно. //

л. 74 об.

679. Умершаго на руках выносят или вывозят на телеге, на качке и на санях.

680. Бывають ли при том провожатые и женщины ходят ли за умершим.

681. Мертваго в землю зарывают или в снег закапывают, сожигают или в воду бросают, на лабазах¹ или на руиндуках кладут; на земли или на снегу малые юрты над ним строят, на деревах ли вешают или оставляют на полех в снедь зверям и птицам. //

л. 75

682. На определенных ли местах кладбища бывають и в каких именно.

683. В которую сторону света кладут головою.

684. Кроме мертваго тела какая другия вещи из домового скарбу, их ружья и из прочих в могилу зарываются или сожигаются, или на кладбищах вешаются.

685. Посылают ли вслед умершим² лошадей, оленей и собак, как оных колют или убивают и не зарывают ли их вместе с мертвым или не закопавши оставляют. //

л. 75 об.

686. О прежнем обыкновении якутов, которые живых людей, яко умершаго невольников и невольниц, вместе зарывали, и не водится ли сие у них еще и поныне тайно.

687. При сожжении мертваго тела не бегают ли от него прочь и не стоят ли оттуда вдали, пока згорит все мертвое тело.

688. По сожжении мертваго тела остатки и пепел зарывают ли или по воздуху развеивают, или в воду бросают.

689.³ Устанавливаются ли памятники или определенные знаки над могилами⁴.

л. 76

690. О обыкновении // махометанских татар на могилах, а паче где лежат знатные, садить дерева и загораживать заборами.

691. Не почитают ли за нечистых тех, которые мертваго несли и провожали, и, возвратившись с похорон, не моются ли или у раскладенного нарочно для того огня очищаются.

692. Какия бывають поминовения, колют ли при том скот и гостей подчивают ли или убитую скотину раздают соседям и друзьям.

¹ Испр., в ркк. лабассах.

² ¹¹¹ Испр., в ркк. Гоняют ли за мертвым.

³ ⁴ В ркк. лунак пропущен.

⁴ Испр., в ркк. 689.

- л. 76 об. 693. Поминки бывают на кладбище // или, возвратясь от туда, дома.
694. По прошествии года поминки и обед бывают ли^{*} на могиле или в дому.
695. При таких похоронных и поминочных обедах из еды и из питья для минимаго удовольствия мертваго бросают ли и льют ли что на могилу.
696. Что они с людьми и со скотом делают, которые громом убиты.
697. Оставляют ли те жилища, в которых кто умер, или сломывают и на новом месте новые строят. //
- л. 77 698. Где то есть в обыкновении, бутто такия жилища шаманством или волшебством от минимых злых духов очищаются и якобы снова освящаются.
699. Бывают ли какие знаки печали на их платье или в их жилищах.
700. У тех народов, у которых есть музыка, не заказывается ли^{*} ли во время трауру играть на оной.
701. Что делается при дележе оставшагося после мертваго имения.
702. Какое они естественное понятие имеют о Боге и где исповедают быть главнейшему // его присудству, и каким образом его описывают.
703. Сматрят ли Бог на человеческие дела, награждает ли за доброе и наказует ли за злое и, следовательно, боятся ли его.
704. Надлежит ли призывать молитвою Бога и сие делают ли они, и какия читают молитвы.
705. Какия у них должности естественного закона починаются и какия понятия о грехах имеют.
706. Верят ли они по смерти быть воздаянию за доброе и наказанию за злое и в чем состоит то. //
- л. 78 707. В каком состоянии разлучившийся от тела души пребывают.
708. Как у них души называются и в названиях от звериных душ есть ли какая разность.
709. Не полагают ли какой разности между душами разного рода зверей и другой твари.
710. Верят ли, что человеческия души бессмертны и что пред прочих зверей душами в том и в другом превосходство имеют.

* В рукл. пропущено.

** Испр., в рукл. казывается.

- л. 78 об. 711. Соединяются ли когда-нибудь окать души с телами или что они рассуждают о воскресении мертвых, // если им о том по нашему веры исповеданию сказано будет.
712. Будет ли сему свету представление и как они о погибели онаго рассуждают.
713. Которые народы обретаются в языческом законе или прежде были.
714. О шайтанниках, или шаманах и шаманках.
715. О каком происхождении и распространении сего закона и о мыслии Дела Крозовом, которой сибирских шаманов из Индии¹ от старинных саманов производит.
- л. 79 716. О платье сих шаманов, // яко кафтах, шапках и сапогах.
717. У которых народов разнятся шаманы платьем.
718. О бубнах, каковы оные у разных народов делом и как называются.
719. О лопатках, как оны делаются и называются.
720. О употребительном в прежние времена игральном инструменте домре вместо бубна у vogуличей и у некоторых остиков.
721. О двух лопатках, которые у брацких шаманов иногда вместо бубна во употреблении бывают и как оне называются.
- л. 79 об. 722. Что с тем человеком // делается, который шаманом быть хочет, а именно, о объявленных изступлениях и мучениях дьявольских и прочая.
723. Шаманство или волшебство у каждого ли роду есть наследственно.
724. Кто делает шаманское платье, бубны и лопатки и чьим ходивением, и где ли мальчики и девочки, которые еще никакой похоти не знают, к тому употребляются.
725. Имеют ли шаманы дар пророчества, какия сказывают о том примеры и на чем оные основание свое имеют. //
- л. 80 726. Не производят ли они каких особых чрезъестественных дел, яко могут возбудить ветры и погоду и прочая.
727. Могут ли отсутствующих лицей испортить так, чтоб они замогли или и умерли, как о себе сказывают тунгусские шаманы.
728. При шаманстве ножом или стрелою себя колют, а раны не видно, глотают ли огонь и трут ли лицо горящим углем, и ходят ли босые по углам горящим же, и проч.

¹ Испр., в рукл. юдей.

- л. 80 об. 729. И ежели таковых действий // самому случится смотреть, то всячески примечать, чтоб их хитрость выведать.
730. О смерти и о погребении шаманов: что при том бывает особливаго и в чем от похорон простых людей состоит разность.
731. О почтении юкагирских шаманов по смерти, потому что их трупы всегда с собою возят.
732. Камчатские шаманы от прочих шаманов рознятся ли и, буде рознятся, то в чем.
733. О шальных бабах и девках на Камчатке, которые в языческих церемониях бывают. //
- л. 81 734. Слышен ли бывает иногда на кладбищах шаманских бубенной стук.
735. Являются ли умершие шаманы живым.
736. Одного или многих богов исповедуют и какими именами их называют.
737. И буде разных богов признают, то что думают о богинях, и боги женаты ли, и детей имеют ли.
738. Над какими вещьми в сем свете каждой бог особенно владычествует.
739. Есть ли разность между небесными и воздушными богами и какая. //
- л. 81 об. 740. О пременении в богов некоторых зверей и птиц, яко орлов, лебедей, медведей и прочих животных у некоторых народов.
741. Сколько, по их мнению, есть родов дьяволов, где они живут и есть ли между ими знатнейший.
742. Дьяволы обоего ли полу и имеют ли детей.
743. Как дьявольские семьи по каждым их членам называются.
744. Какой от дьяволов, особенно людем и скоту, вред бывает.
745. О лещих и водяных у некоторых народов особливо. //
- л. 82 746. Не почитается ли так называемой мамонт-зверь за некоторой род водяных дьяволов и каких у них о том повести, и как его называют.
747. Все ли умершие шаманы делаются дьяволами и таким же образом людям всякой вред причиняют ли.
748. О духах на некоторых местах на земли, в воде, в огне и так далес.
749. Что они о страшилищах и о их явлениях думают.
750. О их идолъских изображениях, из чего состоят, каковы видом и где они их в своих жилищах держат.

- л. 82 об. 751. Молятся ли они // и каким образом или им другое какое отдают почтение.
752. О жертве идолъской, которую вогулчи и оставы прежде сего заколением скотины и оленей приносили и ныне приносят ли.
753. Не приносят ли иногда в жертву людей или, по крайней мере, живых идолам не посвящают ли.
754. О тех жертвах, которые языческие татары и якуты богам и духам приносят, что у первых называется тюн или урюсс, а у последних изъях.
755. Каким образом сии жертвы у якутов произошли по имеющейся // у них о том повести.
- л. 83 756. О летнем шамане у якутов, которой сии жертвы яко простой шаман обыкновенно отправляет.
757. О некоторой жертве, которую брацкие кирик, а якуты керых называют.
758. О некоторой жертве, которую татары тайилга^{*} называют.
759. О обыкновенном шаманстве при всяких случаях, когда шамана о чем спрашиваются.
760. О шаманстве при больных и в каких болезнях.
- л. 83 об. 761. Какой скот в некоторых случаях и в некоторых // болезнях дьяволам, которых причиною болезней почитают, в жертву приносить надлежит и какая при каждом случае происходит церемонии.
762. При каких болезнях шаманы вспоможения чинить не в состоянии.
763. Какую шаману за его труды дают плату.
764. О приносимых духам жертвах, как то бывает при некоторых деревах, при реках, на пригорках и на мысах, на дорогах чрез горы, а паче над огнем.
- л. 84 765. О том, чем камчадалов // язычество в таковых жертвах и образах от сибирских народов рознится.
766. О праздниках, у камчадалов бываемых, и какая в оные дни обряды и увеселения происходят.
767. О разных приемах предсказаний у каждого народа.
768. О угадывании по плечам некоторых зверей, яко овц, коз и диких коз.
769. О предсказании по дрожанию катянутого лука, когда угадчик оной за тетиву в руках держит.

---

* Испр., в рокъ тайилга.

- л. 84 об. 770. О угадывании по склонению вздетой на нитку иглы, которую над проведенными // крест-накрест белыми и черными чертами повеся, на нитке держат.
771. О хиромантии и о употребительных при том обстоятельствах.
772. О снах и о их толковании.
773. Есть ли, кроме шаманов, такие люди, которые о себе рассказывают, что они имеют дарование прорицания или, по крайней мере, приписывают себе дух пророчества, каковые у татар телкечи, у якутов кутурук называются.
774. Могут ли они произвестъ ветры, дождь, молнию и гром. //
- л. 85 775. Сказывается, особенно о брацких и о степных между Томским и Красноярским татарами, также о брацких при Удинском остроге в Красноярском уезде, что они, вырвавши некоторую траву, ветр и дождь произвестъ могут, однакож я о сем в тех местах дальняго подтверждения не получили.
776. О камне сата у якутов, которым они, по их же сказкам, ветр и дождь производят.
777. О привесах от болезней и от всякаго нещастия. //
- л. 85 об. 778. Спрашивать с обстоятельствами о всяких суевериях, которые при том бывают, и что потом, по их объяснению, последует.
779. О махометанском законе, которые народы или фамилии оной содержат.
780. Как помянутой закон в Сибирь вошел и помалу распространился.
781. О алкоране и о прочих духовных книгах махометанского закона.
782. О главнейших в их законе артикулах.
783. Которой махометанской секте сибирские махометане последуют. //
- л. 86 784. О боже и его свойствах по учению махометан.
785. О ангелах, о их разных степенях и свойствах.
786. О их пророках и о знатнейших святых.
787. О погребенных в Сибири святых, по-татарски аулия, и каким образом могилы находят.
788. О тех, которые свой род от Мухамеда произволят и называются сейбит или ходжа^{*}.
789. О мечетях, как оных построены и каковы видом.

* Испр. в рук. кодже.

790. О разных степенях в духовном чину, яко о ахунах, муллах и о абызах. //
- л. 86 об. 791. О тех, которые в особливой высокой степени святости и благоговения быть желают и называются шехи.
792. О суфах, или благоговейных в нижней степени.
793. О белых головных обвертках, тем духовные шехи и суфы от простых людей рознятся, и о разделении оных на дастар и сепец.
794. О скликании людей на молитву чрез меезинов и о учреждении праздновать махометанскую субботу в пятницу.
- л. 87 795. Каким образом и порядком у них служба отправляется, // о пятикратной на каждой день молитве.
796. О первой молитве намас-бандат, по-арабски фезир, отправляемой на зоре.
797. О второй молитве намас-пиши, по-арабски сегер, отправляемой вскоре пополудни.
798. О третьей молитве намас-дигер, по-арабски ассир, ввечерни.
799. О четвертой молитве намас-шам, по-арабски магтрип, которая бывает вскоре по заходению солнца.
800. О пятой молитве намас-хуттан, по-арабски вишаг, которая поется по заходению солнца спустя два часа. //
- л. 87 об. 801. Откуда произошли и в каком намерении читаются оныя молитвы, о чем в них просят, и о чотках, тезбег называемых.
802. О торжественной молитве сикр и о слушающихся при том обстоятельствах.
803. О торжественных больших праздниках рамазан-ант и курбан-ант.
804. О постах, а паче о общем великому посте, которой продолжается целый месяц и называется рамазан.
805. О особых постах шеков и суфоф в начале, в середине и в конце каждого месяца по три дни. //
- л. 88 806. О умовении и очищении.
807. О первоначальном приобщении детей к их закону стрижением волосов на голове.
808. О обрезании.
809. О свадбе.
810. О погребении мертвых.
811. Какия при всяком действии обряды происходят, а паче какия духовные церемонии.
812. О саване кефин, из какой материи оной делается.
813. О даваемой мертвым грамоте дшеоб-наама, которая с знатнейшими или с богатыми людьми вместе в могилу кладется.

- л. 88 об. 814. О некоторых над мертвым // отправляемых молитвах, которых хатим называются.
815. О обыкновении в первую весну по погребению могилу укладывать зеленеющим дерном и о употребительных при том повторительных молитвах и о поминках.
816. О общих кладбищах, по-татарски мазарет.
817. О кладбищах, где погребены их святые, по-татарски астана.
818. О годовых поминах и о молитвах по умерших, которые для святых на тех местах отправляемы бывают. //
- л. 89 819. О пребывании по смерти душ.
820. О воскресении мертвых, о кончине света и о втором пришествии.
821. О рае и о воздаянии праведным.
822. О аде и о адских мучениях.
823. О дьяволах.
824. О пророчестве их духовных по алкорану.
825. О мнимой пользе в болезнях, когда духовной человек махометанского закона нечто из алкорана над больным читает. //
- л. 89 об. 826. Есть ли у них особливые тексты, которые больным читаются, и какие именно, или все равно, какой бы текст ни попался.
827. Употребляют ли они траву, называемую стародубку, у больных для курения, чтобы прогнать дьяволов.
828. Что они рассуждают о волшебствах, явлениях мертвых и других приведениях.
829. Коим образом махометанской закон в некоторых сибирских местах несильно вкоренился и нетвердо содержитя. //
- л. 90 830. О тангутском⁴, или далай-ламском, законе, которые народы или фамилии оной содержат.
831. Каким образом оной закон вошел в Сибирь и помалу распространился.
832. О начале сего закона. По мнению некоторых, якобы оной произошел из Египта, а ближе из Индии, и о распространении оного в Китае, Японии, в Монгольской и в Калмыцких землях.
833. О всевышнем боже, которого они по сему закону почитают, и о их многих меньших богах, или бурханах. //
- л. 90 об. 834. О индейских знатнейших богах, яко о Браме, Изурене и Вистну или Бараме, Вистну и Монузере.

* Испр., в ркн. тунгуском.

835. О почитании сих богов под мунгальскими именами
Аиоша, Аиокья и Абиды.

836. О богах, начальствующих над тремя большими све-
та обращениями, яко над прошедшим, нынешним и будущим
светом, которые на мунгальском языке называются Мандыр,
Шиге-муни и Девонгарá.

837. О частых воплощениях Шиге-муни и о проповеди
сего закону на земле. //

л. 91 838. О знатнейших богинях, яко Тзаган, Дарá-екé, Ногон-
дарá-екé, Тзаган-Чукуртé, Окын-тын-тирги и прочая.

839. О ангелах и хранителях-ангелах.

840. О полубогах - Ерлик-хане, Яман-даге, Махахалле и
прочая".

841. О знатнейших дьяволах: Шолмут, Бирит, Хан-ада,
Мангус-ада и прочая.

842. О разных простых дьяволах, из которых иные про-
звание имеют.

843. О генусах, домовых" и им подобных".

844. О знатнейших святых, или о так называемых бадис-
садо, и о учениках Шиге-муни. //

л. 91 об. 845. О обыкновенных изображениях богов, богинь, по-
лубогов, дьяволов и святых.

846. О далай-ламе, о его пребывании, величестве и по-
чтении.

847. Каким образом далай-лама обыкновенно изобразу-
ется.

848. О боддо-ламе и о других начальнейших духовных в
Тангуте.

849. О гегень-кутухте и о других кутухтах, или так назы-
ваемых в Мунгальской земле хюлюшганах.

850. О всемародном возведении в далай-ламы, в кутухты
или в другие хюлюшганы. //

л. 92 851. О степенях в духовенстве, яко бандидá, лодзоá, цор-
дши, арамджамбá, или сремджунбá, хабчу, гелюн, гецюл и бан-
ди, или манджи.

852. В каком все помянутых духовных персоны платье
ходят и при возведении их в сие достоинство какие бывают
церемонии.

853. О монастырях на некоторых местах, где живут ду-
ховные, по-мунгальски кыт.

" В ркн. пропущено.

" В ркн. пропущено.

- л. 92 об. 854. О монахах и монахиях и о их обещаниях монашеских.
 855. О уединенных и о их житии. //
856. О шанзабе, или о духовном судье, у кутухты.
 857. О ученых и о учителях, по-индейски бараман, или просто о так называемых брахманах, по-тангутски бомбо, или лобонг, по-мунгальски бакши.
 858. До каких степеней духовные в Российской области находятся.
859. О кумирнях и шатрах, о их строении и украшении.
 860. О разных идольских изображениях, из которых иные
 л. 93 сделаны, иные напечатаны, иные медные литые, // иные гли-
 ические: как каждой идол называется, как изображается и по-
 читается.
861. О всяких потребностях, употребляемых при отправ-
 лении службы, из чего каждая вещь состоит, к чему надобна и
 как называется.
862. О большом бубене кынгыре.
863. О лопаточке докур.
864. О большой трубе буре.
865. О малой трубе дунг-буре.
866. О сиповке шиппур.
867. О больших блюдах, в которые звонят, цанг называе-
 мых.
- л. 93 об. 868. О малых таких же блюдах оромб. //
869. О самых малых таких же блюдах тиншá.
870. О ручном колокольчике хонхó.
871. О ручном бубене дамарá.
872. О таинственном инструменте очир.
873. О сосуде, в котором курят, кобанг.
874. О сосуде, из которого льют, хомхá.
875. О чотках ерекé*.
876. О молитвенном колесце кюрюдú.
877. О том, в чем стоят идолы го.
878. О идольских платках хадаки.
879. О главнейших членах веры и о артикулах закона. //
880. О главнейших правоучительных их закону членах.
881. О моленни и о обычновенных молитвах.
882. Об отправлении службы и какия при том происходит
 л. 94 обряды.
883. В которые дни службу служат и о больших праздниках.

* Испр., фркн. ереис.

884. О жертвах и о духовных торжествах, которые на определенных к тому горам и буграх духам приносятся и отправляются.
885. О воткнутых на таких местах значках и флюгерах, которые молитвами и другими знаками исписаны. //
- л. 94 об. 886. О подажни благословения, как то обыкновенно у далай-ламы, у кутухт и у прочих духовных.
887. О посте и какия происходят при том обстоятельства.
888. О обыкновенной у духовных людей естве.
889. О священническом благословении новорожденным детям.
890. О благословении новобрачных.
891. По строгости далай-ламского закону многоженство не позволяет и за грех выясняется ли, и для чего однако же оное позволяет. //
- л. 95 892. О подорожной, которая дается умершим.
893. О похоронених и сожжении мертвых или другое что с ними делается.
894. О молитвах по мертвым.
895. О состояниях разлучившихся с телом душ.
896. О преселении душ.
897. О тех местах, где души от грехов очищаются и просвещаются.
898. О состояниях праведных на небе душ.
899. О муке грешных во аде.
900. О разных привесах и лоскутках, которых молитвами и другими фигурами исписаны или выпечатаны, от всяких несчастливых приключений. //
- л. 95 об. 901. О изверганиях, яко уринае, волосах и о лоскуте потной рубашки далай-ламы и кутухты, и о сказываемых от того действиях.
902. О волшебствах и какия от оных бывают действия.
903. О пущении дождя духовными.
904. О привидениях.
905. О смешении далай-ламского закона с простым в Сибири языческим законом у брацких татар при реке Уде в Селенгинском уезде.
906. О христианском законе, у которых народов оной принят.
- л. 96 907. О знаках на надгробных // и в память поставленных камнях в красноярских степях, что и прежде сего христианская вера была в Сибири.
908. Каким образом помалу некоторые из сибирских народов в недавны времена в христианской закон обращены.

909. О главном обращении всех народов архиепископом Филофеем, или Феодором: в котором году какой народ обращен, какая он для сего намерения имел путешествия и какими употреблены были средства.

910. О упорстве народов в принятии христианского закона и какая они в том имеют извинения. //

л. 96 об.

911. Какое новообращенные о христианском законе имеют понятие.

912. Во всем ли уставы церковные наблюдают точно или отчасти тайно, а отчасти явно, многого по своему языческому закону держатся.

913. О бываемой от простых попов потаске и о недостатке в довольно наставлении.

914. Полезно ли есть многих народов по учиненным по сие время поведениям обращать в христианской закон.

915. Дабы все вышепоказанный известия тем основательнее и обстоятельнее собрать и описать можно было, то напише всего сие нужно, чтоб не упускать ни одного случая как на пути, так и во время // пребываниях в городах или в острогах, к живущим поблизости оттуда языческим и к другим нерусским народам в их жилища ходить для смотрения и примечания их поведения в житъе, в нравах и в обычаях, и в бываемых по их закону у них обрядов.

916. Ласковым и дружелюбным обхождением, подчива- нием вином и тобаком, при том же и небольшими подарками надлежит стараться знатнейших и учитывых людей онаго народу приводить в дружбу и тем возбудить в них искренность, чтоб они // все, что потребно видеть и знать, тем безбоязненнее показать и расказать могли.

917. Чтоб видеть у них свадебные и похоронные обряды, шаманский действия и других церемонии, то в бытность свою на каком месте можно, где такие народы живут в близости, знатнейших к себе призвать и им приказывать, чтоб они о таких имеющих быть у них обрядах ведомость подали.

918. Ежели сего не удастся видеть, то, однако, и без того ходить к ним и приказывать хотя примером таких обряды делать и показывать. //

л. 98

919. О прочем спрашивать надлежит у старых, искусных, постоянных и простосердечных людей из них же чрез друже- ственное обхождение.

920. Те, которые из них приняли христианской закон, могут иногда с гораздо большою пользою сказывать известия, которых никакие до их закону касаются, токмо на сем не все-

гда утверждаться надобно, потому что у некоторых из них сердце еще непрестанно лежит к прежнему языческому закону и того ради много утасывают, нежели те, которые оной совсем оставили. //

л. 98 об.

921. Сколько возможно надлежит для проведения потребных известий из них изыскивать таких людей, которые разумеют русской язык, дабы без толмача с ними говорить. Ибо спрашиванием чрез толмача много времени без всякой пользы тратится, а притом и весьма скучно, потому что не всегда искусного толмача сыскать можно. Такоже нередко чрез толмача совсем иначе сказывают. Сверх же того сии народы в рассуждении нас, иностранцев, все гораздо // простосердечнее, а при толмачах, которые выбираются из казаков, для чинимых от них народу обид весьма бесполезны бывают.

л. 99

922. Для большей ясности при сем описании народов должно в помощь взять всех писателей и книги путешественника, в которых содержится о нравах и обычаях прочих азиатских, африканских и американских народов, и везде делать сношения.

л. 99 об.

923. Совершенное описание всем народам писать так, чтобы одно с другим вязалось. В том польза есть та, // что многие народы во многом между собою сходствуют, а об одних многое не повторять и притом сходство и несходство смотреть прилежнее, нежели когда каждому народу описание порознь сочинять надобно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фрагмент полевого дневника Г.Ф. Миллера с описанием якутского обряда жертвоприношения

19 и 20 июня 1737 г. видел у якутов в 7 верстах ниже города Якутска, как они приносят жертву своим чертям.

Для жертвоприношения был предназначен годовалый теленок красной масти, и его привязали к березе, посаженной специально для этого перед летней юртой, таким образом, что он был поставлен головой к открытой двери юрты.

В юрте находился шаман со своей якутской компанией - шаман посередине, а простые люди вокруг него. Начало было с обыкновенным битьем в бубен и беспрерывными криками, производимыми шаманом, как обычно сначала сидя, а затем прыгая. В своем притворном экстазе шаман также изрядно колотил всех окружающих якутов и при этом сломал свою колотушку для бубна, но вместо нее сразу сунули в руку другую, так как на этот случай в запасе всегда держатся одна или две такие колотушки.

Во время битья в бубен теленок перед юртой вел себя очень дурно и несколько раз распластавался на земле. Якуты объясняли это его боязнью перед чертями, которых подманивает шаман, однако это вызывалось ничем иным, как тем, что теленок видел перед собой громко кричащего и постоянно очень сильно бьющего в бубен шамана. Шаман дважды, после того как бросал бубен и колотушку из рук на землю, выпрыгивал из юрты и обхватывал шею теленка, очень сильно сдавливая ее, так что от этого теленок скалился, а также раздирал ему рот и дул в него. При этом он также кричал. Якуты говорят, что шаман таким образом загонял в теленка всех чертей, которых он подманивал, и от этого теленок вел себя очень дурно. У меня было подозрение, что шаман во время сдавливания шеи и раздирания рта мог применить где-нибудь колючку, от которой теленок мог затем дурно вести себя, скалиться и прыгать. Однако последующее показало, что этого ни разу не произошло. Еще меньше оснований полагать, что в игру был впутан черт, так как теленок оставался точно таким же, как и до того, а после окончания битья в бубен вел себя совершенно спокойно. Казалось даже, что во время битья в бубен теленок вел себя гораздо спокойнее, чем в самом начале церемонии, ибо со временем он привык к этому.

При церемонии с теленком шаман во время битья в бубен неоднократно призывал, чтобы черти, которых он называл поимению, и прежде умершие шаманы удовлетворились этой жертвой вместо него. Обычно же, когда подобная церемония совершается ради больного, шаман просит, чтобы

черты и умершие шаманы забрали и сожрали намеченную жертву вместо больного. Ибо они верят, что черти и шаманы губят и пожирают людей.

После окончания церемонии с теленком, шаман совершил церемонию, заключающуюся в том, что он через определенные промежутки времени как обычно был с громким криком в бубен и бросался плашмя животом и лицом на землю в южной стороне юрты головой к стене, повторив последнее девять раз. Каждый раз он лежал лицом и животом на земле около четверти часа, шевелил пальцами, как если бы кого-то манил, и часто подергивал ногами. Иногда он также кричал наподобие гагары, притворялся, будто хочет встать, но якобы не может. Расследование якутов при этом такое. Черти живут в земле на глубину девяти ярусов. Каждый ярус заселен чертями особого рода, и все они должны быть преодолены, пока не прибудешь в нижний ярус знатнейшего черта, который имеет власть над остальными. По их, якутов, мнению, шаман в своем экстазе действительно проходит вместе с жертвенной скотиной через все 9 ярусов и, наконец, доставляет скотину главнейшему черту. То, что он лежит на земле и вышеуказанным образом жестикулирует руками и двигает ногами, а также делает вид, будто бы хочет встать, но якобы не может, и что он кричит, как гагара, - все это означает, говорят якуты, что он должен под землей плыть, как эта водоплавающая птица. А когда шаман по достижении поставленной цели (яруса, который он должен был посетить) хочет вернуться назад, то он точно так же, как эта водоплавающая птица, которой очень трудно взлететь из воды, не может сразу подняться. Между тем шаман, полежав некоторое время на земле, всякий раз как бы снова приходил в себя и действовал так, как если бы он снова был на земле среди своих сородичей, которых он постоянно развлекал битьем в бубен и криками.

Наконец, когда он упал в девятый раз, чтобы получить аудиенцию у знатнейшего черта в девятом ярусе, то обнаружилось много затруднений, прежде чем он был впущен слугами в приемную. Он долго спорил с ними, и это было, как если бы актер в театре одновременно представлял и имитировал трех или четырех персонажей. После того, как шаман все же получил аудиенцию, точно так же было обставлено и со знатнейшим чертом. Последний вначале не хотел принять жертву и говорил, что она так ничтожна, вот если бы это была хотя бы трех- или четырехлетняя скотина, то она еще могла бы подойти. Он спрашивал также, от какого это больного. Шаман, со своей стороны, учтивейшим образом извинился и на все держал ответственные речи. Супруга черта, которая представилась больной и жаловалась, сказала, наконец, доброе слово шаману, после чего черт принял жертву. Сразу после этого шаман стал вести себя так, как если бы он хотел что-то поймать, а слова, которые он при этом выкрикивал, означали, что он ловит теленка, который вырвался с того места, где его оставили привязанным. Далее - как если бы он находился между двумя дерущимися партиями. Это означало, что в подземных жилищах имелась еще одна рогатая скотина,

которая бодалась с теленком, приведенным им. Но теленок одолел ее. Далее: шаман хватал себя за волосы, тащил их вместе с головой к земле и, кроме того, принимал позы, соответствующие борьбе. Это означало: черти ссорились и дрались между собой из-за жертвенной скотины, которую он им доставил, так она была им всем приятна.

Во время всего действия у высшего черта шаман часто кланялся головой до земли, большую часть времени, пока он был указанным просителем, он стоял на коленях и, наконец, когда он хотел возвращаться, сказал: господин черт, что я должен еще сказать - ты сам все знаешь лучше всех. Только непременно приходи завтра и не отвергай жертву, которую мы принесем тебе. Черт в ответ пообещал прийти и пригласил также всех якутских гостей, находившихся в юрте, к поеданию жертвы. С этим шаман встал, повернулся и продолжительное время пропрыгал галопом к северной стороне юрты. Это означало, что он возвращается верхом. Наконец, он упал в притворном обмороке и посредством многократного выскакивания отня над его головой вновь приведен в чувство. Конец этого вечера. Теленок, которого после совершения первой церемонии привязали к дереву немножко подальше от юрты, остался таким образом стоять ночь, и каждый лег спать.

На следующий день, вскоре после восхода солнца, началось жертвоприношение. Примерно в 1/2 версты от юрт (в других случаях это бывает и дальше) для этого было отыскано место, где приблизительно в 2-3 саженях друг от друга с востока на запад стояли два дерева. На этих деревьях топором были изображены (не шаманом, а другим, обычным, якутом) 9 личин - на одном дереве 6, на другом 3. Якуты говорят, что в данном случае неважно, сколько личин на каждом дереве. Ибо, если, к примеру, поблизости находятся три дерева, которые к тому же не очень толстые, и, соответственно, на них мало места для личин, тогда их изображают на всех трех деревьях, только их число должно в сумме равняться девяти. Можно поверить, что изображения должны были быть очень грубыми и неузнаваемыми. Каждая щека формируется одной или двумя плоскими насечками, нос между ними остается природной корой дерева, а рот представляют две глубокие поперечные насечки. Глаза, лоб и т.д. не видны.

Между двумя деревьями или недалеко от них к югу на землю были положены друг подле друга девять поленьев, каждое длиной в аршин; все они очень грубо изображали рыб и были ориентированы головами на юг. Они, как и вышеописанные личинки, должны были обозначать умерших шаманов. А причиной изображения рыб указывается то, что шаманы в земле и под землей должны передвигаться с места на место как рыбы.

Еще до рыб в небольшом отдалении к югу были посажены 9 молодых березок в ряд с востока на запад, не все на одинаковом расстоянии друг от друга. Из белых конских грив была скручена тонкая веревка толщиной с бечевку и длиной в 9 саженей (а именно, ручных саженей), и к этой веревке на расстоянии приблизительно в поларшина друг от друга было

привязано понемногу свисающего конского волоса, также из белых грив. Эта веревка была закреплена на девяти березках с востока на запад таким образом, что лицевыми сторонами она оказалась обращенной на юг и север.

Эта и последующие три страницы являются в некоторой степени вставкой.

Это действие с девятымаженной веревкой имеет, говорят, следующее значение. Так как шаман прошлым вечером ездил под землю на глубину девяти ярусов, где он миновал девять мест такого рода, на которых обычно якуты ввиду почтения что-нибудь вешают, то эта веревка в 9 саженей посвящена этим различным девяти местам. Количество висящих на ней кистей и расстояния между ними значения не имеют.

Они имеют обыкновение еще и помимо этой церемонии в известных местах, которые в сравнении с другими выделяют почтением, таких, как Кангаласский и Сергиев Камень к р. Лена, вешать точно такие же веревки в 9 саженей. При этом они говорят, например: это я подношу тебе, Сергиев Камень, для твоих девяти сыновей и девяти дочерей. Такое выражение имеет форму поговорки: когда якуты хотят пожелать кому-либо что-то доброе, то желают ему, чтобы он получил 9 сыновей и 9 дочерей. Другим урочищам, которые являются не столь значительными, они вешают веревки в 6, 5, 4 сажени или еще меньше и даже из одной кисточки, которую проезжающий срезает с гривы коня. Все, что якуты вешают в знак почтения к урочищам, называется у них *Delbergé*, то есть повешенное. Это может быть что угодно и при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Рыб (о которых выше) они называют *Ló-baligá*, то есть рыбы преисподней. *Lo* – это местопребывание главнейшего черта, которого они называют *Kílatái-töjöö*, а его супругу - *Kítái-eimachsín*, то есть старуха. У *Kílatái-töjöö* пребывают умершие шаманы и они используются для посылок, чтобы убивать людей и доставлять их в преисподнюю; равно как и остальные подчиненные черти выполняют такую же функцию. В преисподней людям плохо. Они живут постоянно во мраке и холода. Туманно и всегда дурной запах. Черты и шаманы, которые доставляют их, калечат их: одному отрывают руку, другому - ногу. Почти все простые якуты немедленно поедаются, так что от них ничего не остается. Шаман говорит все же, что когда во время шаманства он миновал 9 ярусов до преисподней, то в пути часто видел многих лежащих людей, которые были сильно искалечены и жаловались.

Более детально путешествие шаманов в преисподнюю шаман представляет следующим образом. Они считают бубен своим конем, как будто они на нем скачут, а колотушку - плетьью. С ними они едут под землю, минуют всевозможные места - чистые поля, луга, леса, озера и т.д. Когда они падают и поступают так, будто плывут подобно гагарам, то они минуют озера. Невдалеке по ту сторону этих озер находятся горы, а по дорогам через них живут черти, перед которыми они кланяются и приседают, потом встают. А таких гор и дорог через них, заселенных чертами, которые надо

миновать, числом девять. После этого они прибывают к местожительству главнейшего черта, или в преисподнюю.

Якуты верят, что и на земле все своеобразные и выдающиеся урочища, которым они обычно что-нибудь вешают, заселены особой категорией чертей, которым они приносят жертвы, вешая разного рода лоскуты и конский волос и бросая палку или прут. Все урочища у них женского рода, и они присоединяют к их названиям уважительные слова Ebé, то есть бабушка, и Chotún, то есть госпожа. Как, например: Otüss-ebé, то есть Лена, Itik-chaiá-ebé, то есть Кангаласский и Сергуев Камень, Gorod-ebé, а также Gorod-chotún, то есть Якутск, Marcha-chotún, то есть речка Марха, Üring-Köl-chotún, то есть Белое озеро немного ниже города Якутска. Ebé значит, чем Chotún. Якуты называют также город Якутск почтительно Ebé. Например: Откуда ты идешь? Ответ: Ebé-č'-t'ép - от бабушки (то есть из города).

Продолжение о церемонии жертвоприношения. Жертвенная скотина была привязана к дереву, которое находилось, если обратиться лицом к югу или к вышеописанным приготовлениям, слева. Я спросил, всегда ли она находится у дерева слева, так как предположил, что поскольку это дерево стояло к востоку, то и в этом могло что-то обнаружиться. Однако на это я получил отрицательный ответ. Выбирают лишь более тонкое дерево, а делается это потому, что шкура скотины затем должна быть установлена на срубленной верхушке данного дерева, что в случае с очень толстым деревом гораздо сложнее сделать и требует работы.

Перед деревьями, приблизительно в одном или двух шагах к северу от них, в землю были воткнуты две деревянные развилики в половину человеческого роста высотой, остриями вверх. На остриях были закреплены узкие доски примерно в два пальца толщиной и в 1 аршин длиной. На этих досках были поставлены и закреплены маленькие вырезанные из дерева чашечки - 5 на одной доске и 4 на другой, в общей сложности 9. Эти чашечки называются Tschogotschok. Развилка с 5 чашечками Tschogotschok стоит посередине перед обоими деревьями, а другая несколько левее. Первая посвящена чертям и умершим шаманам мужского рода, а вторая - женского. Ребра досок, на которых были закреплены чашечки Tschogotschok, обращены на юг.

Еще перед развиликами, а именно, на незначительном расстоянии к северу от них, прямо перед левым деревом, к которому была привязана жертвенная скотина, якуты поставили лабаз, то есть якутски Aragás, приблизительно в человеческий рост высотой. Этот лабаз был покрыт березовыми ветками. Перед лабазом был разведен костер, у которого стояло в общей сложности 9 глиняных горшков, 5 с одной стороны и 4 с другой, чтобы варить в них мясо скотины, которую должны были забить.

Скотину забил не шаман, а другой простой якут, который во время всей церемонии выполнял роль дьякона при шамане. Скотину повалили на

землю головой на юг. Забойщик вначале сделал разрез на брюхе, повдоль него, чуть ниже грудины, запустил в разрез руку и (как мы увидели затем при вскрытии) оторвал аорту чуть ниже сердца. Аорта по-якутски *Sisib-üše*, т.е. спинная артерия. И в обычной жизни забой у якутов осуществляется таким же образом. Причина, которую они указывают, заключается в том, чтобы тем самым не могла быть упущена кровь, которая считается у них большим деликатесом. Со скотины сняли шкуру, но все же таким образом, что она оставалась лежать все время на спине. Голова, исключая язык и мясо с челюстей, а также четыре ноги, считая от коленей, остались со шкурой. После того, как с одного или другого бедра или с другой части туши шкура снята, сустав отрезается, но всегда в сочленениях, с тем чтобы не могла быть повреждена или сломана ни одна кость. Другие якуты режут мясо на маленькие куски и кладут их в 9 горшков для варки. Бедренные жилы также отделяются и остаются на шкурке. Они также вырезают из коленных чашек мускулы, а из коленных суставов куски жира. К этому они добавляют еще мочевой пузырь и сохраняют все это отдельно до окончания всей церемонии.

После того, как была разрезана грудина, собравшуюся в ней кровь вычерпали в туес и, после сворачивания, ею были полностью вымазаны деревянные личины и вырубленные на деревьях личины умерших шаманов в качестве жертвы для них. Остальная кровь была помещена в кишki, сварена и съедена вместе с остальным мясом. Кишki и желудок были лишь грубо выдавлены и несколько очищены от находившихся в них нечистот, но не вымыты. Они почти не моют ни лицу, ни посуду. Печень была порезана на куски, обвернута куском сети и сварена. Это любимейшее лакомство якутов, которое они называют *Togotschö*. Они также жарят печень маленькими кусками на огне.

Тем временем, пока мясо, кишki и потроха варились, шкура была подружена на дерево слева следующим образом. У дерева была срублена верхушка, на нем в направлении с севера на юг закреплена поперечная деревяшка длиной со шкурой, и на эту деревяшку повешена шкура головой на юг. Такая повешенная шкура называется по-якутски *Kerjäch-Tiríté*, то есть жертвенная шкура (вся церемония жертвоприношения, которую русские называют словом жертва, по-якутски называется *Kerjäch*). Вешанье шкуры всегда осуществляется одинаковым способом, за исключением тех мест, где нет деревьев. Тогда они кбивают в землю два кола с поперечной жердью длиной со шкурой и вешают на нее шкуру. Это делается главным образом лишь тогда, когда они жертвуют высшим, или воздушным, чертам, и в этом случае нет церемонии с шаманскими личинами и деревянными рыбами, а также путешествия шамана в преисподнюю.

После того, как мясо было сварено до полуготовности, его достали из горшков и положили на лабаз. В туес налили бульона и нарезали кубиками часть леткого. Затем они вначале наполнили 9 маленьких чашечек в ка-

честве пищи приглашенным чертам: в каждую чашечку немного бульона и кубик легкого. А после шаман и его дьякон побрызгали чертам бульона и мелко нарезанного легкого вверх кпереди на землю. Бульон и легкое каждый раз в одной ложке. Кому они брызгают по порядку:

1. Kutatai как главнейшему черту, с его семьей и всеми чертами. Kutatai имеет также много детей. Каждому - поименно.

2. Поименно умершим шаманам, которые им известны или о которых у них имеются предания, что они из их рода. Церемония касается всегда лишь одного рода, а именно тех, которые принадлежат к роду того, для кого проводится жертвоприношение. Это может быть больной или шаман может проводить церемонию для собственной персоны, что иногда также происходит.

3. Уроцищам, а именно тем чертам, которые в этих уроцищах пребывают.

Они также приглашают на мясо, лежащее на лабазе, всех чертей разом. Выражения при этом такие: господа черты и шаманы могут досыта наесться и за это тому, кто эту жертву им представил, даровать долгую жизнь. Затем, по завершении брызганья, шаман говорит главнейшему черту: после того, как мы тебя угостили, можешь на коне, которого мы для тебя поставили (имя в виду повешенную бычью шкуру), вернуться домой.

После этого шаман и остальные якуты сели есть. Ветки с вареным мясом были сняты с лабаза и положены на землю. Якуты сели различными рядами без порядка, сначала ели сухое мясо, которое было начисто срезано с костей и маленькими кусками разделено между ними. Затем ложками ели бульон. После трапезы они сожгли кости, мускулы и куски жира, вырезанные при забое вышеуказанным образом из коленных чашек. Все установленные вещи, как-то шкура, маленькие чашечки, веревка и т.д., так и остаются и никем не трогаются, оставаясь так долго, как это позволяют ветер и погода. Шкуре они не поклоняются.

Некоторые шаманы, как, например, тот, кто проводил вышеописанную церемонию, не могут совершать жертвоприношения божествам посредством обычной весенней церемонии чоканы. Они также не могут жертвовать божествам коней, считаясь нечистыми и грешными. Простые якуты говорят, что такие нечистые шаманы могут с помощью чертей околдовывать и губить людей. Сами шаманы отрицают это, но признают, что имеют связь лишь с чертами и ни с кем из божеств.

РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 223 об. - 236 об.
(Перевод с немецкого А.Х. Элерта)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

"Скаска" якутской шаманки

1737 году мая 28 дня якутская шаманка Тюсюлюх Сахтынина дочь, Кангаласской волости ясашного якута Тордун Байкова жена, Академии наук перед господином профессором Миллером через городового толмача Степана Гуляева скаскою объявила.

От роду де ей двадцать лет и вышла де за помянутого якута Тордую замуж назад тому три года, которой де был вдов, а прежняя де жена была у него шаманка. И прошлой де осени стала она шаманкою по якутскому обыкновению и с того де времени колола она себя у якутов при шаманстве ножем притворио: два раз проткнув платье какось и спустя ножевой конец к штанным ремням, и нагибая черен на низ, и поджимая брюхо в себя, и так де кажетца, бутто нож воткнут в брюхо. И понеже де от того на брюхе никакой раны не зделалось, то сказывала де она якутам, обманывая их, что де рана дьяволскою помощию в то же время при шаманстве зажила. И якуты де верят, что все то подлинно так делаетца и от того де пришла она в славу.

И как де господин профессор Миллер сего мая восмаго дня заставил ея шаманить перед собою и перед господином доктором Гмелиным для подлинного свидетельства, то намерена де была она, ис хотя своей славы потерять, таким де притворным колотьем ево, господина профессора Миллера, и господина доктора Гмелина обмануть. Но как де в том действе господин доктор Гмелин по прошению господина профессора Миллера брюхо ея под платьем стал щупать и узнал, что нож не в брюхе, то де она стыда ради брюхо ножем подлинно поколола и от вышедшаго ис-под кожи жиру кусок отрезала и, изжарив, съела. А о ране де, которая от того учинилась, объявила она можно, бутто де она для того скоро не зажила, что брюхо у нее щупали.

И понеже де она тогда, защищая свое ремесло, обещала в другое время еще колоть себя при шаманстве ножем и весь нож воткнуть в брюхо, чего де ради сего мая двадцати шестаго дня господин профессор Миллер ея, шаманку, при товарищах своих, при господине докторе Гмелине и при господине профессоре Лакроере, и при иных многих людех опять шаманить заставил, то она по прежнему обычай колола себя ножем притворно - воткнула нож в платье, якобы в брюхе, и отломила черен, а лезвие держала под платьем и брюха своего не давала смотреть для того, чтоб обманнество ея пред всеми людми явно не учинилось. И потом де притворилась она, бутто нож выблевала. А то де зделала она таким образом, что, припав к земле, подставила правою рукою деревянную колотушку, чём ко-

лотят в бубны, ко рту, а левою рукою выняв ис-под себя ножевое лезвие, положила из-за той колотушки скрытно в рот.

И повеже де господин профессор Мишлер то приметил, то де она, шаманка, сего обманства болши скрывать не смеет. А подлинно себя колоть не может, чтоб раны не было. И как де она стала шаманкою, то отведывала де она себя резать ножинцами, от чего де зделались раны, которые долго не зажили и болели, по тому ж как и та рана, как она сего мвих осмаго числа себя колола, и поныне совсем не зажила и еще болит. И в сей де сказке она, шаманка, сказала самую вышую правду без всякой лжи и утайки.

И сию сказку писал Якуцкой воевоцкой канцелярии канцелярист Василий Бугаев.

Знамя шаманки, женки Тюсюпюка Сахтациной дочери.

Женкины речи переводил городовой толмач сын боярской Степан Гуляев и руку приложил.

РГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, л. 2, л. 140 - 141 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Письма Г.Ф. Миллера бурятскому тайше Лобзану и ламе Дзоржи

1

Лобзан-тайша да Дзоржи-лама, здравствуйте!

Радение ваше к службе ея императорского величества, которое вы через то показали, что вы ту книгу, которая о мунгальской истории писана, списать велели и мне сообщили, в забвении оставлено не будет. Еще вас прошу, чтоб вы ко мне не на долгое время одного манджуя и, ежели возможно, того прислали, которой по-русски учиться начал, чтоб оную книгу через толмача при мне прочесть и, что ныне потребно будет, на российской языке перевести. А о переезде и о пропитании того манджия будет податель сего старание иметь и в бытность его у меня, также и в пути назад до вашего улусу во всем доволствие иметь будет.

Августа 19 дня 1735 году из Удинска.

Герард Фридрих Миллер.

СПБО АРАН, ф. 21, оп. 2, д. 24, л. 188 об.

2

Превосходительный господин тайша Лобзан и почтеннейший Дзоржи-лама!

Я надеюсь, что вы в добром здравии находитесь, чего и впредь желаю. Вы требовали, чтоб к вам такой хотел прислать, в котором у вас чай варят, и оной котел я к вам при сем присыпаю. Я еще и другой такой же котел заказал делать, но оной еще не готов, а как скоро готов будет, то оной к вам также пришлю. И ежели я вам и впредь чем-нибудь услужить могу, то оное учинить всегда готов. Я желаю вас еще до моего отъезду здесь видеть, так как меня ваш банди обнадежил, а когда и вы того желаёте, то надлежит вам сюда в последних числах декабря быть. Причем прошу вас, чтоб вы мне некоторых из ваших глиняных и писанных бурханов с собою привезти, о которых ваш банди знает, что их у меня нет, а особливо бурхан Ногон Дари Ихе, также и Идин Июрюду. И ежели вы сами в Иркуцк не будете, то прошу из помянутых вещей через обретающегося в Селенгинске нашего студента Василья Третьякова ко мне те прислать, без которых вам обойтись можно. Вы изволите подлинно надеяться, что я оныя вещи хранить и честно содержать, а не презирать буду.

Поручая вас милости всеснедраго Бога, остаюсь вам покорный слуга
Герард Фридрих Миллер.

Из Иркутска ноября 3 дня 1735 году.

РГАДА, ф. 199, портф. 530, д. 10. л. 1 - 1 об.

3

Почтенный лама Дэоржи, благонадежный друг мой!

Понеже я отправляю команды нашей переводчика Илью Яхонтова в Селенгинск, того ради приказал я ему, Яхонтову, в ваши улусы заехать и о вашем здоровье уведомится, чего с радостию слышать желаю. Я весьма сожалел о преставлении тайши Лопсана, как по прибытии сюды о том услышал. А вам желаю по неотмекной своей дружбе от Бога-воздателя всякого блага, все, чего вы сами себе желать изволите. Ибо во всем свете един Бог, токмо по разным законам службу приносят ему неравную.

Я много трудился, чтоб силу вашего закона совершенно познать, и ныне посланному от меня еще некоторым написал вопросы и на оныя приказал у вас просить ответствия и объяснения. Прошу допустить его быть при отправлении вашем божественной службы. И что вы из ваших бурханов и иных в божественной службе принадлежащих вещей уступить можете, оное изволите ему отдать. А которых вы в прошлом 1735-м году зимию изволили послать бурханов и Курюду, оные небрежением того человека, с которым они посланы были, дорогою потеряны, о чем я весьма сожалел, токмо за отбытием в дальние места в Якутск к вам о том писать не мог. А ныне, возвратившись оттуды, желаю прежнюю нашу дружбу искренно продолжать и, в чем вам здесь или в иных местах служить могу, оное со всем охотою исполнить не премину.

Отдаю вам мой дружеский поклон, остаюсь ваш покорный слуга профессор Герард Фридрих Миллер.

Из Иркутска марта 20 дня 1738 году.

РГАДА, ф. 199, портф. 530, д. 10, л. 5 - 5 об.

4

Почтенный лама Тсоджи, благонадежный друг мой!

Весьма радуюсь я, что при прибытии переводчика Ильи Яхонтова возвратно в Иркутск от него услышал, что вы в добром здравии находитесь. А паче вам благодарствую, что вы по своей неотмекной дружбе все то изволили исполнить, о чем я вам чрез оного Яхонтова просил, и прислали ко мне бурханов и прочия при божественной вашей службе употребляющиеся вещи, которые я получил все в целости, как в письме от вас написано, и содержку их в чести.

А по возвращении моем в Санкт-Петербург все оное отдано будет в ея императорского величества Кунсткамеру, и вам от того будет немалая

пожалуйста. А ежели я вам хотя в Сибири, хотя в Санкт-Петербурге какая угодные услуги показать могу, то изволите только меня о том уведомить и о том несомненно надеяться.

Поручаю вас милости всевышшаго Бога и отдаю вам мой поклон. Остаться вам доброжелательный во услугах профессор Герард Фридрих Миллер.

Из Иркутска июля дня 1738 году.

РГАДА, ф. 199, портф. 530, д. 10, л. 6 об. -7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Сибирское путешествие Г.Ф. Миллера и его историко-этнографические исследования	18
1. Программа изучения народов Сибири и организация этнографических исследований	21
2. Труды и материалы по истории и этнографии сибирских народов	40
Глава II. Проблемы истории аборигенных народов Сибири в трудах и материалах Г.Ф. Миллера	68
1. Этнический состав и расселение сибирских народов	—
2. Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России	92
Глава III. Этнография народов Сибири в трудах и материалах Г.Ф. Миллера	117
1. Хозяйственные занятия и материальная культура	—
2. Общественные отношения	135
3. Духовная культура	162
Заключение	177
Список сокращений	180
Приложение 1	
Этнографическая программа Г.Ф. Миллера	181
Приложение 2	
Фрагмент полевого дневника Г.Ф. Миллера с описанием якутского обряда жертвоприношения	227
Приложение 3	
“Скаска” якутской шаманки	234
Приложение 4	
Письма Г.Ф. Миллера бурятскому тайше Лобзану и ламе Дээржи	236

Научное издание

Элерт Александр Христинович

Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера

Редактор Т.Б. Менкозерова

Технический редактор М.М. Игнатьев

Подписано в печать 11.12.1999. Бумага офсетная. Формат 60x90/16.

Гарнитура Times New Roman. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15.

Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 500. Заказ № 1356. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.

Лицензия ЛР № 040755 от 12.04.96.

630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Типография РПО СО РАСХН

633128 Новосибирская обл., р.п. Краснообск